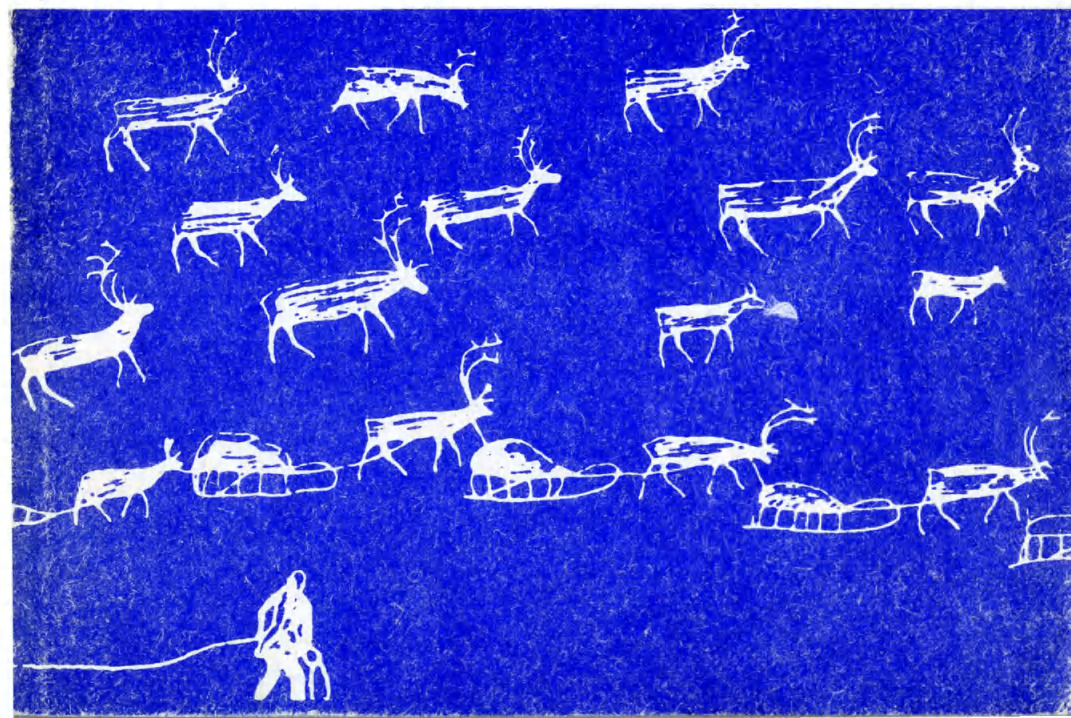

С.Б.Помишин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА И ДОМЕСТИКАЦИЯ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

С.Б.ПОМИШИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ОЛЕНЕВОДСТВА
И
ДОМЕСТИКАЦИЯ
СЕВЕРНОГО
ОЛЕНЯ

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук Т.М. МИХАЙЛОВ,
доктор сельскохозяйственных наук К.Т. МУНКОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1990

Рецензенты:

доктор исторических наук И.А. Асалханов,
 доктор исторических наук И.С. Гурвич,
 доктор исторических наук Ф.Г. Сафронов,
 кандидат сельскохозяйственных наук А.А. Атутов,
 кандидат биологических наук В.Н. Прокопьев

Помишин С.В.

Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. -
 М.: Наука, 1990. - 141 с.

П 55 ISBN 5-02-009988-0

Оленеводство - неотъемлемая часть жизни и национальной культуры северных народностей. Известное ныне многообразие типов оленеводства - продукт длительного исторического развития, особых экологических условий. Книга рассказывает, когда, где и как первоначально был приручен дикий олень и возникло домашнее оленеводство, чем отличается, например, домашний олень чукотской породы от оленей, разводимых эвенками и другими северными народами и т.п.

Книга рассчитана на этнографов, историков, биологов и читателей, интересующихся развитием народов Севера.

П 0505000000-019 111-90-I пол.
 042(02)-90

ISBN 5-02-009988-0

ВБК 63.5(2)

© С.В. Помишин, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Изучением оленеводства автор книги занимается с 1957 г. В основу ее легли сведения по истории, археологии и этнографии аборигенов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также исследования по проблеме оленеводства.

Обработка и подготовка материала позволили дать краткую историю народов Севера до появления у них оленеводства, осветить проблему Саяно-Алтайского происхождения оленеводства, т.е. ответить на вопросы - когда, как и где первоначально был приручен дикий олень и возникла эта отрасль хозяйства, проследить пути распространения этой культуры с юга на север не только в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, но и во всей Северной Азии, а отчасти - в Европе.

В работе рассматриваются сложные и недостаточно выясненные подробности истории оленеводства, делается попытка обобщить имеющиеся основные и дополнительные сведения, подтверждая доводы приведением собственных (биологических) данных. В книге используются материалы народного творчества, геологические, палеонтологические, лингвистические, зоологические, ботанические и др. Отсюда вполне понятно, что литература вопроса оказалась обширной.

В монографии нет хронологического изложения истории проблемы, т.е. того, как решались и менялись взгляды специалистов на вопросы о происхождении домашнего оленеводства, времени и месте этого процесса. Историография проблемы в широком плане пронизывает всю книгу, особо в главах I и III (с дачей критики ошибочных построений).

Автор благодарен за сведения по истории некоторых народностей Севера и развитию оленеводства в Саянах и на Алтае, которые он в свое время получил от профессоров Л.П.Потапова, Б.О.Долгих, В.Н.Скалона и Ринчена Бимбы (МНР), доктора исторических наук М.А.Сергеева.

Глава I ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

1. Значение проблемы

Тому, кто изучает настоящее и думает о будущем, всегда было особенно интересно вглядываться в прошлое. Так делали мыслящие люди во все времена. Оно и понятно: не зная прошлого, нельзя хорошо знать настоящего и уверенно двигаться вперед.

На важное значение изучения прошлого культурных растений и домашних животных в свое время указывал акад. Н.И.Вавилов, который писал: "... исторические проблемы происхождения земледелия, происхождения культурных растений и домашних животных особенно интересны для нас в смысле овладения культурным растением и животным" (35, с.2). Он особо подчеркивал, что, зная прошлое, можно в кратчайшее время научиться изменять культурные растения и животных в соответствии с запросами сегодняшнего дня.

Говоря о происхождении и одомашнении сельскохозяйственных животных, проф. Е.Я.Борисенко отмечал: "Значение эволюции домашних животных, ее закономерностей, знание исходного материала, видового и внутривидового состава животных являются ключом к управлению формообразовательными процессами" (31, с.7). Заметим, что селекция растений и животных, по существу, представляет собой экспериментальную эволюцию. Но для того, чтобы управлять эволюцией, необходимо историческое понимание действия эволюции. Вот почему проблема происхождения животных имеет весьма важное значение, и неудивительно поэтому, что она привлекает исключительное внимание науки.

На первый взгляд затронутая нами проблема представляет чисто теоретический интерес. Однако при внимательном рассмотрении выявляется и большая производственная ее роль. По этому поводу С.Н.Боголюбский указывал, что разработка проблемы связана с массой вопросов, разрешение которых приобретает актуальное значение для современного животноводства: учет "расового" богатства, "расообразование" (имеется в виду пороодообразование. - С.П.), взаимоотношение фенотипических и генотипических изменений, явления неогенеза, закон гомологических рядов, влияние ландшафта на организм, изучение экономических предпосылок, роль искусственного и естественного отбора и т.д. (20, с.15).

Знание прошлого, например, той или иной породы позволяет практически правильно построить зоотехническую и племенную работу с ней: указать конкретные пути и определить четкое направление дальнейшей работы. Так, если на основе изучения всех доступных нам материалов мы приходим к выводу, что тофаларские олени являются представителями древнейшей породы, давшей начало многим другим породам оленей, то отношение к ним будет совсем иное, чем, допустим, к помесным оленям лесотундровой зоны. В подобном случае вывод может быть один: тофаларские олени - ценный материал для селекционно-племенной работы в оленеводстве.

Оленеводство - своеобразная отрасль животноводства. Специфична и история ее развития. Прошлое оленеводства связано с историей малых народов Севера и составляет органическую часть их материальной и духовной культуры. Поэтому вопросы происхождения оленеводства могут быть поняты лишь в тесном взаимодействии человека и оленя. Без знания истории местных народов невозможно представить себе закономерности развития оленеводства. Но в то же время только углубленное изучение происхождения оленеводства позволяет решить ряд вопросов, понять развитие и изменение уклада жизни населения, торговые отношения, использование природных богатств и т.д. Следовательно, раскрытие своеобразия исторического развития оленеводства, выявление самобытных черт культуры наших оленеводческих народов и определение их вклада в культуру всего человечества имеет огромное значение для правильного понимания проблем Севера.

На протяжении веков в Сибири и на Дальнем Востоке последовательно шел процесс самобытного исторического динамизма, в основе которого было развитие производительных сил и экономики аборигенных народностей, выработавших и развивших оригинальную национальную культуру, в том числе и оленеводство.

Рассматривая происхождение оленеводства, одни исследователи считают его явлением древним, насчитывающим тысячелетия. Другие же, наоборот, отстаивают взгляд о более позднем происхождении этой культуры, допуская при этом, что дикие северные олени были одомашнены охотниками лишь на основе слепого подражания народам, занимавшимся животноводством. Подобная точка зрения была подвергнута подробному разбору и исключительной критике еще Е.В.Кагаровым (117). А В.Г.Богораз писал: "В сущности, эта странная теория подражательного заимствования представляет одно из проявлений культурного чванства, которое не может допустить, что какие-то грубые дикари могли создать отрасль хозяйства, совершенно независимую от влияния высших соседей" (28, с.227). Он показал колонизаторскую сущность ее. На современном этапе развития научных достижений ошибочность этой теории стала совершенно очевидной. Однако спорных вопросов остается еще

много. Для правильного решения их необходим верный методологический подход, основанный на принципах диалектического и исторического материализма о развитии природы и человеческого общества.

2. Изученность проблемы

Изучению вопросов происхождения и одомашнивания животных уделялось немало внимания в прошлом. Об этом свидетельствуют работы русских ученых Миддендорфа А.В., Насонова Н.В., Анучина Д.Н., Богданова Е.А., Браунера А.А., Кулешова П.Н., Иванова М.Ф., Громо-вой В.И. и др., появившиеся в конце XIX и в начале XX в. Советской и зарубежной наукой накоплен обширный материал, значительно обогативший наши знания по вопросу о происхождении культурных растений и животных. Однако и до настоящего времени мы еще не располагаем исчерпывающими данными по этой весьма сложной проблеме.

Специальным же изучением оленеводства в целом не занимался никто. По признанию Е.В.Кагарова, вопрос изучения оленеводства "принадлежит к числу наиболее спорных и трудных проблем истории первобытных хозяйственных форм" (118). А Г.М.Василевич и М.Г.Левин откровенно пишут: "Вопросы о древности оленеводства, его происхождения и путях распространения принадлежат к числу наиболее трудных и вместе с тем наименее освещенных в сложной проблеме истории материальной культуры народов Севера" (46). В литературе по оленеводству до сих пор нет сводного, обобщающего труда, который подвел бы итоги сделанному и ознакомил бы читателей с этой интереснейшей проблемой истории Севера. Здесь можно найти только (кстати, уже несколько устаревшие) работы, посвященные той или иной стороне материальной культуры оленеводов, прошлому отдельных типов оленеводства, некоторым элементам их возникновения, развития и т.д. Из таких трудов следует отметить в первую очередь прекрасные очерки В.Г.Богораза "Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке" (1927) и "Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы" (1933), в основу которых автор положил многолетние собственные наблюдения и использовал почти весь доступный по тому времени материал. Страницы этих работ, посвященные Европе, в силу недостатка необходимых сведений несколько беднее, чем те, которые освещают Северную Азию. Много внимания В.Г.Богоразом уделено Северо-Востоку и Саянской области страны. А.Н.Максимов в своей монографии "Происхождение оленеводства" (1928) на основе историко-этнографического материала внес дополнительные данные по северо-западным районам Европы, в частности он высказал мнение о самостоятельном происхождении оленеводства на Скандинавии. А.М.Золотарев и М.Г.Левин в статье "К вопросу о древности и происхождении оленеводства" (1940) в основном следовали предыдущим авторам, расходясь с ними только во взглядах относительно древности возникновения оленеводства. Кроме общих сведений, они обратили внимание

на этнографические особенности оленеводства, привели ряд интересных соображений о собаководстве, как повсеместном предшественнике оленеводства, и о последующем, более позднем возникновении коневодства.

В.Н.Скалон в статье "Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства" (1956) с интересных позиций рассмотрел проблему оленеводства. В частности, он по-новому взглянул на время и место первоначального становления оленеводства, на возможные направления происходивших переселений древних оленеводов, на вероятного родоначальника домашнего оленя.

В основном же в литературе встречаются лишь случайные высказывания по интересующему нас вопросу, отдельные заметки и статьи, многие из которых разбросаны в недоступных для массового читателя изданиях. Имеются также многочисленные косвенные сведения. Библиографические источники показывают, что если работы, посвященные собственно происхождению оленеводства, насчитываются единицами, то отдельные сведения по этой проблеме, а также по этнографии, географии, изобразительному искусству, топонимике, особенностям техники оленеводства и т.д. обнаруживаются во множестве.

Особенно богатыми оказываются исторические сведения. Редкий труд, даже редкий архивный документ, касающийся, скажем, истории Сибири и Дальнего Востока XVII-XVIII вв., не содержит материалов, которые были бы так или иначе полезны в интересующем нас отношении. Исключительно ценный материал представляют археологические изыскания, проводимые в последние годы в северных районах страны. Все использованные источники приведены нами в списке литературы.

3. Задачи и методы изучения

Главная задача - специальное, более широкое и глубокое изучение проблемы возникновения и эволюции оленеводства, обобщение имеющегося материала и определение путей и методов дальнейшего изучения. Обосновывать необходимость решения этой задачи излишне. Оно ясно из уже изложенного выше. Иное дело - остановиться на методах ее изучения.

Как известно, обитатели тайги и тундры не изобрели письменности и мало что могут сообщить о своем далеком прошлом. Судить приходится на основании разнообразных косвенных показателей.

Хотя прямых исторических данных в летописях нет, все же некоторые исторические свидетельства о народах Севера, о их культуре могут дать нам какой-то материал. Для этого необходимо серьезное изучение оригинальных форм таежных и тундровых хозяйств, материальной и духовной культуры народов, истории их общественного развития, от которой неотделима история оленеводства. Только постепенно, в совокупности с данными других наук могут быть раскрыты исторические картины начальных этапов одомашнивания оленей, их органичное

слияние с хозяйством человека, появится возможность ответить на вопрос — почему человек начал приручать оленей и заниматься оленеводством в то или иное историческое время. При этом, чтобы избежать ошибок, нужно исследовать не детали исторических событий, не отдельные памятники и стороны жизни, а всю сумму исторических явлений, сам процесс развития народов.

Для изучения нашей проблемы должны использоваться также данные археологии, палеонтологии, этнографии, лингвистики и других наук.

Материалы, добытые археологами и палеонтологами, позволяют определить, где был центр (очаг) возникновения оленеводства, какой образ жизни вели наши предки и для каких целей они использовали оленей, какова была эволюция оленей в домашнем хозяйстве, их продуктивность, как влияли природные условия на развитие отрасли. Остатки диких и домашних животных, обнаруженные при археологических раскопках, имеют решающее значение для выяснения социальных и экономических условий населения. Правда, следует отметить, что исследователи еще не всегда могут различить по костям домашние и дикие формы оленей. Внимание к остеологическому материалу недостаточно, что приводит к гибели его навсегда.

Исследования этнографов, изучающих жизнь, быт и культуру современных народностей, могут помочь при изучении эволюции одомашнивания оленей у наших далеких предков. На стыке двух родственных наук — археологии и этнографии — открываются поистине неожиданные перспективы познания исторического процесса.

Изучая быт и обычаи северных народов, вскрывая общие для всех них реликтовые особенности, надо учитывать и роль различных языков в формировании их мироощущения. Например, путем сравнения названий диких и домашних оленей, названий продуктов оленеводства, упряжного снаряжения и т.д. можно установить связи между оленеводами различных народов. Недаром среди языковедов бытует выражение: "Наш язык — это в то же время и наша история". Необходимо изучать также фольклор, древнейшие верования, различные легенды, эпос и т.д. Например, доказано, что в основе многих преданий лежат отголоски реальных событий. Поэтому вовсе не случайно, говоря о задачах исследования малых народов Сибири, профессор Ю.Э.Петри подчеркивал, что вопрос об оленеводстве не может быть полно обследован без собирания легенд о происхождении оленя, ибо они могут пролить свет на происхождение самого оленеводства у данного народа (196). В исторических легендах и эпических сказаниях можно найти сведения о климате, животном и растительном мире в давно минувшие времена. Таким же ценным источником для установления отдельных историко-этнографических фактов служит фольклор, помогающий разгадать тайны этногенеза древних племен и их расселение. Здесь следует особо подчеркнуть срочную необходимость сбора материалов, так как стариков-

информаторов, хранителей устного творчества своего народа, становится все меньше.

Ценные, порою высокостепенные сведения дают остатки изобразительного искусства, свидетельствующие об определенном времени одомашнивания и характере использования оленей, хозяйственном укладе и наличии различных животных, о их размерах и т.д. Например, изображения людей, сидящих верхом на оленях, несомненно свидетельствуют о существовании оленеводческой формы хозяйства, о развитости верхового оленеводства и т.д. Однако значение петроглифов выходит за рамки чисто исторического документа. Зоотехники-селекционеры справедливо видят в них "каменную родословную" местных животных и умело "читают" их как древнюю племенную книгу, помогающую определить родоначальников существующих пород животных, направление селекции, результаты ее применения и т.д. Умелая расшифровка наскальных изображений имеет широкую научную ценность.

Изображения бывают очень четкие, явно реалистические или стилизованные, обобщенно схематичные. Первые носят хозяйственный, последние — культовый характер. Знать и разбираться в таких рисунках очень важно, ибо от правильного понимания и расшифровки их зависит правильное толкование, а следовательно, и правильная интерпретация прошлого. Между тем некоторые авторы найденные изображения принимают только за стилизованные, увязывая их с дикими оленями, с первобытной охотой на них и т.д., хотя во многих случаях нетрудно уловить в рисунках заложенный в них хозяйственный смысл. Иногда фигуры оленей почему-то принимаются за лосей.

Не менее ценный материал дает топонимика — наука, изучающая происхождение, содержание и написание географических названий. Как известно, происхождение географических названий связано с самыми различными явлениями и процессами, происходящими в природе и обществе. Корни многих названий уходят в глубокую древность, в них скрывается интересный географический, исторический, этнографический и лингвистический смысл.

Для изучения происхождения и эволюции домашних животных используются также данные биологических наук: зоологии и палеозоологии, зоогеографии, эволюционной морфологии, сравнительной анатомии, краниологии, филогенетики, генетики, физиологии и др. Так, зоолог, пишет Е.Я.Борисенко, изучающий мир животных, решает вопрос о происхождении домашних животных путем сравнения современных животных с их дикими родичами и с ископаемыми остатками домашних животных, которыми владел древний человек. Путем сравнений и сопоставлений отдельных костей ныне живущих домашних животных и костных остатков ископаемых устанавливаются наиболее близкие дикие родичи современных домашних животных (31, с.7).

Пользуясь сравнительно-анатомическим методом и учитывая некоторые определенные взаимоотношения между формой и строением отдельных костей и всего организма, можно восстановить весь внешний вид и даже образ жизни давно вымерших животных.

Интересные данные дает сравнительное изучение черепов. При этом, правда, следует особо учитывать влияние внешних условий. Е.А.Богданов (19), не возражая в принципе против измерений черепов и рогов, указывал, что палеозологам часто недостает знания того, "как сильно влияет кормление и содержание на сложение животных. По сведениям этого рода, и в частности по деловому представлению об изменчивости пород, первый хороший скотозаводчик превосходит на много зоолога". Следовательно, этот метод (изучение черепов) должен проводиться в комплексе с остальными методами.

Решению вопроса о происхождении отдельных видов домашних животных, установлению их филогенетического родства во многом способствует изучение биохимических свойств белков крови, преципитиновых реакций, реакций агглютинации и т.д. Весьма полезным может быть иммуногенетический метод, которому, к сожалению, сейчас уделяется совершенно недостаточное внимание. Достижения генетики помогли бы прояснить вопрос о происхождении животных. С помощью генетического полиморфизма можно характеризовать породы, линии и семейства, а также любые многочисленные группы. Показатели биохимического полиморфизма, как и группы крови, можно использовать для выяснения достоверности происхождения животных. Так, данные литературы показывают, что частоты встречаемости определенных генов, например у овец различных пород, неодинаковы. Поэтому различия по частоте встречаемости генов указывают в филогенезе на их генеалогическую отдаленность, а идентичность частоты — на их близость (138, с.29).

Таков, по нашему мнению, должен быть комплекс методов, используемых для изучения происхождения и эволюции оленеводства. Только путем мобилизации различных способов исследования, многие из которых до сих пор еще не находят своего применения в оленеводстве, можно всесторонне и глубоко подойти к этой весьма важной и сложной проблеме.

Г л а в а II

ВОПРОСЫ ДОМЕСТИКАЦИИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

Доместикация северного оленя в литературе освещена слабо. Принятая здесь попытка обобщения имеющегося материала не претендует на исчерпывающее решение. Сделаны лишь некоторые предположения, которые могут содействовать дальнейшим исследованиям рассматриваемых вопросов.

1. Предки и родичи домашнего оленя

В отложениях мелового времени остатков "копытных" не обнаружено, а в начале третичного периода (палеоцен) уже имелась довольно разнообразная и широко распространенная фауна "копытных". Парнокопытные появляются в нижнем эоцене Северной Америки и Европы, а представители семейства оленей — в нижнем олигоцене Азии в виде малодифференцированных форм, составляющих вымершее в плиоцене подсемейство Palaeomerucinae. По своему происхождению семейство связано с олигоценовыми Traguloidea и ведет от них свое начало. Развитие оленей шло от очень мелких безрогих форм, и одна из черт прогрессивного изменения группы заключается в увеличении размеров животных и в появлении рогов, со временем все усложняющихся (63). По этому поводу В.Гаак писал: "Замечательно, что олени рога проходят все историческое свое развитие при развитии каждого отдельного оленя. Олень рождается без рогов. На первом году у него появляются неветвящиеся рога. Из года в год число отростков растет, и только через несколько лет, по достижении полного развития появляются лопатообразные рога" (59, с.613).

Олени распространены относительно широко. Их можно встретить в Южной, Центральной и Северной Америке, в Северо-Западной Африке, на материковой Европе и в Азии. На севере ареал их на Шпицбергене, Новой Земле, на южном острове Северной Земли, на Новосибирских островах, береговой полосе Гренландии, на юге — Шри-Ланка и вся островная область между Азией и Австралией на восток и юго-восток.

Семейство оленей разбивается на 7 подсемейств — 2 вымерших и 5 современных. Всего в семействе 50 родов, из них современных 17. Общее число видов 36. В фауне СССР представлены 3 подсемейства, 5 родов и 6 видов.

Наиболее интересным для нас является подсемейство лосей, а из родов – род северных оленей. Всего в подсемействе 12 родов, из которых 7 современных и 5 вымерших. Современных видов – 15. Род северных оленей является наиболее молодым из всех родов подсемейства. Полагают, что род развился в начале плейстоцена в южных и умеренных частях Северной Америки, а в современном виде сложился к середине плейстоцена. Затем представители рода широко расселились по северу Северной Америки, Азии и Европы. Северный олень обитает на Земле около миллиона лет. Это один из самых молодых видов животных. Говоря об американском происхождении северного оленя, в подтверждение обычно ссылаются на то, что в отложениях ранее времен последнего ледника его остатков в Европе еще не находили (272, с.114). Однако в последнее время все шире высказывается противоречивое мнение. Ф.Дарлингтон, в частности, пишет: "Семейство оленевые (Cervidae), вероятно, произошло от ранних Tragulidae в олигоцене Евразии. Прimitивная ветвь (подсемейство Palaeomerucinae) проникла в Северную Америку в миоцене, но в течение плиоцена там исчезла. Возможно, в настоящее время эта ветвь представлена в горах Азии кабаргой ... В дальнейшем эволюция оленей протекала главным образом в Евразии... Основная линия эволюции оленевых на одной из стадий (подсемейство Muntiacinae) была приурочена к Евразии и представлена двумя современными родами в Азии. Завершилась она образованием подсемейств Cervinae и Odocoileinae. Подсемейство Odocoileinae, вероятно, произошло в Евразии и заселило Северную Америку в плиоцене, а Южную Америку – в плейстоцене или незадолго до плейстоцена. Роды Alce и Rangifer относятся к северному подсемейству Odocoileinae, которое, как считает Скотт (Scott, 1937, p.322), проникло в плейстоцене из Евразии в Северную Америку" (83, с.300). Подобный взгляд разделял и В.Гаака, который полагал, что североамериканский лось, северный олень и вапити проникли в Америку лишь в очень поздний период дилuviальной эпохи из Старого Света, тогда как предки остальных оленей переселились в Америку уже в эпоху плиоцена. И далее: "Америка и для животных всегда являлась Новым Светом. Предки всех американских животных групп пришли из Старого Света, и еще в самую новейшую эпоху истории земли происходило переселение форм Старого Света в Америку ... Таким образом, распространение ныне живущих видов оленя доказывает, что север Старого Света был главным центром развития оленей. Отсюда именно переселились в Америку древнейшие представители всего семейства, отсюда же, вероятно, проникли олени в Индию и в средиземноморскую область" (59, с.615).

Академик М.В.Павлова еще в 1894 г. предсказывала присутствие на нашей территории среднемиоценовой, анхитериевой фауны. Советские палеонтологи подтвердили это предвидение. Так, около станицы

Беломечетской на Кубани найдены остатки древних оленей из мунтжаков, доживших с миоцена до нашего времени. Полагают, что найденный здесь дикроцерус, видимо, тот же, что был обнаружен в миоцене Центральной Азии. Также были найдены примитивные олени парадикроцерус и мунтжак-микромерикс величиной с зайца, а в Казахстане (Актюбинская обл.) – лофиомерикс и продремоторий (первый тоже величиной с зайца, с саблевидными клыками, четырехпалый, пястные и плюсневые кости еще не слитые; второй сходен с лофиомериксом, но на относительно высоких ногах). Кроме того, хорошо известны павлодарские остатки оленей рода цервавитулус, широко распространенного в гипарионовой фауне от Молдавии до Китая (цит. по: Ю.А.Орлов, 1968). Ископаемые олени Европы найдены в Ривере и Северном Спейне Британии, Северной Германии и России, но нет их "к югу до Альп" (272, с.114).

Таким образом, вопрос о месте происхождения предков северных оленей до сих пор остается открытым, однако, на наш взгляд, вторая изложенная здесь точка зрения является наиболее обоснованной и близкой к истине. В том и другом случае для нас сейчас важно то, что основное формирование современных оленей проходило в условиях Евразии.

В этом утверждают новейшие ископаемые данные И.А.Вислобоковой, которая констатирует, что "приуроченность ареала эумериксов к Центральной Азии, их морфологическая преемственность с предковыми трагулидами, распространение которых также ограничивалось этим регионом, присутствие в отложениях нижнего миоцена Монголии остатков почти всех известных ветвей оленей (дремотериин, лагомерицин, дромомерицин) – факты, свидетельствующие в пользу гипотезы центральноазиатского происхождения оленей" (58, с.67–68). Остается добавить, что это совсем немаловажно для рассматриваемой нашей концепции.

Как известно, каждое геологическое изменение сильно влияло на растительный и животный мир. Конец третичного и начало четвертичного периодов составляют новейший ледниковый период Земли, растянувшийся на 900 тыс. лет. Этот период был огромным испытанием для всех животных и растений северного полушария, который выдержали далеко не все. За этот период произошли резкие изменения в мире животных, в частности появились многие животные, обитающие в настоящее время в крайних северных странах, на Альпах и на высоких горах Европы и Азии.

В период больших и малых наступлений и отступлений ледников значительно менялся ареал северных оленей, которые мигрировали с севера на юг и обратно. При этом отдельные популяции оставались на юге, вместо севера перемещались высоко в горы. Северный олень очень пластичен, и это способствовало быстрому приспособлению его к обитанию на обширных пространствах от островов Ледовитого океана

до границ Монголии и Китая в Азии и до Пиреней – в Европе. Постепенно у оленей, типично лесных животных, выработался кругоарктический и кругобореальный ареал. Под влиянием различных условий обитания у них изменялись размеры и формы телосложения. В результате появились тундряные и лесные олени. В этом отношении фактическим подтверждением являются ископаемые остатки европейской расы оленей, о которой упоминает F.E. Zeuner (272, с.114). Эта раса (по размеру тела, форме рогов) занимает промежуточное положение между лесными оленями, обитавшими на юге Франции, и тундровыми оленями севера Скандинавии. Таким образом, можно полагать, что некогда повсеместно существовала общая форма оленей.

В настоящее время "род *Rangifer* занимает в подсемействе весьма изолированное положение. Он не обнаруживает явных связей ни с одним из родов подсемейства", – пишут В.Г. Гептнер, А.А. Насимович и А.Г. Банников (63, с.300). В этой связи ученых давно интересовала мысль найти форму оленей, которые по своим признакам занимали бы среднее положение между северными и значительно отличающимися от них другими оленями. Такой разновидностью оленей, возможно, являются пятнистые олени, обитающие в Саянах. Этими оленями одним из первых (в 1937 г.) заинтересовался проф. А.А. Машковцев (152), который обратил внимание на поразившую его светло-желтую с беловатыми пятнами на боках окраску домашних оленей. Пятна располагались в два продольных ряда. В верхнем ряду 12 больших овальных, в нижнем – 7 более мелких и округлых пятен. Тофы-охотники рассказали профессору, что в местных лесах живут особые северные олени: худощавые и быстроногие, на боках – белые в два ряда пятна, у самок на голове крохотные рожки, а некоторые особи их не имеют вовсе. Профессор предложил назвать этих оленей реликтивными. Позже (в 1914–1915 гг.) пятнистых оленей в саянской тайге встречал другой ученый – профессор В.В. Васнецов.

Чем интересны саянские пятнистые олени? Как мы отмечали выше, рост рогов каждого северного оленя проходит свое историческое развитие. Если у северных оленей хорошо развиты рога у самцов и самок, то у древних их предков таковых не было не только у самок, но и у самцов. В то же время древние предки оленей имели пятнистую окраску. На этот счет у В.Гаака находим: "Из видов, до сих пор живущих в Индии, заслуживает особенного внимания меймина, так как это единственный вид с неоднородной окраской, светлые пятна располагаются у него продольными рядами, как и следует ожидать у таких древних форм. Из подобного рисунка выработалась, вероятно, пятнистая окраска некоторых ныне живущих видов оленя, например аксиса наших зоологических садов и новорожденных детенышей большинства оленей" (59, с.613). С этих точек зрения саянский "реликтивный" олень дей-

ствительно занимает промежуточное положение между северным и остальными оленями. Для нас "реликтивный" олень особо интересен как возможный ближайший предок саянских домашних оленей. Во всяком случае, сравнение между домашними и "реликтивными" оленями, очевидно, имеет место давно.

Среди диких оленей в Тофаларии (бывший Тофаларский р-н Иркутской обл., расположенный в Восточном Саяне) сейчас различают гольцовых и низинных. В восточной части района дикий олень обитает по обеим сторонам нижнего течения Гутары, но совершенно отсутствует: обширных белогорьях, замыкающих верховья Уды, Бирюсы, Джуглыма, Мухоя, Ужура и Гутары. Дикие олени, зимой обитающие в полосе предгорий северной части Тофаларии, на лето уходят не в гольцы, как это следовало бы ожидать, а на север, в более низкие места. Между прочим, тофы замечают, что среди диких низинных оленей многие самки не имеют рогов. В настоящее время численность гольцовых оленей не высока.

Подобная картина наблюдается и в Забайкалье. Так, Г.А. Новиков находил следы диких оленей на песчаных отмелях Верхней Ангары (17). Он отмечал, что некоторые дикие олени здесь постоянно обитают в немной тайге. Г.Г. Доппельмайр также наблюдал постоянно живущих в тайге оленей, особо выделяя боры в нижнем течении рек Давша, Большая и Езевка. Он сообщал, что "тулгуны различают две разновидности диких оленей: гольцового оленя, живущего на гольцах, – меньших размеров и более светлого окраса, и низового – большого роста, с более развитыми рогами и темным цветом шерсти" (цит. по: Г.А. Новикову, 1937). Любопытно упомянуть здесь находки "остатков двух пород северных оленей на стоянке палеолита Афонтова Гора П. В.И. Громов определенно указывает, что одна из них – мелкая, неотличимая от современных оленей низовьев Енисея, вторая – крупная" (цит. по: В.Н. Скалон, 1956).

Таковы древние и ближайшие предки и родичи современных диких и домашних северных оленей.

В заключение следует заметить, что путем сравнения и сопоставления отдельных костей ныне живущих домашних животных и сохранившихся остатков ископаемых форм устанавливаются наиболее близкие дикие родичи современных домашних животных. При этом особое внимание уделяется краниологическому методу, т.е. сравнительно-анатомическому изучению строения черепа. Последний по сравнению с другими костными остатками чаще сохраняется в малоизмененном и целом виде. Изучение сложного строения черепов разных животных дает возможность улавливать отдельные, отличительные их детали. На этой основе, например, было установлено, что различные породы домашних свиней произошли от европейского и азиатского диких кабанов. А на основании сравни-

тельного изучения черепов ныне существующих пород крупного рогатого скота и черепов из раскопок различной давности ученые построили ряд гипотез о происхождении крупного рогатого скота от диких предков, а также классифицировали все породы крупного рогатого скота на несколько основных краниологических типов (31).

Сравнительно-анатомическое исследование в оленеводстве развито слабо. В 1932 г. К.К.Флеров писал: "До настоящего времени не было сделано ни одного подробного разбора классификации европейских и азиатских северных оленей на основании краниологических признаков" (249, с.3). Подробно просмотрев 186 черепов диких северных оленей из различных районов Европы, Азии и прилежащих островов, он выделил 5 разных форм оленей: лапландский, сибирский тундрный, охотский, баргузинский и шпицбергенский. С тех пор краниологически изучены олени немногих мест. Особенно слабо, как ни странно, исследуются домашние олени. Все это не позволяет провести соответствующее сравнение существующих и ископаемых диких и домашних оленей, следовательно, значительно затрудняет решение проблемы происхождения домашних и диких северных оленей.

В оленеводстве совершенно не применяются современные физиологические методы, благодаря которым можно было бы установить филогенетическое родство оленей. Слабо используются и другие приемы.

Известно, что среди оленьих одомашнен лишь один вид - северный олень. Ближайший предок домашнего оленя еще не установлен. На этот счет имеются различные взгляды. Все они носят гипотетический характер. Одни ученые считают, что существующий дикий олень является ближайшим родоначальником домашнего. "Гадать о родичах не приходится, - пишет С.Н.Боголюбовский, - в некоторых местах они обитают рядом со своими одомашненными потомками" (22). Так же пишут Е.А.Богданов (19, с.294) и И.В.Друри (99, с.10). Такова точка зрения полифилетического происхождения, т.е. происхождения домашних оленей от местных форм диких оленей. Основанием такому предположению служат внешнее сходство местных домашних и диких оленей, свободное спаривание их, отсутствие промежуточных форм, больших доместикационных изменений и т.д. Однако подобное обоснование не всегда верно. Например, на основе близости морфологического и географического характера лошадь Пржевальского продолжительное время традиционно считалась предком монгольской лошади. Между тем оказалось, что она имеет отношение к монгольской лошади такое же, какое имел кулан, жеребец которого отбивали от косяков домашних кобыл. На этой основе стала возможной гибридизация между дикой и домашней лошадью в районах их общего распространения (226). Такой параллелизм вполне возможен и в оленеводстве.

Другие ученые придерживаются взглядов монофилетического происхождения домашних оленей, т.е. признают, что одомашнивалась одна

дикая форма, некогда обитавшая в Саяно-Алтайской области. При этом одни из них родоначальником домашнего оленя считают опять же местного дикого оленя, а другие имеют иное мнение. Например, исходя из того, что "современный евразийский дикий олень неприручаем, как и североамериканский карibu", В.Н.Скалон оспаривает это мнение. Он пишет: "Если считать, что форма дикого и домашнего оленя одна и та же, то, скорее всего, одомашнивание могло происходить повсюду. Оно может и должно возникать в разных местах и в наши дни, в порядке, например, пополнения оскудевшего поголовья путем поощрения скрещиваний, отлова диких экземпляров, особенно телят, и т.д. Между тем в действительности этого отнюдь не происходит, вопреки указаниям отдельных авторов" (235, с.97-98). Автор сообщил мне, что, несмотря на обращение особого внимания на этот вопрос, ему не удалось установить ни одного факта приручения дикого оленя. Он делает предположение, что истинная исходная форма домашних оленей ныне в диком состоянии не встречается, "она вымерла в древние времена, возможно, вследствие тех же изменений климата" (235). Подобные примеры в животноводстве не единичны. Среди верблюдов, например, принято было считать двугорбого верблюда предком одногорбого. Впоследствии оказалось, что одногорбый как форма более древняя имел самостоятельного прямого предка, который в диком зиде давно вымер (31).

В связи с изложенным любопытно привести легенду о происхождении домашнего оленя у тофов, где говорится о смирном и диком оленях, т.е. о двух различных оленях-дикарях, из которых был одомашнен смиренный белый, а дикий черный остался на воле. Такое содержание легенды вполне созвучно с предположением В.Н.Скалона о том, что домашние олени имеют самостоятельную исходную форму, отличающуюся от ныне существующих диких оленей. Подобной формой могли быть упомянутые нами саянский реликтовый олень или общая (между лесными и тундровыми) форма оленей и другие. Во всяком случае, о том, что эта гипотеза имеет фактические основания, говорит описание вымерших форм оленей, которые, например, дает К.К.Флеров по палеолиту Сибири (250).

Теория Саяно-Алтайского происхождения оленеводства, которую сейчас начинает признавать все большее число ученых (о ней будет сказано далее), предполагает только монофилетическое происхождение домашних оленей. В этой связи представляет интерес остановиться на вопросах возможного приручения и одомашнивания диких оленей и взгляд на это, существующий у тофов как исконных оленеводов.

В Тофаларии фактов приручения существующих диких оленей нет и не было. Об этом говорят как сами жители, так и отсутствие, обязательных при наличии, замечаний на этот счет у всех авторов (Б.Пери, С.Керцелли, В.Богораз и др.), хорошо знавших жизнь и оленеводство тофов (тофаларов). Напротив, Б.Э.Петри (195) писал, что дикий

олень иногда покрывает домашнюю самку оленя, но это считается нежелательным: "приплод дикий и непослушный получается". Кстати, об этом же Б.З.Петри сообщали тутурские эвенки: "Дикий олень-самец иногда забирается в стадо домашних оленей и кроет оленух. Телята от этого по наблюдениям тунгусов рождаются дикого нрава, а подростки, не поддаются обучению. Но чаще они убегают к своим в тайгу, обычно даже на первом году жизни осенью. Чтобы избежать этой потери, тунгусы своих метисов забивают на мясо во время сенокоса" (197, с.89). Так же поступают и тофалары, тувинцы, эвенки и эвены. Тофы, например, показывают, что дикие олени неприручаемы в любом возрасте. Даже "наполовину одомашненные" их помеси с тофаларскими оленями трудно или совсем не приручаются, пугливы и дики и, как правило, выбраковываются. Они хозяйственно непригодны.

В Тофаларии никогда не задавались целью приручить нынешних диких оленей. Наоборот, постоянной заботой тофов было ограждение от них своих домашних оленей. Таежно-транспортное оленеводство требовало сохранения в чистоте созданной породы, так как непокорные, дикие и пугливые олени совершенно непригодны для вьючно-верховой езды, стараются уйти подальше от табора пастухов, не ловятся, уходят из стада и уводят остальных оленей. По словам тофалара Н.Д.Изотова, дикие олени дают помесей не только непослушных и норовистых, но и неудобных для верховой и вьючной езды - подтянутый живот служит причиной постоянного сползания подпруги или ремня вьюка назад. Большие хлопоты создают важенки-помеси. Они не ловятся, при человеке не подходят к своим телятам, которые в первые дни обычно стоят на привязи.

Из всего этого факт скрещивания домашних оленей с дикими тофалары считают явлением вредным. Заметим, что в таежно-транспортном оленеводстве, где высоко ценятся смиренные и ручные животные, наблюдается особо ревнивое ограждение домашних оленей от диких. Помимо ограждения в виде выбраковки, тофы принимают меры недопущения диких оленей в стадо домашних. Они либо добывают их на мясо, либо просто отпугивают от стада.

Примеры оленеводства Тофаларии полностью подтверждаются высказываниями В.Н.Скалона о том, что дикий северный олень, обитающий ныне в Азии, вовсе не поддается приручению во всех своих экологических группировках. Автор подчеркивает, что приручению не пригодны не только старые дикие олени, но и совсем молодые. "Будучи пойманным, даже в первые часы жизни, - пишет он, - олененок остается диким, отказывается принимать пищу и погибает, не показывая признаков приручения" (235, с.98). Более того, автор справедливо показывает, что дикий северный олень менее пригоден к приручению, чем любое из диких животных. Так, например, наши далекие предки успешно

приручали лосей. Наскальные рисунки рассказывают о том, как в различных районах Сибири люди много тысяч лет назад пасли лосей, ездили на них верхом и в санной упряжке, держали в загонках. Использовали лосей и в Европе. В Скандинавии эти сильные животные широко применялись для езды в санях. Еще в XV в. лось применялся шведской армией как верховое животное. А в эстонском городе Тарту сохранился любопытный документ-распоряжение городской ратуши XVII в., где запрещается езда на лосях по городу (109). Известны также факты приручения изюбрей, косуль и дзеренов (125, 235). Кстати, здесь уместно будет заметить, что в последние годы в мире животных все более различают виды вовсе неподдающиеся или, наоборот, легко поддающиеся приручению и дрессировке. Несмотря на миролюбивый характер, например, жирафы по неизвестным пока причинам почти не поддаются приручению и дрессировке. На аренах мировых цирков можно видеть рыкающих львов и грозных тигров, медлительных слонов и коварных леопардов, но не жирафа. Также "не выходят" на арену цирка и бараны, в то время как дельфины поражают всех исполнением сложных трюков. Наконец, в подтверждение непригодности к приручению диких северных оленей можно привести примеры попыток канадского правительства осуществить доместикацию карibu (местные дикие олени) на островах Коате, Соутсэмптон, Солсбери и Баффиновой земле (73). Попытки эти не достигли цели, поэтому местное оленеводство было начато путем закупа на Аляске домашних оленей, имеющих евразийское происхождение.

Поскольку ближайшим диким предком домашнего оленя считается существующий дикий олень, очевидно, следует найти между ними черты сходства и отличия.

Подробное изучение экстерьера оленей, особенно диких, до настоящего времени отсутствует. Отсюда в литературе весьма мало материалов для более точного сравнения различных рас и пород диких и домашних оленей. Имеющиеся немногочисленные измерения проводились разными авторами в различное время, причем выполнялись не по одинаковой методике. Тем не менее возможная попытка сравнения нами осуществлена. Ее результаты показаны далее. Пока же заметим, что имеющиеся отличия в экстерьере, поведении и т.д. кажутся нам весьма существенными для отрицания возможности возникновения оленеводства из прямого приручения ныне существующего дикого оленя.

2. О приручении и одомашнении северного оленя

В своем классическом произведении "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф.Энгельс показал исторический ход развития животноводства, связав его с развитием общества. Он указывал, что начало приручения и разведения животных относится к низшей и средней ступеням варварства. При этом восточный материк

(Старый Свет) в этот период обладал почти всеми подпадающими приручению животными. С этих позиций мы и рассмотрим поставленные вопросы.

Как известно, для определения времени и места одомашнивания тех или иных животных изучают материальную культуру первобытного человека и остатки костей диких, а также прирученных животных. К сожалению, в этом направлении мы имеем сравнительно мало материала. О стадиях и приемах первичного одомашнивания оленей в литературе почти ничего не сказано. Пока не представляется возможным определить точное время и место первичного приручения оленей. "Проблема доместикации оленей в доисторическом прошлом, — пишет Зеунер, — остается труднодоказуемой. Факты, основанные на ископаемых костях, не позволяют надежно улавливать отличительные признаки домашних и диких. Для этого может быть использован другой способ. Лапландцы среди сброшенных оленьих рогов различают экземпляры, принадлежащие кастрированным и некастрированным самцам. Этот критерий может быть полезен в определении условий и времени доместикации оленей, ибо кастрация применима только после одомашнивания животных. Рога кастрированных типов находились в доисторических отложениях, однако таких находок, к сожалению, было немного" (272, с.126).

Домашний северный олень встречается кругополярно на севере Скандинавии, в северо-восточной Европе, в Азии. В Северной Америке его не было до конца прошлого века. Не было оленеводства и в остальной части Европы, хотя здесь в прошлом дикий северный олень был распространен очень широко. В эпоху мадлен и эпи-мадлен в жизни местных обитателей он играл роль одного из основных охотничьих животных. Предполагают, что поселения гамбургской и аренбургской культур в Шлезвиг-Гольштейне, Мейендорфе и Штельмооре были летними стоянками, а знаменитые пещеры Франции и Испании — зимними жилищами охотников на оленей. С концом ледниковой эпохи в Южной и Центральной Европе северный олень исчезает. Основной добычей охотника становятся здесь лось, благородный олень, зубр, кабан, косуля (?). Следовательно, первичное приручение и одомашнивание оленей произошло в Азии.

О времени начала одомашнивания оленей различные ученые имеют разные суждения. Так, Е.А.Богданов говорит, что оно идет "по крайней мере от первых веков нашей эры", сохранились сведения о нем и в китайских источниках (19, с.294). С.Н.Боголюбовский пишет: "Наиболее вероятным нам представляется предположение, что олени были приручены в эпоху неолита... Спорным представляется и вопрос о месте первоначального одомашнивания. Указывают на район Саян и на районы Урала. По-видимому, следует признать правильным параллельное приручение и одомашнивание оленей в нескольких местах на территории современной Сибири" (21, с.155). В противовес Боголюбовскому Хетт под-

черкивает, что этот вопрос (т.е. приручение оленей) еще хорошо не выяснен. Его материалы, однако, не ведут к доисторическому времени (цит. по: Зеунер Ф., 272).

"Одомашнен северный олень был, по-видимому, около тысячи лет назад", — полагает А.А.Яхонтов (269). "Олень одомашнен был в последние века до н.э. в Центральной Азии и Южной Сибири", — читаем в учебнике "Основы этнографии" (182, с.28). По мнению Р.С.Васильевского (51), оленеводство возникло не ранее железного века. Возникновение оленеводства произошло несколько тысячелетий назад, — замечает А.Н.Сегаль (227). "Возникновение оленеводства относят к позднему неолиту", — пишет И.В.Друри (99, с.16). Е.Я.Борисенко считает, что олень одомашнен очень давно и далеко до возникновения коневодства (31, с.27). По мнению большинства советских и зарубежных ученых (В.Богораз, Ф.Нансен, А.Якоби и др.), приручение и одомашнивание оленей произошло в палеолите.

Таковы существующие взгляды ученых. Отсутствие единодушия говорит само за себя.

В обоснование взгляда о позднем одомашнивании оленей, например Р.С.Васильевский, ссылается на отсутствие оленеводства "в Северной Америке, Европе (за исключением Скандинавии), позднее его появление в Западной Сибири и у народов Северо-Восточной Азии". Названный автор считает, что предки оленеводов могли одомашнить оленей только лишь на основе заимствования практики использования коров и лошадей (51, с.47). Ошибочность этого суждения я постараюсь доказать в ходе дальнейшего изложения.

Многие исследователи выступают против гипотезы о позднем приручении оленей. Так, Zeuner пишет: "Неопровержимо, что оленеводство имело распространение до введения сельского хозяйства. До появления сельского хозяйства кочевые племена в совершенстве владели системой ведения подвижного оленеводческого хозяйства, которым занимались повседневно. Следовательно, вполне обоснованно будет указать на начало одомашнивания оленей в мезолите и в верхнем палеолите" (272, с.125-126). В дополнение заметим, что приручение и одомашнивание всех основных видов животных произошло в эпоху первобытнообщинного строя. Попытки к одомашниванию некоторых животных в более поздние времена (в период рабовладельческого строя, при феодализме как известно, не дали значительных успехов (31).

Далее остановимся на условиях первоначального одомашнивания оленей. Начнем с исходной точки, т.е. с того, как проходило первое их приручение.

В настоящее время наукой установлено:

1. Палеолитический человек жил охотой и в основном добывал оленей на больших просторах. Расцвет охоты и охотничьего оружия прихо-

дится на эпоху мадлен. Мадленский охотник вел кочевой образ жизни, о чем свидетельствует бедность культурного слоя его стоянок.

2. Первым домашним животным была собака. Одомашнение ее относят к мезолиту. В неолите были приручены почти все основные виды современных домашних животных. Это подтверждается многочисленными археологическими и остеологическими находками. Сейчас общепринято считать, что самые древние свидетельства выращивания первобытным человеком хлебных злаков относятся приблизительно к 6750 г. до нашей эры. Самые древние домашние животные — собаки и олени. Их человек приручил примерно за 18 тысяч лет до нашей эры. Следующие по старшинству — овцы: их стаж отсчитывается с 8-го тысячелетия до нашей эры. Дальше идут козы и свиньи (6500 лет до нашей эры) и, наконец, крупный рогатый скот (около 5 тыс. лет до нашей эры).

Существующий материал позволяет думать, что первоначальное приручение оленей могло иметь место еще до неолита. И действительно, А.С.Амалрик и А.Л.Монгайт считают, что условия, позволившие приручать животных, впервые появились в мезолите. Авторы допускают, что, имея некоторые запасы, мезолитический охотник не убивал своей добычи, а оставлял раненых и пойманных животных и детенышей, чтобы, подкармливая их, иметь еще больший запас готовой и свежей пищи (7).

И.В.Друри пишет, что бродячие охотники далекого прошлого, видимо, получали иногда возможность захватывать живыми отдельных оленей или небольшие группы их и содержать около своих временных жилищ. Эти животные облегчали существование людей как "самодвижущийся" запас пищи "на ногах". Возможно, что, используя инстинкт стадности диких оленей, люди стали применять прирученных животных в качестве "манщиков" на охоте. Наконец, приспособить отдельных пойманных и обжившихся около жилья животных к перевозке своего несложного имущества человеку было уже нетрудно (99, с.16).

Другие исследователи, в частности Zeuner (272), В.И.Устинов (247), Н.Н.Диков (185) и Ю.Б.Симченко (233), полагают, что в отличие от процесса одомашнивания других сельскохозяйственных животных, когда дикие животные вылавливались и держались в неволе, затем разводились, одомашнение северного оленя шло другим путем. Дикие олени — стадные животные. Люди вначале шли за стадом, добывая себе пищу охотой на оленя. "Охраняя стадо от хищников, они сумели войти в контакт с животными. В период раннего неолита человек научился управлять стадом. В то же время он стал пользоваться оленем как транспортным животным" (247, с.66). В более позднее время люди стали вмешиваться в биологию и разведение оленей (отбор, подбор, защита от неблагоприятных воздействий природы и т.д.), превратив оленей в домашних животных. "Доместикация проходила в весьма примитивных условиях, т.е. когда ни олень, ни человек не оставили их

привычку кочевать. Но, несмотря на это, олень был совершенно одомашненным животным, выбранным для верховой езды и доения" (272, с.112).

Однако все изложенное является чисто умозрительным предположением авторов, лишенным свидетельств и доказательств. К тому же показанные здесь доводы неверны. Например, дикие олени вовсе не стадные животные. Они "собираются в крупные стада только на период весенних миграций. Зимой дикие олени пасутся группами по несколько десятков голов в каждой, а летом в одиночку или по 3-5 голов. Такой образ жизни диких оленей способствует лучшему питанию и сохранению этих животных" (99, с.17). Инстинкт стадности олени приобрели после одомашнивания. Это признак доместикации. Да и мигрируют, собственно, не лесные, а тундровые олени. Так что ссылаться на стадность оленей как на довод в подобных случаях это только лишь традиционная инерция.

Е.А.Новиков предполагает, что приручение диких животных производилось человеком в силу "инстинкта общности", иногда для забавы или из сострадания к детенышам убитых на охоте матерей. Автор указывает также на факты прихода животных к человеческому жилью и ссылается на Дарвина, отмечавшего, что в более далекие времена приручение животных было менее трудным, чем теперь. Путешествуя по Южной Америке, в местах, где не бывал человек, Дарвин наблюдал, что дикие животные совсем не боятся людей (171).

В литературе часто приводятся факты ловли оленей с помощью глубоких ям (180), которые именуются "ловчие ямы". Широко известно использование оленей-манщиков для поимки диких оленей. Иногда указывают на ядовитые грибы, которые оказывают снотворное действие и легко могут сделать оленя пленником человека. Словом, способов ловли оленей могло быть много. Иное дело приручить пойманное животное.

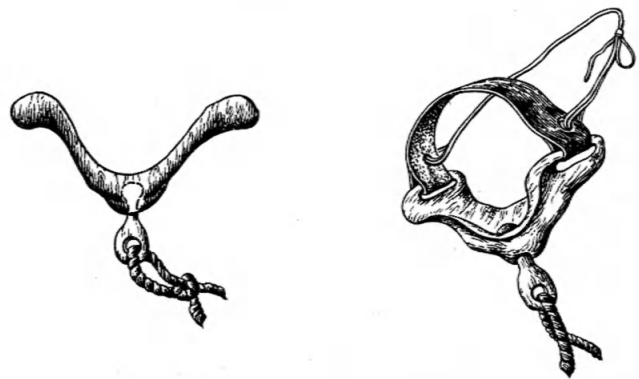
Точных сведений о том, как происходило приручение оленей в далекие от нас времена, наука пока не имеет. Но здесь вполне естественно привести весьма любопытную картину приручения диких козлов. Козлы и олени часто обитают рядом, имеют одинаковые возможности для того, чтобы убежать на волю, не поддаваться приручению и одомашнению. Но тот и другой вид животных одомашнен, и не исключено, что одинаковым методом.

В.Г.Шацкий, в свое время выведший адырскую породу коз, давно интересуется петроглифами Памира. Им воссоздана "каменная" родословная местных пород коз, вся история одомашнивания их. Рисунки, изображенные на камнях, по времени и последовательности выглядят так. Сначала — охота: лук, стрелы, летящие в стадо козлов. Затем — стадо, но животные стреножены! Человеку надо было сохранить запас свежего мяса, и единственное, что оставалось сделать, — это стреножить животное, связать заднюю и переднюю ногу. Оказывается, этот

способ применяют на Памире и сейчас. Встречаются изображения козлов с рогами, переплетенными веревкой или ремнем. Например, на одной из скал В.Г. Шацкий нашел следующую сцену: несколько свободных от пут козлов обращены головами к еще одному козлу со спутанными ногами и переплетенными рогами. Это был козел-маншик, помощник не только первобытного, но и современного охотника. Далее показываются козлы без пут — это уже домашнее стадо — с одной стороны его изображен пастух с посохом, а с другой — собака. Разумеется, картины найдены в разных местах и по несколько на одну и ту же тему. Имеется также много изображений, посвященных верблюдоводству.

Таким же путем приручения оленей могли идти древние охотники соседнего с Памиром Саяно-Алтайского нагорья — наиболее вероятного места первичного приручения и одомашнения северных оленей. Среди нынешних потомков древних оленеводов — тофаларов и восточных тувинцев встречаются своеобразные, больше нигде не наблюдаемые способы приручения оленят, спутывания взрослых оленей и содержания маток. Некоторые из них, очевидно, исходят из глубокой древности.

В Тофаларии оленята проходят особое воспитание, благодаря чему становятся совершенно ручными. Закладывается оно в следующем. В первые дни после рождения олененок находится с матерью на пастбище. В это время он много спит и часто сосет. Через 2–3 дня, когда олененок достаточно окрепнет, его начинают приучать к привязи. Для этого применяют специальную уздечку — мунгуй, которая напоминает конский недоуздок, но завязывается на затылке. Во избежание закручивания повод прикрепляется за вертлуг, который делается из березы (см. рис. 1). Вертлуг находится снизу морды, на нем сходятся все остальные части мунгуя. Заметим кстати, что мунгуй, особенно вертлуг, представляет оригинальное приспособление, позволившее просто и удачно решить задачу приручения оленят. Вероятно, это весьма древняя поделка.

Р и с . 1. Уздечка-мунгуй

Первый раз олененка привязывают на полчаса — час, затем на 2–3 часа и т.д., постепенно удлиняя время. Вначале он мечется, тянется, но скоро усмиряется и ложится отдыхать. Через один — два дня он ведет себя совершенно спокойно. После массового отела оленята вместе с матками на ночь отпускаются на пастбище. Матки спутываются. Это не позволяет им далеко уходить и много передвигаться по пастбищу. Не устает и оленята, которым в противном случае пришлось бы целую ночь бегать за матерями. В 8–9 часов утра матки пригоняются на табор и привязываются. В это время оленята всегда резвятся, и их невозможно поймать. Спустя полтора — два часа они успокаиваются и ложатся отдыхать, каждый около своей матери. Тогда их ловят, надевают мунгуй и привязывают. После полудня начинают отпускать сначала оленят младшего возраста, потом старших. В 4–5 часов вечера отвязываются матки, которые вместе с оленятами уходят на пастбище.

По согласному мнению тофаларов, оленята старше месячного возраста труднее привыкают к привязыванию.

В начале июля стада оленей переключиваются на летние пастбища — вершины гор, где держится прохладная погода и мало кровососущих насекомых и оводов. Здесь применяется несколько иной порядок. Оленят привязывают меньше и реже. На ночь их загоняют в изгородь — четыре днем отпускают на пастбище без матерей. Маток, наоборот, днем содержат на привязи, а на ночь отправляют кормиться. Днем, во время активного лета, много беспокоящих оленей насекомых, поэтому около их вотных устраиваются дымокуры.

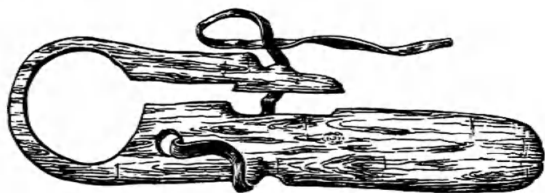
Молодых оленят привязывают, "чтобы хорошо знали повод", т.е., будучи взрослыми, могли свободно идти на поводу, были послушны. В последующем это намного облегчает работу с матками, особенно с робкими быками по обучению их для верховой и вьючной езды.

По нашим наблюдениям, привязывание молодых, как никакой иной прием, делает животных наиболее ручными и смирными. Этот метод применяется и в других отраслях животноводства. Например, дархаты-яковеды (Монголия) совершенно так же, как и дархаты-олeneводы, при беге к привязыванию ячат (146). В результате сильные, свирепые и своенравные яки превращаются в послушных и покорных животных.

Помимо привязывания молодых, древнейшим способом приручения животных считается спутывание их. Тофы (тофалары) знают несколько приемов стеснения движения оленей. Самым распространенным из них является спутывание, при котором повод, пропускаясь между передними ногами, привязывается поочередно за одну из задних ног выше скакательного сустава. Достаточно стесняя движение, такой способ позволяет оленям хорошо кормиться и отдыхать. Распространено также привязывание оленя поводом к срубленному дереву толщиной в 6–7 см (у основания) и длиной 3–4 м. Длина повода 1–1,2 м; привязывают животное, отступив от основания дерева на 30–40 см. Кормясь, олень

перетаскивает дерево за собой, поднимая голову. Сравнительно реже применяется другой способ спутывания: за повод узды оленя коротко привязывается чурочка длиной 40-50 см, толщиной 8-10 см, имеющая посредине зарубку. При этом способе спутывания олени также могут хорошо кормиться и отдыхать, а движение их стесняется болтающимся впереди ног поленом.

Наконец, особо следует отметить оригинальное приспособление для спутывания, вернее, стеснения движения оленей - деревянное путо (башмак). Тофалары именуют его тахан и делают из березы в форме валька длиной около 50 см. Надевают только на передние ноги оленя путем раздвижки конца, закрепляют шнуром или тонким ремешком. Тахан показан на рис.2.

Р и с. 2. Тахан

Тахан - весьма удачное и, видимо, как и мунтуй, очень древнее изобретение оленеводов. Об этом свидетельствует широкое распространение деревянного пута среди оленеводов самодийского происхождения - от Саян далеко на север. Интересно заметить, что подобное путо, только несколько большего размера, встречается у якутов для спутывания лошадей. Монголы и буряты такое путо не применяют. Можно предположить, что турки давно восприняли это приспособление у древних оленеводов Саян.

Привязывание и спутывание оленей возможно только в лесном (таежном) оленеводстве, где приручение оленей могло начаться, безусловно, не с больших стад, а с отдельных особей. Такую возможность подтверждает практика так называемого избенного, т.е. придомного, содержания оленей. Об избенном оленеводстве в литературе сказано достаточно. Добавим, что нам известны примеры придомного содержания оленей в северных районах Тувы, Бурятии, Якутии и Иркутской обл. Примечательно, что олени при этом легко привыкают к разнообразной пище. В отличие от других жвачных они легко привыкают к различной подкормке, поеданию сена и кухонных остатков, едят мясо, рыбу, яйца, хлеб, сухари, грызут кости, кожу, рога, лижут соль, слизь на камнях и т.д. Подобное свойство этих животных могло только способствовать быстрейшему приручению и одомашнению их.

Приручение дикого оленя явилось величайшим достижением древних охотников. К.Маркс (Капитал, 1978. Т.I. С.190) писал: "...главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой исто-

рии, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные". Перевод оленей из дикого состояния в домашнее изменил культуру бывших охотников, явился важной вехой в развитии их экономики.

От приручения древний человек шел к одомашнению оленей. При этом справедливо принято считать, что приручение и одомашнение животных потребовало много времени и большого человеческого труда, по сравнению с которым труд, затрачиваемый сейчас на создание какой-либо породы, выглядит несоизмеримо малым.

Полудикому человеку, пишет Е.А.Новиков (171), жившему много тысяч лет назад и занимавшемуся охотой, более всего нужно было такое животное, которое помогло бы ему на охоте. Поэтому первым одомашненным животным была собака. С течением времени охотники, очевидно, стали отдавать предпочтение животным, пригодным для работы, т.е. для верхового и вьючного использования. В существовавших тогда естественно-географических условиях наиболее податливым к приручению животным мог оказаться только олень.

Глава III

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА

Вначале мы рассмотрим два основных вопроса, позволяющих, на наш взгляд, наиболее правильно решить поставленную задачу. Обратим внимание на достоверные достижения современной науки, свидетельствующие о существовании древнего оленеводства, о времени и месте его развития. Важность подобных данных понятна. Затем остановимся на вопросе давности развития упряжного собаководства и его распространения.

Как известно, упряжное собаководство свойственно оседлой форме хозяйства, а оленеводство – кочевой. Поэтому собаководство и оленеводство исторически являются антагонистами, в быту они взаимно исключают один другого. При хозяйственно развитом собаководстве не может успешно развиваться оленеводство, или наоборот. Такова закономерность. Следовательно, определение времени, места и степени развития упряжного собаководства может также достоверно свидетельствовать об историческом развитии оленеводства.

Изучение затронутых вопросов наглядно покажет место и время существования оленеводства древности, его развитие и распространение.

Наконец, ознакомимся с существующими теориями происхождения оленеводства и на основе учета имеющегося материала попытаемся определить их вероятность и достоверность.

1. Следы существования оленеводства древности

В настоящее время накоплено немало фактического материала, неопровержимо свидетельствующего о существовании оленеводства древности. Начнем с широко известных оленных камней.

Оленные камни – это стелы с различными более или менее явственными изображениями (чаще всего оленей). Они представляют собой монументальные памятники бронзового века, в литературе известны со времен Георги и Палласа. Называют их по-монгольски хушо-чолу, по-тюркски синташ.

Распространение памятников типа оленных камней строго локализовано. Клеменц считает, что на востоке они встречаются до границы Маньчжурии, на западе Г.Н.Потанин нашел их у южной границы Алтая.

Н.М.Ядринцев проследил их наличие почти до Большого Алтая, отметил распространение их в Южном Хангае, по Нарин-Голу, на Орхоне к северу от Угей-Нура, на Селенге и за Байкалом. Памятники встречаются повсюду в Западной Монголии, концентрируясь в районе Южного Хангая, реже они отмечаются к югу и не заходят далее Шаргин-Гоби (235, с.87).

Что значат оленные камни? По какому случаю поставлены они в степи?

«Вероятно, "оленные камни" представляют собой, – пишет В.Е.Ларичев, – показатель этнокультурного единства племен эпохи бронзы, населявших степные территории. Их оставили люди единой в своих основных чертах культуры плиточных могил» (140, с.216). В связи с этим оленные камни обычно рассматриваются вместе с "хэрэкурами", как принято называть широко известные могильники Монголии и южной Сибири.

Места нахождения оленных камней и хэрэсуров свидетельствуют, что некогда единая культура охватывала Западное Забайкалье, Минусинский край и Алтай. О.А.Теплоухов относит ее к I в. до н.э. (242, с.21), а П.К.Козлов – к III в. до н.э. (129, с.9).

В.Е.Ларичев считает, что оленный камень не что иное, как предельно схематическая и условная фигура человека, т.е. схематический скульптурный портрет умершего. "Это самые древние из известных в настоящее время могильные изваяния Центральной и Восточной Азии, – пишет он. – Они ставились в честь лиц, принадлежавших, без сомнения, особо богатым и знатным семьям" (140, с.218–219). Такого же мнения придерживается и А.П.Окладников (176, с.88). Однако оленные камни не всегда сопровождают плиточные могилы. В таких случаях раскопки под ними никаких находок не дают, кроме иногда встречающихся остатков очагов, заполненных золой и углями, а также мелких обломков костей домашних животных – овцы или лошади. Ставились они вероятно, предку племени или рода, и около них совершались общеплеменные собрания, связанные с культом предков (140, с.220).

На некоторых могильных камнях, особенно поздней поры бронзового века, олень чаще всего изображался с подогнутыми ногами, вытянутой вперед и вверх шеей и слегка запрокинутой головой. Особое внимание художники уделяли рогам оленя – их отбрасывали далеко назад; хвоста. Олень мчался вперед, гордо закинув голову с ветвистыми рогами. Он был не простой, а небесный. Недаром с его головой художник изображал круг – солнце или человека с головой – солнцем (140, с.259). Фантазия художника в подобных случаях, безусловно, имела в виду мифического героя или небесное божество.

Почему же особым почетом у степных жителей пользовалось изображение оленя? На этот вопрос пока нет согласованного ответа. Одни связывают его с самоназванием скифов, которые называли себя "сака"

в переводе "олень". Полагают, что олень являлся тотемом, от которого вел свое происхождение один из скифских родов. Со временем тотем стал общеплеменным божеством. Более правильным, по мнению других, принимается местное происхождение "оленных камней", а не привнесенное скифами.

В.Е.Ларичев изображение оленей на камнях объясняет двояко: как вышивки и аппликации на тканях похороненных или как татуировку, нанесенную на тело умершего (140, с.218). В том и другом случае содержится глубокая культовая природа. Но более обоснованное, логичное и широкое объяснение находим у В.Н.Скалона, который пишет, что рассмотрение рисунков на оленных камнях заставляет выделить группу копытных животных (оленей, лосей и изюбрей), которые ныне не встречаются в данной местности и не могут там обитать в силу непригодности для них физико-географических условий (235, с. 7). Объясняя этот парадокс, автор справедливо полагает, что подобные рисунки создавались людьми, связанными хозяйственно с изображаемыми ими животными, допускает обитание перечисленных видов животных в данной местности в прошлом. Доказывается это многими примерами, но здесь достаточно указать, что фигурки оленей на камнях Западной Монголии разделяются на две категории: более тщательно сделанные, с подчеркнутыми характерными деталями, и менее ясные, стилизованные изображения. "Вполне вероятно, с чем соглашается и т.Ринчен, что эти рисунки относятся к разным эпохам, — замечает В.Н.Скалон. — Можно подумать, что более четкие рисунки старше и принадлежат людям, которые были связаны с этим зверем хозяйственно. Наоборот, стилизованные изображения новее и носят культовый характер" (235, с.94).

Изложенное хорошо подтверждает это положение. Если, например, стелы с рисунками оленей в ранний бронзовый период служили могилами, то в более поздние времена они выступали как места молебств и жертвоприношений. Не так давно было найдено звено, связующее изображения хозяйственные и стилизованные. На этот счет у Э.Новгородовой находим: "... в результате работ советско-монгольской историко-культурной экспедиции были найдены — во всяком случае, есть все основания утверждать это — такие образцы, которые являются как бы переходным этапом между карасукскими изделиями и предметами звериного стиля в его классическом виде". Далее автор уточняет: "Предварительный анализ показал, что время создания таких оленных камней — конец II — начало I тысячелетия до нашей эры" (168, с.19). Очевидно, можно полагать, что докарасукские оленные камни, имея хозяйственный характер, были древнее изделий культового стиля, которые обычно связывают со скифским временем (VIII-VI вв. до н.э.). Дополним, что, по наблюдению Л.П.Потапова, древнее оленеводство оставило глубокие следы в культе алтайцев, у которых олени воспринимались за духов и

покровителей шаманов, изображения их наносились на бубны (215, с.139, 145). Заметим: по представлениям шаманистов бубен есть ездовое животное шамана. Но, пожалуй, самое интересное заключается в том, что жертвенная лошадь алтайцев изображала оленя. "Это, — пишет В.Н.Скалон, — замечательно для нас тем, что жертвенное животное в таких случаях всегда должно быть домашним" (235, с.95). На наш взгляд, это самый сильный довод, позволяющий говорить (вопреки иногда встречаемому мнению) не об охотничьем, а именно оленеводческом происхождении этого обычая.

Таким образом, наличие оленных камней и их объяснение позволяют сделать вывод, что древние обитатели Западной Монголии и прилегающих территорий были оленеводами.

Существование оленеводства в древности подтверждается также писаницами, т.е. аналогичными наскальными изображениями оленей. По всей Сибири, от предгорий Урала до Амура, можно увидеть эти писаницы, из которых многие еще не расшифрованы до конца, а иные и не открыты вовсе и ждут своих исследователей. На писаницах, так же как и на оленных камнях, более реалистические рисунки животных сочетаются с очень условными, скорее напоминающими символы. Это, безусловно, говорит о том, что рисунки были нанесены на камень неодновременно. Объяснение находим в несомненной связи ранних рисунков с существующей формой хозяйства, а более поздних из них — с культовым сюжетом. Писаницы, связанные с оленеводством древности, найдены на камне вблизи Улясатуя, на скалах по р.Енисею, в местности Дурбильджин на р.Толе и т.д. На многих из них ясно отражено хозяйственное значение оленей. Так, описывая енисейские петроглифы, Каррутерс сообщает: "Между прочим, среди этих рисунков удалось напасть на одну замечательную сцену, изображающую пастухов, объезжающих своих верблюдов и оленей. Интересными представляются также изображения людей, сидящих верхом на оленях" (121, с.57). А на улясатуйском камне изображен мужчина, сидящий на ковре, который возложен в виде седла на двух оленей, обращенных головами в разные стороны и покрытых ковром до половины.

Наиболее любопытна дурбильджинская писаница, полное объяснение которой находим у В.Н.Скалона (235, с.94, 96). Она состоит из двух явно нарочито сопоставленных групп рисунков. Снизу и слева да на сцена охоты. Человек с натянутым луком преследует группу диких копытных. Выше и справа — резко отличная, вполне мирная картина: человек, пахущий примитивным плугом, запряженным, видимо, полорогим животным. Над ним в совершенно спокойной позе стоит олень. Как видно по ряду деталей (рога, холка, хвост и пр.), именно северный олень. Ниже, справа, повернутое мордой в обратную сторону, изображено спокойно стоящее животное, в котором можно предположить олененка. Названный автор зорко подмечает, что здесь имеется сопостав-

ление двух форм быта – охотничьего и скотоводческо-земледельческого. Замечательно, что среди охотничьих зверей показаны горно-степные (аргали), горные (так) и лесные (лось и косуля) виды, а среди домашних – ездовые (олень) и тягловые (полорогий скот). Показанная сложная композиция писаницы может свидетельствовать прежде всего о том, что более ранний оленеводческий быт в свое время был сменен здесь земледельческим, который, в свою очередь, уступил место скотоводческому. Это подтверждают наблюдения многих путешественников. Например, Н.М.Ядринцев указывает на более широкое развитие сельскохозяйственной культуры в ныне опустыненных районах Западной Монголии (266, с.169). Согласуется с этим и сообщение В.Е.Ларичева, который на основании археологических находок пишет, что на востоке Азии изобретение плужного земледелия – заслуга степных охотничьескотоводческих племен каменного века. Он отмечает, что плуг в Китае появился позже, чем в Монголии и Маньчжурии (140, с.290).

Все сказанное полностью относится и к рисункам, недавно описанным П.Мариновским в статье "Таинственные знаки Иргизена" (Знание – сила, 1970, 6). Автор сообщает, что, путешествуя по пустыням Семиречья, их экспедиция обнаружила множество наскальных изображений слонов, диких и домашних (караван) верблюдов, диких и домашних козлов, оленей, собак, сцены охоты и т.д. Среди них для нас примечательно изображение всадника на олене. В руке он держит повод уздечки. Сидит не на холке, а посередине спины животного (как ныне в Саянах. – С.П.), на голове имеет конический убор. Вокруг него много коз и две собаки. Все они показаны в одном направлении. Рисункам несколько тысяч лет.

Итак, петроглифы эти найдены в пустыне. Между тем известно, что Семиречье – один из древних центров земледелия, основанного на искусственном орошении. Выходит, и здесь в древнейшие времена одна форма хозяйства сменилась другой. Но только, очевидно, в несколько иной последовательности, чем, скажем, в Западной Монголии, а именно оленеводство – скотоводство – орошаемое земледелие. Для нас важно, что первоначально в этих местах существовало оленеводство.

Наконец, упомянем Боярские писаницы. Их две: малая и большая. Ориентировочно относят их к первым векам до н.э. На большой Боярской писанице видны бревенчатые избы, животные, предметы быта и сами люди. Интересно, что здесь можно разглядеть всадников, гонящих стадо оленей к селению (65, с.125, 130). Любопытен также рисунок оленя, высеченный на обрывистом берегу Енисея. Впереди оленя, возможно, изображен олененок. Картина передана не схематично, а очень детально и реалистически.

Изображения оленей, имеющие культовый характер, встречаются на скалах р.Селенги. По замечанию С.В.Студзицкой, образ оленя с сия-

ющими золотыми рогами, который за день обегает весь небосклон, для скотоводов Забайкалья сливался с представлением о свершающем свой дневной путь Солнцем (240). Заметим, что район распространения реалистических наскальных изображений оленей гораздо уже, чем стилизованных.

Итак, изучение писаниц показывает несомненную связь некоторых из них с древним оленьим хозяйством.

Археологические раскопки и находки известны как более достоверные свидетельства существования оленеводства древности. Среди них особо интересны раскопки скифского погребения II в. н.э., произведенные С.Руденко и М.Грязновым на Алтае (Пазырык). Здесь были найдены хорошо сохранившиеся туши лошадей в упряжи. "На голове одной из лошадей была сделана из кожи, войлока и меха маска в виде головы северного оленя с рогами натуральной величины. Другая маска лежала вместе с седлами. Седла состоят из двух мягких из тонко выделанной кожи и войлока своеобразной формы подушек, подбитых оленьим волосом" (цит. по: Ф.Я.Гульчак, 75, с.3). "Этот памятник ясно говорит о том, что в ту эпоху обитатели Алтая уже были лошадиниками, – объясняет В.Н.Скалон, – но оставленная ими более древняя форма хозяйства, оленеводство, еще жила в памяти народа: она приняла характер культа, заставлявшего надевать на боевого коня маску его предшественника" (235, с.95). На это же указывал С.В.Киселев (127).

Замечательно, что этот культ и символика бытовали у ойротов спустя несколько сот лет. На этот счет В.Н.Скалон приводит любопытнейшую историческую справку из монгольских хроник: "В XVII в. на урочище Дзум-Мут (в 100 км от Улан-Батора) произошло генеральное сражение войск ойротского хана Анудари с маньчжурами. При этом одна из ойротских предводительниц, жена хана Далдын Башыг Ту, выехала в бой на ветвисторогом олене...". Далее В.Н.Скалон комментирует: "Так как невозможно думать, чтобы в этих условиях воительница могла пользоваться действительно оленем, следует предположить, что ее боевой конь носил на себе нечто подобное маске, захороненной в одном из древних могильников ее предков" (235, с.95).

Символику эту можно узреть и на петроглифах долины Чулуут (Монголия), которую совсем недавно Э.Новгородова описывает так: "А поодаль обнаруживаем силуэт животного с пятнистой шкурой – у него тело быка, а рога ... оленя. Стало очевидным, что перед нами быки, замаскированные под пятнистых оленей – онгонов, которые, согласно древним верованиям, были вместилищем душ предков" (169, с.10). Петроглифам 5000 лет.

О пятнистых (пантовых) оленях следует заметить, что их родина – Приморье и совсем недавно (середина XIX в.) они акклиматизированы в западных районах страны. Поэтому вряд ли можно предполагать, что здесь речь идет именно о пятнистом олене. Скорее это все та же сти-

лизация не только рогов, но и боков некогда хозяйственно значимого домашнего северного оленя: на ветвистых рогах запрокинутой головы часто встречается круг (солнце) и на боках, надо полагать, изображены те же круги.

Так же хорошо известны раскопки Афонтовой горы (времени Мадлен), где были обнаружены кости оленей и их зубы, сходные с современными домашними (22).

А.П.Окладников сообщает, что по р.Тубе (раскопки Чырского чатаса) Л.Р.Кызласовым обнаружены древнейшие в Сибири достоверные следы оленеводства: обугленные деревянные фигурки оленей с изображенными на них недоузками, похожими на лошадиную узду (176, с.77). Здесь же, в Минусинском крае, Попов (цит. по: Кызласов Л.Р.: 137) нашел, как он выражается, "изображение воинствующего оленеводства" на трех медных кружках, подобранных сагайцами в степи. Известны также и другие деревянные и бронзовые фигурки оленей, еще 2500 лет назад украшавшие конские узды или одежду военачальника. Некоторые из них хранятся в Эрмитаже. Сразу же заметим: если в культуре чатаса (VI-IX вв.) были найдены обугленные деревянные изображения оленей, то уже в первом (Эйлигхемском X-XI вв.) периоде Аскизской культуры ничего подобного не наблюдалось, что напоминало бы непосредственно об оленях и оленеводстве (136, с.48).

В могильнике III в. до н.э., раскопанном экспедицией П.К.Козлова около Ноин-Ула, недалеко от Урги, был найден тончайшей работы ковер с фигурками животных. "Одно из них, которое Г.И.Боровка и сам П.К.Козлов называют почему-то лосем, — указывает В.Н.Скалон, — особенно отличается изяществом изображения. Между тем рассмотрение типичной морды, и особенно рогов, вовсе не схожих с лосиными, убеждает в том, что древний художник имел в виду изобразить северного оленя и очень удачно справился со своей задачей" (235, с.93-94).

По свидетельству Ю.Д.Талько-Гринцевича, раскопки, произведенные им близ Троицкосавска (ныне г.Кяхта, Бурятия), имеют прямую связь с ноин-улинскими. В них автор находил "кости домашних животных: быка, барана, северного оленя...". Как он подчеркивает, здесь речь идет именно о домашних животных, что для нас весьма значительно (241).

"В судженских могильниках, — пишет М.В.Павлова, — чаще всего встречаются баран — 13 экз. и бык — 19 экз., которые имеются в музее. Далее следует коза — 8 экз., собака — 3 экз., череп лошади — 1 экз., олень — 1 рог" (186). Как видно, по количеству находок костей первое место принадлежит крупному рогатому скоту, а второе — овцам и т.д. Если частота нахождения в могильниках остатков костей отдельных видов животных в какой-то мере отражает реальное соотношение их в хозяйстве, то можно заключить, что в тот период, который

относится к временам гуннов (конец первого тысячелетия до н.э.), произошла замена оленеводческого быта скотоводческим.

Наконец, наличие оленеводства древности неопровержимо подтверждают китайские хроники, самые ранние из которых относятся к 477 и второй четверти VI столетия. В них упоминается, что народ, живший к северу от Китая, доил своих оленей и использовал их в качестве ездовых животных (28, с.225; 109; 147).

Несколько позднее об оленеводстве этих мест европейцам поведал французский монах В.Рубрук (1255 г.), англичанин Р.Эден (1555 г.) и др. Под севером Китая в летописи, несомненно, имеются в виду места, где нынче обнаружены показанные нами археологические находки, писаницы и оленьи камни.

В заключение заметим, что само нынешнее существование оленеводства в Саянах является живым примером, свидетельствующим о некогда развитом здесь оленеводческом хозяйстве. Современное саянское оленеводство считается лишь осколком обширного монголо-южносибирского оленеводства древности, а саянские оленеводы принимают за горные остатки древнейшей культуры, давно отошедшей на север (24, с.42; 235, с.98).

Таковы основные исторические факты, свидетельствующие о существовании оленеводства древности на юге нашей страны, а именно в Саяно-Алтайской области. В то же время интересно отметить, "что в неолите Северной Сибири почти нет следов оленеводства" (22). Это подтверждают и исследования В.Н.Чернецова (257), проведенные на п-е Ямал: "... этот автор, найдя кости оленя всюду среди кухонных остатков обитавших в ямальских землянках народностей, не приводит ничего говорящего в пользу существования у них оленеводства. Между тем обиталища эти относительно поздние" (235). С изложенным согласуется также работа Е.Д.Прокофьевой (220, с.201, 202).

Не обнаруживают следов древнего оленеводства на севере и новые (последних лет) археологические раскопки. Так, на крайнем северо-западе европейской части СССР (п-ов Рыбачий) сейчас обнаружено около 30 стоянок. Кольская археологическая экспедиция установила, что первые поселения в районе нынешней границы между СССР и Норвегией появились 7 тыс. лет назад. Норильской экспедицией Ленинградского НИИ геологии Арктики обнаружено много находок, свидетельствующих о пребывании первобытных людей на Нижнем Енисее. На Таймыре найдено около 20 древних поселений. В Восточной Арктике, на архипелаге Новосибирского острова, также обнаружена стоянка древнего человека. Археологи Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института, которые несколько последних лет проводят раскопки на Чукотке, Колыме и Камчатке, уже открыли немало интересного. Алданская и Приленская археологические экспедиции (Якутская АССР) по долинам рек Лена, Алдан, Мая и других обнаружили десятки уни-

кальнейших многослойных стоянок (Джуктайская пещера, Диринг-Юряхский могильник и т.д.), на которых представлены все эпохи – от позднего палеолита до железного века.

На всех этих стоянках найдены хорошо сохранившиеся различные поделки из кости, наконечники для стрел, иглы, топоры, искусно изготовленные из бивней мамонта и т.д., но нигде не обнаружены предметы, причастные к оленеводству древности (52, 92, 163). На это следует обратить внимание.

Таким образом, изложенное ясно показывает, что древнее оленеводство существовало не на севере Евразии (тем более не повсеместно), а лишь только на юге нашей страны. Подтверждает это и история ездового собаководства.

2. Распространение упряжного собаководства как предшественника оленеводства

Как и когда началось содружество человека и собаки? Однозначного ответа пока нет. Одни ученые, например, считают, что этому содружеству 8 тыс. лет. Другие говорят, что собака живет с человеком никак не меньше 10 тыс. лет. Имеются веские основания полагать, что человек начал приручать собак в мезолитическую эру, а может быть, и раньше (66, с.82; 150, с.64). Процесс этот был медленным, но в конце концов собака была одомашнена и стала жить у человека. Она участвовала во всех видах охоты, превратилась в необходимое и активное средство производства. С течением времени значение собаки возрастало. Характерным элементом культуры древних охотников-рыболовов была легкая ручная нарта. Такие нарты тащили сами люди, идя на лыжах. Человеку при этом, конечно, порою приходилось очень трудно, и он в помощь себе иногда подпрягал охотничьих собак, постепенно превращая их в своих помощников. Так, очевидно, зародилось упряжное собаководство.

В далекую эпоху, по замечанию Ю.А.Васильева, собака должна была играть если не доминирующую, то, несомненно, очень существенную роль (49). "Рыболовческо-охотничье общество озерного неолита северо-западной части РСФСР имело собаку как домашнее животное, широко используя ее. Она служила на охоте и как средство передвижения и вместе с тем употреблялась в пищу. В качестве универсального животного собака содержится и до сих пор у некоторых племен Восточной Сибири, Америки и других стран", – писал В.В.Гольмстен (66, с.88).

Флор (цит. по Е.Кагарову: 1931) полагает, что первые зачатки собаководства были положены еще в эпоху протоазийской древнеарктической культуры в Европе. Древние свидетельства о собаках найдены на писаницах и петроглифах в Скандинавии, на Онежском озере, реках Лене, Енисее и т.д. (49). Так, на Верхоненской стоянке (палеолит) найдены кости волковидной собаки. На многих костях других

животных обнаружены следы зубов этой собаки, что указывает на то, что собака жила около человека и последний кормил ее остатками со своего стола (173, с.246). Однако достоверных данных о первоначальном хозяйственном использовании собак имеется очень мало. Можно указать, например, лишь на археологические материалы "арктического неолита", который описывает для Ямала В.Н.Чернецов (257, 258). Существование древних насельников Сибири – оседлых собаководов – подтверждает работа Е.Д.Прокофьевой (220, с.201, 202). В.И.Мошинская (164, с. 84–86) показывает наличие упряжного собаководства у племен, населявших низовья Оби в эпоху Усть-Полуйской культуры (около IV в. до н.э.). Интересно заметить, что здесь "среди вещественных памятников найдены рукоятки ножей, один из которых завершается фигуркой собаки, и к тому же в упряжи ..." (8).

На древнее распространение собаководства в Западной Евразии в свое время указывал Лерберг, а Миддендорф писал: "Собаку как одну из древнейших спутниц человеческого рода, по всей вероятности, уже рано заставляли быть также упряжным животным. В Европе, однако же, она издавна, вероятно еще в доисторические времена, вытеснена лошадью, а дальше к северу, где лошадь была непригодна, заменена северным оленем. Даже в нашем Остзейском крае выражение *pennikorn* (собачья ноша) вместо географической мили упоминает давно исчезнувший обычай запрягать собак. В Сибири же собачья упряжь еще в доисторические времена была более распространена, чем теперь" (156, с.35).

На основе отличительных форм В.Г.Богораз считает, что собаководство Северной Америки древнее евразийского. Он замечает весьма интересную деталь: "Американские собаки в общем тяжеловозы. Они не знают галопа и рысистого хода, движутся шагом или легкой трусцой, человек постоянно помогает им тащить, с другой стороны, американские собаки сильнее и выносливее азиатских" (28, с.221). Как видно, упряжное собаководство имеет не только древнее происхождение, но и широкое распространение.

На сегодня достоверные исторические сведения об упряжном собаководстве (в основном Сибири) собраны в известной книге М.П.Алексеева "Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей" (Иркутск, 1941). Приведем наиболее характерные из них. Первым по времени является сообщение Плано Карпини (1246 г.), согласно которому все самоедские племена в прошлом были собаководами и охотниками на морского зверя. Марко Поло (вторая половина XIII в.) в своем рассказе об области северного царя Кончи (северо-запад Сибири) подробно описывает езду на собаках и развитую систему собачьего транспорта, что уже предполагает давно и прочно сложившееся обиходное использование. Аксенов считает вероятным, что ненцы в XIII в. жили только звероловством. В 1477 г. русское войско при походе на Югру поль-

зовалось собачьими упряжками, заимствованными у предков ненцев, в то время приморских собаководов. Меховский (1517 г.), говоря о морском промысле жителей полярного побережья, не упоминает об оленях. Рассказывая о стране Wissibur, И. Шильбергер сообщает о собачьем транспорте. Франческо-да-Колло (1519 г.) сообщает об области Югры следующее: "водится особенно много соболей, а также и других диких зверей и животных, которых охотники преследуют на повозках, влекомых собаками величайшей силы и ловкости ...".

Интересно заметить, что до сих пор речь шла только о ездовом собаководстве и ничего не говорилось об оленеводстве. Первое упоминание о собаках и оленях вместе находим в рассказе Ричарда Джонсона (1558 г.) о самоедах страны "Молгомзей", а также у Принтца (1577 г.). Лишь Финч (1611 г.), говоря о пути от Мезени до Печоры, имеет в виду только оленей (5, с. 8, 11, 41, 80, 260, 294, 306, 555).

Впрочем, о собаководческом хозяйстве ненцев есть и позднейшие сведения, — пишет В.Н.Скалон. — Так, Исаак Масса в своем сказании о покорении Сибири, написанном со слов русских знатоков Сибири (1612 г.), говорит, что в то время одни из самоедских племен ездили верхом на оленях, другие запрягали их, а третьи пользовались собаками. В 1647 г. Олеарий, данные которого отличаются обстоятельностью, описывает зимние жилища самоедов в виде землянок, заносимых снегом, куда люди попадают снаружи через трубу" (235, с. 100). В.Н.Скалон совершенно справедливо замечает, что такой тип зимовок возможен только для прибрежных собаководов, и верно определяет оседлую форму хозяйства племени. Первые сведения, характеризующие тундровое оленеводство у самоедов (кочевка с оленями, переносные чумы и т.д.), появляются только у Мильтона в 1642–1649 гг. (5, с. 306).

Вместо заключения приведем здесь слова Г.М.Василевич и М.Г.Левина: "Прослеживая различные сообщения, мы можем установить, что в X–XIII вв. Северное Приуралье и Приобье были областями распространения езды на собаках. В XV в. здесь ездили уже на собаках и на оленях. А в XVIII–XIX вв. езда на собаках почти исчезла. Можно считать доказанным, что в Северо-Западной Сибири собачья упряжка предшествовала оленьей" (46). В этнографической литературе сейчас прочно утвердилось мнение, что упряжное собаководство повсеместно предшествовало упряжному оленеводству, что оленья нарта имеет своим прототипом собачью нарту. Однако развитие оленьей нарти из нарти упряжного собаководства не было единственным путем ее возникновения — в ряде случаев оленья нарта восходит непосредственно к ручной охотничьей нарте (142).

Как видно, в доолениводческие времена ездовое собаководство существовало вдоль всего северного побережья, включая почти всю

кругополярную область, ибо промысловая оседлость здесь тогда была немислима без ездовой собаки. В то же время оно, видимо, не имело места в более южных местах, например у камасинцев, карагасов, урянхайцев и др. И это понятно, если учесть, что ездовое собаководство тесно связано с рыболовным хозяйством или с охотой на морских животных. "Оседлый быт в условиях морского побережья и устьев рек в Арктике, — пишет В.Н.Скалон, — базирующийся на промысле, невозможен без наличия ездового собаководства. И наоборот, ездовое собаководство несовместимо с кочевым бытом, и в случае перехода ранее оседлых групп к кочевому образу жизни оно быстро деградирует" (237 с. 303, 304).

В настоящее время ездовое собаководство встречается на Охотском побережье, Дальнем Востоке, севере Якутии, Туруханском севере (у кетов и селькупов) и Оби (у хантов и манси). В 1926–1927 г. (приполярная перепись) на советском Севере имелось 54 483 транспортных собаки, сейчас их осталось гораздо меньше, и в основном в местах, где отсутствуют условия для развития оленеводства.

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что до ездового собаководства оленеводство на севере не развивалось. Некогда развитое приполярное ездовое собаководство постепенно было заменено и вытеснено позднее возникшим здесь оленеводством. Особенно нагляден в этом отношении пример Таймыра, где упряжное собаководство русских поселенцев в исторически короткий срок было вытеснено оленеводством тунгусов и долган (237, с. 317).

3. Основные теории о происхождении оленеводства

Вопрос о происхождении оленеводства принадлежит к числу наиболее спорных и носит в основном гипотетический характер. Крайние споры ведутся о времени и месте происхождения оленеводства. По первому вопросу ученые разделились на две группы. Одна из них (Ф.Нансен, У.Сирелиус, В.Богораз, Е.Богданов, А.Якоби и др.) считают оленеводство явлением древним, насчитывающим тысячелетия. Свою точку зрения она основывает на далеком прошлом оленеводческого населения и самобытности происхождения оленеводства, являющегося оригинальным достижением культуры народностей Севера.

Вторая группа (Э.Ган, Б.Лауффер, К.Виклунд, К.Доннер, В.Куфтин, А.Максимов, А.Яхонтов и др.), наоборот, отстаивают взгляд о более позднем происхождении оленеводства, исчисляемом сотнями лет. "За позднее создание оленеводства приводятся соображения, связанные с ознакомлением населения и с разведением старых домашних животных, когда они дошли до северных зон, где водились олени", — заключает С.Н.Боголюбовский (22). Э.Ган считает оленеводство как бы отпрыском коневодства и разведения рогатого скота. По его мнению, скотоводы,

попав в северо-восточную Азию, потеряли там из-за сурового климата рогатый скот и лошадей и вынуждены были приручить другое животное, более приспособленное к климату, а именно оленя Спо: Максимову А.Н., 1928).

В пользу мнения о позднем происхождении оленеводства приводят также ссылки на то, что домашний олень сравнительно мало обособился от своих диких сородичей, что среди домашних оленей не наблюдается такого разнообразия пород, как среди других, более старых домашних животных, и т.д. Исходя из этих соображений, некоторые историки культуры, как, например, Шурц, думают, что олень приручен сравнительно поздно. А такие, как Л. Рейнгардт, высказывают убеждение, что олень приручен не более 500 лет тому назад (147). Однако несостоятельность приведенных доводов признают сами же сторонники второго взгляда. Так, А.Н. Максимов пишет: "Но вряд ли этот аргумент покажется достаточно убедительным сторонникам противоположного мнения об очень древнем приручении оленей, потому что, с их точки зрения, недостаточно резкое обособление домашнего оленя от дикого может быть объяснено тем, что домашний олень, несмотря на свое приручение, продолжает жить в условиях, весьма близких к условиям жизни дикого оленя" (147).

Таким образом, некоторые исследователи в анализе происхождения домашних животных, вопреки фактам, исходят из традиционно ложных позиций – признания якобы извечного влияния западной культуры на восточную, а южной культуры на северную, в том числе и на культуру оленеводства.

В.Г. Богораз – крупный знаток оленеводства – в свое время подверг подробному разбору взгляды своих оппонентов. Он решительно возражал против позднего одомашнивания оленей на основе опыта с другими домашними животными и не встречал при этом возражений против своих поправок и сопоставлений. Касаясь идеи Н.Я. Марра о том, что "первоначальная звуковая речь человечества возникла в стране с передвижением на оленях, т.е. в холодной зоне ...", В.Г. Богораз пишет: "Эта идея, между прочим, решает в утвердительную сторону вопрос о большой древности приручения оленей и начала оленеводства и отбрасывает в сторону странные теории о том, что будто бы северные народы завели оленеводство лишь в последние века в виде подражания цивилизованным белым народам ..." (29, с.50).

По мнению В.Г. Богораз, приручение оленя произошло в конце палеолита, в период отступления ледника, когда палеолитический охотник, вслед за стадами оленей, двинулся на север.

В наше время все большее число авторов склоняется к теории о древнем происхождении оленеводства. Г.П. Сосновский допускал возможность использования оленей в транспорте еще в верхнем палеолите

(238). В пользу большой древности приручения оленей высказался и В.И. Равдоникас, который "говорит, что еще во времена Анцилового моря, в бореальный период, в Кундах найдены кости северного оленя, хотя известно, что дикого оленя в то время там не было" (цит. по: Боголюбскому С.Н.; 22).

Все эти авторы рассматривают оленеводство как древнейшую форму животноводства вообще. В.И. Равдоникас даже выдвинул свою периодизацию развития животноводства, ранний этап которого (верхний палеолит) был связан с транспортными и охотничьими животными, иногда использовавшимися и на мясо. Он вместе с И.И. Мещаниновым считал, что древнейшие домашние животные (собака, олень и, возможно, бык) имелись уже у верхнепалеолитического населения (155, с.13; 223, с.563-564). Эту точку зрения разделяют Флор и Н.Я. Марр. Последний на лингвистическом материале показывает, что олень является первым после собаки животным, используемым человеком, что он предшествовал другим домашним животным.

"Наиболее вероятным, – пишет Е.А. Богданов, – нам представляется предположение, что олени были приручены в эпоху неолита, когда в местах оленеводства не была еще известна домашняя лошадь" (19, с.47). "Оленеводство является одной из древнейших отраслей животноводства", – подтверждает Ф.Я. Гульчак (75, с.3). "Возникновение оленеводства относят к позднему неолиту", – отмечает И.В. Друри (99, с.16). На существование оленеводческого хозяйства еще задолго до III-II вв. до н.э. указывает В.Н. Скалон (235, с.93). "Одомашнивание оленя происходило в Азии еще в эпоху неолита", – находим у Е.Я. Борисенко. И еще у него же: "Оленеводство долгое время считалось молодой отраслью животноводства. Последние же исследования (Герре, 1955. Истмара, 1952. Гайдерта, 1956) приводят к заключению, что олень одомашнен очень давно и является одним из древнейших домашних животных причем оленеводство возникло раньше коневодства" (31, с.27). Касаясь приручения пойманных на охоте молодых оленей, С.Н. Боголюбский пишет, что этот процесс у народов возник, по-видимому, еще в верхнем палеолите. Далее: "И хотя эта эпоха на севере хронологически была позднее, чем в южных странах, все же процесс одомашнивания имевшегося вблизи дикого материала, должен был наступить в эту же эпоху" (22).

Различны взгляды и о месте возникновения оленеводства. Старую теорию о саянской природе оленеводства разделяют многие авторы, в том числе и В.Г. Богораз. Наряду с ней существуют версии о Лопарско-Германском центре и политопном становлении оленеводства (20; 21; 22; 109). Кроме того, есть предположение о существовании двух центров первоначального возникновения оленеводства – саянского и тунгусского (46, с.77). А некоторые авторитетные авторы, как, напри-

мер, А.А.Браунер, признают: "где впервые был одомашнен северный олень, сказать трудно" (32, с.150).

Наиболее острый спор ведется между сторонниками множественности центров и единого Саянского центра происхождения оленеводства.

Теория полицентрального возникновения, исходя из того, что родоначальником домашних оленей является ныне существующий дикий олень, основана на возможности приручения и одомашнения местных диких оленей. Она признает правильным параллельное приручение и одомашнение оленей в нескольких местах на территории современной Евразии. Виллунд, например, считает, что оленеводство возникло в различных районах вполне самостоятельно один от другого и насчитывает четыре обособленных района оленеводства: чукотско-корякский, тунгусско-сойотский, самоедо-остяцкий и лопарский (147). Однако такое мнение сейчас подвергается все более исключительной критике. По подобному поводу А.Н.Максимов писал: "Все эти рассуждения совершенно не согласуются с фактами. Дикий олень не только не идет сам навстречу приручению, но, наоборот, оказывает ему всяческое сопротивление, и из современных оленеводческих народов нет ни одного, который пополнял бы свои стада присоединением к ним захваченных диких оленей. Даже приручение отдельных диких оленей не удается этим народам, не говоря уже о массовом приручении, это в один голос говорят все наблюдатели жизни этих народов" (147). Так, например, Р.К.Маак, продолжая автор, указывая на то, что у виллундских тунгусов не сохранилось никаких преданий о приручении оленя, добавляет: "все, которых я расспрашивал, говорили мне, что им приручение молодых диких оленей никогда не удавалось. Все старания вскормить и приручить пойманных телят кончались тем, что привязанные к дереву или убивались до смерти, или задушались ремнем, которым были привязаны". Далее автор ссылается на В.Д.Серовского, отмечавшего, что "попытки приручить диких оленей оказывались до сих пор неудачны".

Имеются и совершенно новые данные. Так, В.А.Шнирельман довольно твердо заявляет: "По сей день ведется полемика между сторонниками идеи автохтонного становления оленеводства на крайнем Севере и теми, кто выводит оленеводство из районов, расположенных на юге Сибири ... Все же нельзя не отметить, что вторая из приведенных гипотез лучше увязывается с имеющимися фактическими материалами, тогда как аргументы ее противников более уязвимы" (262, с.176). Подобные примеры можно преумножить, но и показанных здесь вполне достаточно для того, чтобы вместе с В.Н.Скалоном (235, с.98) прийти к следующему заключению: нет решительно никаких фактов для утверждения возникновения оленеводства из прямого приручения ныне существующего дикого оленя. Более того, дикий северный олень менее пригоден к приручению, чем любое из диких копытных. Факты приручения ло-

сей, изюбров, косуль и дзеренов известны давно. Фактов приручения и одомашнения местных диких оленей не приводят и новейшие исследования (256, 262). В то же время много говорится о нежелательности даже скрещивания домашних оленей с дикими (209, 275).

Таким образом, теория возникновения оленеводства в разных местах независимо друг от друга и в разное время оказывается слабо обоснованной и не выдерживает критики, в то время как противная ей старая теория о Саяно-Алтайском центре происхождения оленеводства сейчас значительно подкреплена новыми данными и стала еще более вероятной, близкой к достоверной научной теории.

Вопрос о происхождении лопарского оленеводства нами будет рассмотрен далее (см. "саамы и карелы"). Поэтому здесь укажем лишь, что наш взгляд по данному вопросу вполне согласуется с мнением Г.М.Василевич и М.Г.Левина, которые, в частности, пишут: "Одним из аргументов в пользу происхождения лопарского оленеводства независимо от оленеводства сибирского является, по Максимова, отсутствие кереежи у ненцев. Это мнение оказывается ошибочным ..." (46, с.82).

Р.Васильевский (51, с.47), Г.М.Василевич и М.Г.Левин (46, с.78 и сл.) высказывают предположение о первоначальном возникновении оленеводства в районе Саяно-Алтайского нагорья и в горных районах Забайкалья и Приамурья. Между тем сам А.Н.Максимов, допускавший наличие двух этих областей происхождения оленеводства, не принимал их за два первоначальных, самостоятельных и различных центра происхождения саянского и тунгусского оленеводства. Наоборот, различая эти области, он признавал единый центр происхождения сибирского оленеводства. "... Независимы ли одно от другого оленеводство самоедов и оленеводство тунгусов, - спрашивает А.Н.Максимов, - или они восходят к какому-то одному общему источнику?". И сам же отвечал: "Мне лично представляется более вероятным второе предположение об одном общем источнике оленеводства и самоедов и тунгусов" (147).

В заключение заметим, что весь имеющийся в нашем распоряжении и излагаемый здесь материал сам по себе подтверждает существование единого центра происхождения оленеводства. Все нити, все следы оленеводства древности ведут в южную Сибирь, в центр Азии. В связи с этим уместно вспомнить работу Чарльза Дарвина "Пекло творения", в которой он останавливался и на этой проблеме. Свое мнение он выразил вполне четко: "Мне ... кажется, что то воззрение, по которому каждый вид появился первоначально только в одной области и потом расселился отсюда ... наиболее верно" (213, с.17). Через шестьдесят лет после того, как Дарвин опубликовал свою догадку, академик Н.И.Вавилов доказал их верность. В своей статье "Азия - источник видов" он писал: "Из 640 важнейших культур около 500 произошли из Южной Азии, в пределах которой мы установили 5 важнейших центров

происхождения культурных растений ... Наши исследования показали, что Азия не только родина большинства современных культурных растений, но также наших основных прирученных животных ... Многие факты указывают, что Южная Азия также основная первичная родина человечества ... Южная Азия — настоящая колыбель жизни. В этом аспекте Азия занимает уникальное место среди континентов земного шара. Здесь в будущем можно ожидать появления новых открытий большой важности, которые прольют свет на происхождение и эволюцию флоры, фауны и самого человека" (36). Оленеводство, видимо, не составляет исключения, а является даже одним из пионеров.

Глава 1У

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА

Из вышеизложенного ясно, что южное оленеводство древнее северного. Поэтому знакомство с историей оленеводческих народностей поведем из Саян в северо-западном и северо-восточном направлениях, придерживаясь наиболее вероятных путей исторического распространения оленеводства. При этом следует хотя бы в общих чертах ознакомиться с причиной передвижения древнего оленеводства на север, с этнической историей Центральной Азии и историей каждой оленеводческой народности.

1. Климат и история оленеводства

На Алтае, очевидно в Семиречье, в верховьях Енисея, к востоку до Селенги и к югу до Шаргин-Гоби, в древности была распространена оленеводческая культура. Впоследствии ареал оленеводства здесь был значительно сокращен, и культура эта передвинулась на север. Хозяйственная жизнь народов, населявших и населяющих Землю, связана с ландшафтами и климатом занятых ими территорий. Это аксиома. Под этим углом зрения попытаемся рассмотреть те природные явления, которые послужили в итоге причиной переселения саянских оленеводов на север.

Возвращаясь к рисункам на камнях и скалах, мы должны еще раз подчеркнуть, что они создавались людьми, связанными хозяйственно с изображаемыми ими животными. Отсюда кажется невероятным, что рисунки оленей, лосей и изюбрей находятся в местах, где животные эти ныне не встречаются и, будучи типично таежными, не могут обитать там в силу непригодности для них физико-географических условий. Следовательно, необходимо предположить, что в прежних местах обитания изображенных животных климат был более влажным, допускавшим существование соответствующей растительности. Такое предположение усиливается еще и тем, что на основе нашего материала мы не можем признать против историческое переселение скида народа из северной тайги, не можем допустить распространения оленеводства с севера на юг.

Итак, попытаемся обосновать свое предположение.

В этом отношении многое уже сказано В.Н.Скалоном, который на основании личных наблюдений и анализа трудов Л.С.Берга, Г.Е.Грумм-Гржимайло, В.А.Смирнова, К.Беркли и Морриса и др. приходит к выводу об усыхании Западной Монголии (235, с.88). Такая гипотеза подтверждается данными всех путешественников, описывающих котловины многочисленных в Западной Монголии озер, которые по размерам были гораздо большими, чем в настоящее время. Приводятся и ботанические доводы В.И.Баранова, обнаружившего в районе Кобдо насаждения березы, носящие явно реликтовый характер. Но особенно интересны данные, приводимые из области зоогеографии. Наиболее привлекательно здесь своеобразное распространение эндемичных рыб-османов, которые встречаются в ряде бессточных озер Западной Монголии и в верховьях рек Русского Алтая, принадлежавших к бассейну Оби. Б.И.Иоганзен говорит о них: "В бассейн Оби османы попали благодаря тому, что верховья Аргута, Чуи, Вашкауса и Чулышмана близко подходят к истокам рек внутреннего бассейна Кобдосских озер. Здесь нет бифуркаций, но истоки тех и других рек часто берут начало на общих заболоченных водоразделах, где в период снеготаяния иногда создаются условия для перехода рыб из одного бассейна в другой" (цит. по: В.Н.Скалон: 235, с.89).

В пользу происшедшего усыхания Западной Монголии говорят и примеры распространения некоторых млекопитающих, скажем цокора. В целом ареал этого грызуна окружает опустыненную часть Монголии широким кольцом, не замкнутом на юге и на западе со стороны Тибета и на севере — со стороны Саян. В то же время в некоторых местах Монголии, где ныне невозможно обитание цокора, можно считать вероятным его существование в прошлом. Есть предположение, что некогда имелся огромный общий ареал этого грызуна, центр которого выпал в результате изменения климата. Большая близость существующих видов цокора, странная при наличии огромного их разобшения, говорит о том, что запустение центра его ареала произошло недавно. Можно говорить и о былом заселении большей части Монголии бобрим, который уцелел лишь по ее окраинам, где позволило ему удержаться изменение климата. Об усыхании климата говорят также островные участки ареала сурков и тарбаганов.

Примером, подтверждающим изменение климата Западной Монголии в новое время, являются гнезда земляных пчел, обнаруженные в опустыненных котловинах монгольских озер. Предполагается, что во времена существования пчел вокруг были цветущие луга, а изменение климата произошло совсем недавно. Приводится много и других примеров, подытоживая которые В.Н.Скалон (235), подчеркивает, что имеется достаточно данных, свидетельствующих о недавнем и быстром изменении климата Западной Монголии в сторону усыхания. Они позволяют также допустить, что ныне опустыненная или остепненная территория

была занята цветущими лугами, лесостепью и тайгой, на юг до границы Шаргиин-Гоби. Таким образом, сказанное позволяет заключить, что на глазах людей, владевших развитым изобразительным искусством, Западная Монголия была заселена типичными представителями таежной фауны, которые не могли (за исключением изкобей) обитать даже в условиях степи" (235, с.91).

Какие причины вызвали усыхание Западной Монголии?

Заметим, что Западная Монголия в своем роде не представляет исключения. Можно привести примеры Сахары, которая в V—IV тысячелетии до н.э. была цветущей степью с островками лесов. Пустыней она стала уже в обозримом прошлом. Останки мамонтов и других степных зверей находят в настоящее время в северной Сибири, поросшей густым лесом. Во II тысячелетии до н.э. вокруг Онежского озера росли буковые леса, сменившиеся потом хвойными. Все эти перемены произошли в период неолита и бронзы, продолжают в наши дни и соответствуют климатическим переменам. В частности, на территории Евразии они зависят от степени увлажнения той или иной зоны (степи, тайги, тундры).

Каждый год на Евразийский континент падает примерно одно и то же количество влаги, но распределение осадков изменяется значительно, и эти изменения зависят от путей циклона, идущего из области Сахары и Аравии. В свою очередь, путь циклона определяется солнечной активностью, которую условно можно подразделить на слабую, среднюю и сильную.

Л.Н.Гумилев пишет, что при слабой солнечной активности циклоны проносятся по так называемому южному пути: над Средиземным и Черным морями, над Северным Кавказом и Казахстаном — и задерживаются горными вершинами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает дождями (76). В этом случае орошаются и зеленеют степи, зарастают травой пустыни, наполняются водой озеро Балхаш и Аральское море, питаемые степными реками, и сохнет Каспийское море, питаемое на 81% Волгой. В лесной полосе мелеют реки, зарастают травой и превращаются в поляны болота, стоят морозные малоснежные зимы, а летом падает зной.

При средней солнечной деятельности ложбина циклонов сдвигается к северу и проходит по среднему пути, т.е. над Францией, Германией, Средней Россией и Сибирью. Тогда сохнут степи, мелеют Балхаш и Арал, набухает Каспий. Волга превращается в мутный, бурый поток. В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели, летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожаи и болезни.

При сильной солнечной активности циклоны несутся по северному пути — через Шотландию и Скандинавию к Белому и Карскому морям.

Степь превращается в пустыню. Снова мелеет Волга, и Каспийское море входит в свои берега.

Как известно, история народов, живших натуральным хозяйством, чутко реагировала на малейшие изменения экономических возможностей, которые были тесно связаны с ландшафтом, со степенью его увлажнения. Исходя из этих положений, на фоне климатических перемен, Л.Н.Гумилев весьма удачно показывает общий процесс появления, развития, упадка и исчезновения кочевых народов Центральной Азии. Так, оказывается, могучая держава гуннов, кочевья которых располагались в тех урочищах, где ныне песчаная пустыня, расцветала в период прохождения циклонов по южному пути. В IV–III вв. до н.э. уровень Каспийского моря был на 8 м ниже современного, а уровень Аральского моря поднялся на 4 м. Зато высохла большая часть озера Балхаш, обмелело и Аральское море. В степях отмечаются особо суровые зимы и засухи. Хозяйство гуннов было подорвано падежом скота, а это, в свою очередь, было косвенной причиной поражения их в войнах.

С IV в. степь запела снова. Циклоны сместились к югу, где возник каганат тюрков. Наступила эпоха наивысшего расцвета степной культуры. Лишь в IX в. наблюдалось небольшое усыхание, которое почти не отразилось на состоянии хозяйства кочевников.

В эпоху завоеваний Чингисхана и его наследников (XIII в.) степь неплохо кормила своих обитателей. Но эпоха Батия совпала с переменной пути циклонов. К началу XIV в. Каспийское море вышло из берегов и поднялось на 8 м выше современного уровня. Кочевое хозяйство монголов в степной зоне было подорвано засухами. Это, очевидно, облегчило китайцам свержение монгольского ига (1370 г.). В эту эпоху оттаяло Карское море. То было время прохождения циклонов по Евразии самым северным путем.

В XV и XVI вв. циклоны понесли влагу в лесную зону, и снова поднялся уровень Каспийского моря. В середине XV в. пала последняя кочевая держава – ойратский племенной союз (1758 г.). В XVI в. снова повысилась солнечная радиация, и на наших глазах растаяли северные моря, проносятся пыльные бури по югу страны.

Таковы периодические климатические перемены и их исторические следствия на Земле.

Однако усыхание Западной Монголии – явление местное, одностороннее, необратимое, и вызвано оно особыми, локальными причинами. В.Н.Скалон эти причины находит в генезисе хребтов, разделяющих Сибирь и Монголию (235, с.91–92). Оценивая труды А.Молчанова, З.Лебедевой, Н.Соболева, В.Кузнецова, И.Арембовского и других, он приходит к заключению об интенсивном поднятии Восточных Саян и отделении Енисея от Монголии в антропогене, о молодости тектонического

рельефа и дальнейшем поднятии хребтов от Байкала до Алтая. Как установлено, горам Восточной Сибири предстоит "подрасти" еще на 1000 м. Затем они начнут разрушаться.

В конце третичного периода на месте Восточных Саян существовало обширное холмисто-равнинное пространство, прерываемое остаточными хребтами высотой до 600–700 м. В этой связи интересен вывод байкаловеда В.В.Ламакина, что Байкал древнее окружающих его гор. Байкальская впадина, образовавшаяся в течение миллионов лет в результате гигантского провала и раздвигания земной коры, вначале была окружена равниной и частично мелкогористой местностью. Поднятие горных хребтов вокруг Байкала особенно усилилось в четвертичном периоде и продолжается в настоящее время (139).

Особо интенсивное поднятие хребтов от Байкала до Алтая протекало после Вирмской эпохи, т.е. в обозримом историческом прошлом. "Вся эта система мощных хребтов, – пишет В.Н.Скалон, – поднявшись, определила судьбу климата прилегающих с юга территорий, отгородив их от основных ветров и большинства осадков" (235, с.92; 236, с.22). Разумеется, это не могло не отразиться самым решительным образом на растительности и животном мире. При этом, указывает автор далее, абсолютная медленность поднятия хребта вовсе не обязательно должна была повлечь столь же медленное нарастание изменений климата и живой природы. Особенно резко сказаться на судьбе растений и животных поднятие хребта может тогда, когда оно достигнет высоты, могущей влиять на осадки. А для этого важны не первые сотни метров и даже километры поднятия, а верхние горизонты, достигнутые хребтом в последние тысячи лет процесса.

Большое влияние Саян и Хамар-Дабана на климат Приангарья, Забайкалья и Монголии бесспорно. Особенно отчетливо наблюдать это нам приходилось в период работы в Окинском аймаке Бурятии и в Тофаларии (автор работал в этих местах 5 лет). Достаточно указать на размещение зимних осадков в горах. Странствуя по Восточным Саянам, как и каждый другой, везде наблюдаешь тяжелые снеговые заносы северных склонов, которые иногда держатся все лето. В то же время южные склоны нередко бывают совершенно свободны от снега и служат прекрасными естественными пастбищами для скота и диких животных.

Влияние гор особенно должно сказаться на котловине великих озер Западной Монголии, которая оказалась за двойной стеной Саян и Тану-Ола. При этом крайне важно значение Тану-Ола, которое значительно выше и представляет собой как бы высокий вал с возвышающимися на нем высокими гольцами, среди которых аккумулируются осадки, скатываясь на север (70, с.410; 235, с.92).

Наконец, приведем слова Л.Гришиной: "Работы 1939–1943 годов позволили Сергею Владимировичу (Обручеву. – С.П.) создать новую

схему орографии этой горной территории, выяснить историю ее рельефа. Было установлено, что в мезозое (сто миллионов лет назад) на месте горного поднятия Восточного Саяна и Хамар-Дабана был спокойный рельеф и что горообразование началось лишь в неогене (20–25 миллионов лет назад). Поднятие области Восточного Саяна было частью общего подъема территорий Байкальской горной страны. Оно сопровождалось бурной вулканической деятельностью: по трещинам изливалась базальтовая лава. Базальтовые покровы существуют до сих пор на больших пространствах Восточного Саяна, Забайкалья и Северной Монголии" (68, с.56).

Таким образом, новейшее тектоническое поднятие южных хребтов Восточной Сибири повлекло за собой изменение климата Западной Монголии, быстрое расширение границ пустынь и степей и соответственное отступление здесь тайги. Это определило судьбу целого ряда видов растений и животных, в том числе домашних. На смену лесным животным приходят степные. Следствием изменения климата явились глубокие изменения и в хозяйстве человека тех времен. Так, под давлением климатических перемен претерпело резкое сокращение и передвинулось к северу исконное в южной Сибири и Западной Монголии оленеводство. Оно, как мы знаем, сменилось коневодческой формой хозяйства, но уцелело и ныне развивается в Саянах: Тофалария, Тоджа, Ока и Дархаты.

Наконец, рассмотрим еще один, совсем немаловажный вопрос. Констатируя историческое передвижение оленеводства на север, мы должны попытаться определить конкретные пути его следования из Саяно-Алтайского нагорья. Впервые этот вопрос наиболее полно осветил В.Н.Скалон, который пишет, что у Марко Поло есть известное упоминание о "равнине Баргу", лежащей на север от Алтая. Жители ее "занимаются скотоводством, много у них оленей, на оленях, скажу Вам, они ездят" (235, с.96). Вместе с А.Миддендорфом автор считает, что эти данные относятся к Барабинской степи, точнее – междуречью Оби, Иртыша и Енисея. В пользу своих взглядов он приводит два довода. Первый из них: "... в Западной Сибири дикий олень, экологически близкий домашнему своему родичу, нормально встречается к югу почти до Колывани. Во времена Миддендорфа они стадами выходили в пределы Барабинской степи. Восточнее Оби, по водоразделу с Енисеем, ареал равнинного северного оленя сливается с ареалом южной горной формы, распространенной в Восточном Алтае, Кузнецком Алатау и по всему Саянскому хребту" (235, с.97). Второй и главный довод, подтверждающий возможность обитания оленеводов в этих местах, основан на прошлом аборигенных племен Южной Сибири, которые стали лошадиниками, но до недавнего времени были оленеводами. В качестве примера приводятся камасинцы, остававшиеся оленеводами еще в начале XX в.

В.Н.Скалон предполагает, "что путь оленеводов с их прародины не был широк. Он, видимо, определялся сначала правобережьем Оби от водораздела с Енисеем, захватывая затем Томь и переходя отчасти на левый берег Оби. Интересно, что, следуя этим путем, мы примерно от широты Чулыма вступим в область бесконечных болот, характерных обширными ягельниками боров, и чем дальше к северу, тем меньше будет облесенная площадь. Между Вахом и верховьями Таза озерноболотистая страна оставляет лесу узкие полосы. А с севера лесотундра доходит до широт истоков Пура и системы озер Лозль-То, вероятно, южнее чем где бы то ни было" (235, с.101). Эти пространства, указывает автор далее, служат "воротами" для пролетных водоплавающих, песцов и тундровых волков. Ими в древности могли воспользоваться уходившие на север племена. Благо здесь повсюду был, как есть и сейчас, корм для оленей, и в этих условиях они оказывались недоступными для конных врагов, нажимавших на них с юга.

Основные положения В.Н.Скалона вполне согласуются с современными этнографическими данными, которые гласят, что отдельные самодийские этнические группы, овладевшие оленеводством, в I тысячелетии н.э. двинулись между Обью и Енисеем на север, в пределы лесотундры и тундры. Между Тазом и низовьями Енисея образовалось этническое ядро новой народности – энцев, позднее переместившихся на побережье Енисея. Самодийцы, распространившиеся по тундрам к западу от Енисея до Северного Урала и далее до низовьев Печоры и Мезени, положили начало европейским ненцам. В состав энцев влились перешедшие к оленеводству самоедизированные аборигены-охотники на дикого оленя, рыболовы и морские зверобои Крайнего Севера, говорившие на неизвестных языках (182, с.333). Новые исследования показывают общее сходство материальной культуры ненцев, селькупов, энцев, кетов (енисейцев), камасинцев, тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Так, например, В.И.Васильев пишет, что по способу летнего выпаса оленей современное оленеводство лесных энцев, лесных ненцев, селькупов, кетов и северных групп хантов и манси восходит по происхождению к самодийскому этническому пласту (47, с.75). В работе С.И.Вайнштейна устанавливается интересный факт сходства селькупских седел с вьючными седлами тофаларов и тувинцев-тоджинцев (38, с. 59–60). У М.Г.Левина находим: "Теория проникновения оленеводов-самоедов на север из более южных районов и связь их в прошлом с самодийскими таяжными племенами, в том числе камасинцами и остяко-самоедами, выдвинутая в свое время еще Кастреном, находит все более свое подтверждение и на материалах современных исследователей" (142, с. 104). Из преданий, в частности, известно, что остяки и ненцы верхнего Таза пришли с Кети с оленями (235, с.101). Подобные примеры можно преумножить, но и приведенные ясно показывают

связь и сходство оленеводства самодийских народов с саянским, что твердо говорит не только о единстве происхождения их, но и о конкретном пути следования оленеводов-самоедов на север.

Как мы видели, передвижение оленеводов на север датируется I тысячелетием н.э. Понятие весьма растяжимое и, на наш взгляд, не совсем точное по времени. Проникновение оленеводов-самодийцев в тундру В.Н.Чернецов датирует X в. н.э., а их широкое распространение по тундре на запад еще более поздним временем (258). Возможно, это близко к истине, но первое движение оленеводов на север началось, очевидно, еще до начала I тысячелетия н.э. Во всяком случае, оно должно было начаться до перемещения на север угорских племен, т.е. до начала н.э.

Как известно, предки хантов и манси некогда имели контакт со степным населением Южной Сибири, Зауралья и Казахстана. До последнего времени они оставались лошадиниками. Оленеводство восприняли у самоедов, и только на севере. Значит, они двигались вслед за оленеводами, которые должны были проникнуть на север до них, т.е. до начала н.э. В то же время мы знаем, что движение кетов, связанных с динликами, началось еще в V-IV вв. до н.э. Кеты восприняли оленеводство, но не все. А когда? Придя на новое место или у оленеводов, двинувшихся за ними? Ответить на это пока затруднительно, но не исключено, что они могли встретить оленеводство на своем новом месте.

Второй путь распространения оленеводства на север начинается из Забайкалья и связан с расселением эвенков. Интересно, что для районов расселения эвенков характерно известное сходство ландшафтов. Эвенки – обитатели тайги, в основном горной, раскинувшейся среди многочисленных хребтов, окаймляющих бассейны Лены и Амура, и по гористым пространствам между Енисеем и Леной. Для континентального климата этих таежных областей характерны продолжительная холодная зима и теплое лето. Мощность снегового покрова почти везде невелика. В эвенкийской тайге повсюду преобладают лиственничные леса с определенным составом основных охотничьих животных: белка, соболь, дикий северный олень, лось, кабарга, изюбр, чубук и др. В реках преобладают сиговые – хариус, нельма, голец, много так называемой черной рыбы – окуня, щуки и др. В реки бассейнов Охотского моря и Енисея проникают проходные лососевые (42, с. 703).

Западноэвенкийские племена, очевидно, получили оленей непосредственно из Саян. В прошлом, например, тофы имели широкий контакт с окинскими сойотами, которые ныне обурячены, но все еще продолжали содержать оленей. Последние, в свою очередь, поддерживали связь с тункинскими сойотами, ныне бесследно утратившими свой язык и былую форму хозяйства. Далее к юго-востоку древнее оленеводство

могло существовать в соседнем Закаменском районе. Во всяком случае, здесь в горах, точнее, в верховьях р. Снежная все еще обитают стада диких оленей. Любопытно, кстати, заметить, что в Закаменском р-не, так же как в Тункинском и Окинском р-нах, разводят яков. Можно полагать, что здесь, как и на Алтае, скреплялись исторические пути оленеводства и яководства. Наконец, как мы знаем, археологические находки в Забайкалье (в районе г. Кяхты), где обитали племена – предшественники современных бурят, показывают, что в первые века н.э. там существовало скотоводство, для которого характерно было разведение коров (яков), овец, коз, лошадей и домашних оленей. Таким образом, мы видим как бы цепную линию – остаток древнего оленеводства из Саян (возможно, даже Семиречья) до Забайкалья. Следовательно, именно в этих местах тунгусам проще всего было получить новую для них форму хозяйства – оленеводство. Тем более достоверные сведения китайских хроник, вероятнее всего, относятся именно к этим местам. В общем, вместе с В.Т. Богоразом мы считаем, что саянское оленеводство является исходным пунктом для всех путей, уводивших оленей стада вместе с пастухами с юга на север (24, 28).

2. Из этнической истории Центральной Азии

Итак, Азия – родина многих культур, в том числе и оленеводства. Поэтому нас не могут не интересовать история и возможные области расселения здесь древних оленеводов.

Кто были древние оленеводы? Можно ли, хотя бы предположительно, определить этническую принадлежность их? Кто их предки и потомки?

Самые ранние остатки человеческой культуры в Сибири относятся к верхнему палеолиту, о котором можно судить по находкам не менее 150 стоянок в верховьях Оби, Енисея и в местности вокруг Байкала. Палеолитическая культура Сибири развивалась в том же основном направлении, что и культура Монголии. Поэтому всю эту огромную территорию обитания древнего человека обычно называют сибирско-монгольской историко-культурной областью.

Существование оленеводства древности, как это показано выше, относится хронологически к весьма отдаленным временам, о которых документированные данные отсутствуют. Во всяком случае, древнее оленеводство уже существовало задолго еще до III в. до н.э. Первоначально оно возникло, очевидно, у таежных охотников и имело вьючно-племенными группами, нам известна очень плохо. И это неудивительно, ибо мы многое еще не знаем даже о племенах более позднего бронзового и раннежелезного века, о их этнической принадлежности. Как известно, довольно устойчивые этнические общности сложились лишь на рубеже I и II тысячелетий н.э. Но несомненным остается то, что жи-

тели Южной Сибири того времени не были палеоазиатами. Как предполагают, "некоторые западные и наиболее южные группы говорили на древних индоевропейских языках, другие, западносибирские группы, были причастны к этногенезу угорских племен, третьи, в восточных районах, имели отношение к народам алтайской языковой семьи" (182, с. 338).

Обзор доступной нам литературы (182, 214, 241 и др.) показывает, что одними из самых загадочных древних жителей остаются динлины. Восточные хроники говорят: "здесь жили люди высокие, белолицые, румяные, светловолосые и голубоглазые. Их зовут динлины". Но кто они были: кеты, угро-финны, самодийцы, иранцы? На это до сих пор наука ответить не может.

По китайским данным, родиной динлинов была южная окраина Гоби, откуда к концу V в. до н.э. их вытеснили китайцы. В это время началось первое переселение динлинов на север, в Маньчжурию, к Байкалу и к Алтае-Саянскому району. Археологические раскопки показывают, что в древнюю эпоху истории в Забайкалье жили два антропологических типа, еще не смешанные между собой, — короткоголовые и длинноголовые. Некоторые исследователи видят в первом типе жуэжуаней, во втором — динлинов. Найденные в могильниках кости животных свидетельствуют о развитии у них овцеводства, скотоводства и о наличии в хозяйстве лошадей и домашних оленей.

Динлины относились к могущественным и воинственным племенам. Имели широкое расселение. Еще в X в. белокурое племя встречалось среди китайцев, тунгусов, северных корейцев, в лесах Бийского и Кузнецкого уездов, среди енисейских остяков и т.д. Возможно, динлины и были одними из первых, кто принес в северные области южные хозяйства — коневодство и скотоводство. Динлины для нас интересны еще и тем, что они являются возможными предками племен усунь, бома и хягасы, которые некогда жили в Средней Азии, к северу от Китайской стены. Смешение динлинов с тюрками, как полагают, образовало уйгурский народ. В конце I тысячелетия до н.э. динлины кочевали по хакасским степям, имели очень сложный культ погребения. На могилах воздвигали высеченные из камня изображения покойного, что впоследствии восприняли от них тюрки. Ю.Д.Талько-Гринцевич переселение динлинов еще далее на север относит к концу IV в. н.э. (241, с.11). Однако Р.В.Николаев, говоря о связи между культурой динлинов и культурой кетов, относит ее к тагарско-таштыкской эпохе, т.е. примерно к IV в. до н.э. — I в. н.э. (167).

Не меньший интерес представляют восточные скифы, кечжи, или массагеты. Еще в III в. до н.э. они господствовали над кочевниками степей, простиравшихся от Средней Азии до Ганьсу, в том числе и над хуннами. Полагают, что ираноязычные кечжи могли владеть горным Алтаем значительно раньше III в. до н.э. Здесь могли на протяжении многих веков находиться кочевья одного из племен кечжи, основной

массив которых занимал области современного Казахстана и, вероятно, в какой-то мере восточного Туркестана. Из этого делается вывод, что изумительные сокровища Пазырских курганов оставлены восточными скифами-кечжи. С этим, очевидно, следует связывать любопытный факт: современные самодийские народности в своем языке имеют много слов иранского происхождения (217, с.14). Кечжи, вероятно, имели развитое коневодство, которое постепенно вытеснило оленеводство местных племен.

Наконец, нельзя не сказать еще раз о скифах "сака", упоминаемых в греческих источниках первой половины I тысячелетия до н.э. Мы знаем, что слово "сака" означает "олень". Это самоназвание скифов, но так называли себя не все скифы. Сака, как и кечжи, жили в Средней Азии. Очевидно, самоназвание их имеет позднее происхождение и относится к временам первой встречи и смешения кочевников-скифов с оленеводческими племенами Алтае-Саянской области. Весьма возможно, что это связано с тотемизмом — наиболее характерным признаком древней эпохи. Олень мог быть тотемом одного из родов древних оленеводов, впоследствии воспринятым скифами. Примеры подобного восприятия наблюдаются и в наше время. Так, группа оленьих эвенков Маньчжурии называется йэка, т.е. якут, так как предок их был якутом. Тотемами являлись как дикие, так и домашние животные. Среди монгольских племен, например, встречаются роды, носящие названия "шоно", что значит "волк", "буха-нойон", что в переводе дает "бык-господин", или "нохойн ураг" — "родня собаки" и т.д. Вообще самоназвание скифов "сака", возможно, имеет связь с культурой древних оленеводов.

Вслед за кечжи на исторической арене появились гунны (хунны). То были не народность, а различные племена, создавшие обширный военно-племенной союз в III-II вв. до н.э. на территории Монголии и Забайкалья. В начале II в. до н.э. хунны освободились от власти кечжи, а в 165 г. хуннский вождь шаньюй Лаошань нанес им сокрушительный удар и вытеснил их на запад. За 200 лет до н.э. гунны покорили динлинов. Этногенез племен, говоривших на древних алтайских языках, очевидно, связан с гуннами. Интересно, что известные из китайских источников слова гуннского языка обнаруживают, с одной стороны, близость к тюркским, с другой — к монгольским языкам. В подтверждение сказанного у Н.Н.Поппе находим, что предки гуннов, обитавшие на севере Китая, разводили лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов и ослов и что еще в III в. до н.э. гунны имели правильно организованное кочевание: каждый имел свою полосу, где и кочевал, выбирая самые богатые травой местности (214, с.425). Но наряду с тем была развита и охота. Так, народность сянь-би имела скотоводство и добывала соболей и хорьков. Подчеркиваем, что сянь-би гово-

рили на одном из тюркских языков и, по-видимому, жили в Забайкалье или Северной Маньчжурии. А вот жуан-жуаны относились к монгольской народности. Они платили дань лошадьми, соболями и куницами.

Народность кидане состояла из монгольских и тунгусских элементов и тоже занималась скотоводством и охотой. Так, в VII в. они доставляли китайскому двору дань лошадьми и соболями. Были и другие народности, вернее сказать, кочевые племена. Но для нас здесь интересно то, что в союз гуннов входили или по соседству с ними жили племена, говорившие на тюркском, монгольском и тунгусо-маньчжурском языках, еще не сложившиеся в устойчивую этническую общность. Все они имели развитое скотоводство, в то же время значительное внимание уделяли охоте. Можно полагать, что отдельные, разрозненные родоплеменные группы того времени находились на заре формирования будущих тюрков, монголов и тунгусов. В этой связи надлежит привести некоторые данные лингвистики, заимствуя их у Н.Н.Поппе.

При сопоставлении названий домашних животных по их виду, полу, возрасту и т.д. устанавливается, что все они в основном совпадают на монгольском, тюркском и тунгусском языках. Это говорит о едином их происхождении, но только не от какого-то общего праязыка, а на основании языкового скрещения в результате хозяйственных взаимоотношений. В то же время любопытно заметить, что основные термины, относящиеся к коневодству, имеют сходство на монгольском и тунгусском языках, но звучат по-иному на тюркском языке. А названия диких степных животных (антилопа, дикая лошадь, суслик и др.), наоборот, произносятся одинаково на монгольском и тюркском языках. Зато на всех указанных языках совершенно не совпадают названия диких лесных животных (медведь, лиса, волк, выдра, соболь, белка и т.д.). Все это свидетельствует не только о первоначальном этническом формировании народов, но и о далеком прошлом их хозяйственного уклада, во многом зависевшем в то время от природных и экономических изменений.

Под этим углом зрения посмотрим теперь на интересующие нас тунгусоязычные племена (сянь-би и кидани). О них мы уже говорили выше. Близким к киданям было племя хи, которое в начале VII в. н.э. занималось кочевым скотоводством. Исходя из приведенных данных лингвистики, можно установить, что часть племен, из которых сложились тунгусы, во всяком случае в первые века н.э., уже имела довольно развитое скотоводство, возникшее у них на исторической стадии, общей для монголов и тюрков. При этом предполагается, что коневодство начало появляться на такой стадии, которая являлась общей и для монголов и для тунгусов, т.е. на стадии раннего родового общества, характеризующегося раздробленностью монголов и тунгусов на мелкие племена и роды. Во всяком случае, коневодство жителям Центральной Азии

было знакомо давно. Об этом косвенно свидетельствует Великая Китайская стена, воздвигнутая в III в. до н.э. в защиту от набегов степных кочевников. Следовательно, скотоводство тунгусов, вернее племен, из которых они образовались, имеет связь с тюркским и монгольским скотоводством. "Скотоводство это является характерным для древнейшей центральноазиатской культуры и находилось в связи с южно-русской и западносибирской кочевой культурой, существовавшей еще в III-IV тысячелетиях до нашей эры" (214, с.432).

Таким образом, можно констатировать, что предки тунгусов, также как монголов и тюрков, являются исконными скотоводами, и прежде всего коневодами. Таковыми они остались и при передвижении на север. Например, забайкальских эвенков-скотоводов, так и не воспринявших оленеводство, называют мурчен, т.е. лошадине. Много эвенков-коневодов находится в Маньчжурии и Монголии. Считают, что к началу XX в. эвенков охотников-олeneводоов (вместе с эвенами) было около 31 500 человек, тогда как эвенков-коневодов и скотоводов более 45 500 человек (42, с.702).

Южное происхождение эвенков подтверждается и прошлым их названием "тунгус". Между прочим, так называют эвенков только якуты (тунгус) и ненцы (тунгто'с). Нивхи, орочи, ульчи, негидальцы, нанайцы так же, как и китайцы, зовут их киле или килин, а буряты и монголы — хамнеган. Сами себя они называют "эвенками", среди эвенков охотников-олeneводоов еще существовало самоназвание илэ — "человек". Как видно, эвенки нигде не называли себя "тунгус". Но тем не менее, ненцы знают их как тунгусов. Заметим, что обнаружена некоторая связь ненецких и монгольских слов. Например, ненецкое нохо — песец, халхинское нохой — собака. Или соответственно: тень — лисица и чоно — волк и т.д. Из этого можно предположить, что этноним "тунгус" имеет, видимо, очень древнее центральноазиатское происхождение, где некогда по соседству проживали предки самоедов, тунгусов и монголов. За это говорит и якутское название. Якуты, как и турки, знали эвенков давно, еще на территории Монголии. Весьма вероятно, что этноним "тонгус" ("тонгас"), как и этноним "карагас", "хагас", имеет тюркское начало. Более подробный разговор об эвенках пойдет далее.

Теперь о хягасах. По китайским летописям было выяснено, что народ, занимавшийся оленеводством, назывался "хягас" и по этногенезу относился к самоедским народностям, — пишет Г.И.Карев. — Появление народностей этой группы на Крайнем Севере относится к концу каменного века. Видимо, с тех пор они и связали свою судьбу с оленеводством. Корни этого типа оленеводства следует искать в пределах Саянского нагорья, где и зарождалась эта этническая группа народностей. Можно не без основания считать, что зачинателями

ненецкого оленеводства были хягасы" (120, с.45).

Но так ли прост этот вопрос?

По имеющимся погребальным маскам и китайским известиям древние хягасы были типичными европеоидами, и не исключено, что они находились в родстве с загадочными динлинами, проникшими на север в последние века до н.э. По одним источникам хягасы населяли Среднюю Азию, к северу от Китайской стены, по другим же — страной хягасов называют Минусинский край (176, с.77; 214, с.409). Возможно, они, как и динлины, переселились на север. Пока тут не все еще ясно. Точно лишь то, что в бассейне Енисея, выше Красноярска, в I тысячелетии н.э., вернее во время существования первого тюркского, а затем орхонского государства и сменившего последнее — уйгурского каганата, жили потомки хягасов — кыргызы, которые около начала н.э. смешались с тюрками (176; 214).

В Минусинской котловине, населенной хягасами-кыргызами, издревле занимались скотоводством. Так, археологические памятники свидетельствуют, что еще в период, переходный от камня к бронзе, здесь зародилось скотоводство. Наиболее ранние следы этой культуры относятся ко времени III и начала II тысячелетия до н.э. Обитатели Минусинского края по-прежнему занимались скотоводством и в таштыкское время (около I в. н.э.). Интересно, что здесь, точнее по р.Тубе, обнаружены следы древнейшего оленеводства. Отсюда невольно возникает вопрос: имеют ли эти следы отношение к хягасам? Кто же были хягасы — оленеводы или скотоводы? Или это бывшие оленеводы, впоследствии ставшие скотоводами? Пока достоверные данные на этот счет отсутствуют, гипотезировать же преждевременно.

В заключение должны заметить неосновательность утверждения Г.И.Карева относительно появления хягасов-самоедов на Крайнем Севере к концу каменного века и начала там оленеводства. Исторические сведения совершенно не согласуются с этим.

Тюрки. Первое тысячелетие н.э. в истории степных областей Сибири явилось временем возникновения и расцвета государственных образований тюркоязычных степных народностей. Возникший в середине VI в. тюркский каганат объединил различные племена Центральной Азии и восточной части Средней Азии, причем основным ядром его были алтайские тюрки (182, с.339; 216, с. 331). О пребывании тюрков на Алтае и верхнем Енисее в VII-VIII вв. н.э. свидетельствуют памятники орхон-енисейской письменности. Во времена тюркского владычества, очевидно, шло интенсивное смешение культур пришельцев-тюрков и аборигенных племен, обитавших в районе Саяно-Алтайского нагорья. При этом часть местных племен была ассимилирована пришельцами, часть сохранила этническую и культурную самобытность, а часть продвинулась в другие места, унеся с собой исконную культуру.

Орхон-енисейские памятники и китайские летописи позволяют уточнить этнический состав тюркоязычного населения Алтая в период VII-X вв., когда становятся известными такие тюркоязычные народности и племена, как кипчаки, телесы, тюргеши, туба и др. В этот период происходила сильная тюркизация языка самодийско- и кетоязычных племен и родовых групп, обитавших в северной части Саяно-Алтайского нагорья, закончившаяся лишь в XIII в. (182, с.333; 216, с.331). Тюркизованными потомками угорских, самодийско- и кетоязычных аборигенов являются современные шорцы. В преданиях шорцев, например, говорится о том, что в состав их вошел небольшой народец чот, в котором узнается самодийскоязычная родо-племенная группа чода. На связь шорцев с селькупам указывают некоторые этнографические данные. Сейчас не вызывает сомнения общность некоторых этнических элементов кетов и шорцев. Так, еще недавно кеты почитали божество Мать-Томь, а в верховьях р.Томи кетскую топонимику до сих пор хранят шорцы. В прошлом кетоязычными были арины, котты и асаны. В составе кетов обнаруживается южный этнический элемент, ведущий, как полагают, начало от древних динлинов тагарской и таштыкской эпох (167; 212, с.688; 216, с.494). Таким образом, в последних веках до н.э. кеты, теснимые с юга, по-видимому, продвинулись вниз по Енисею и занимались там рыболовством и охотой. Из домашних животных они имели собак и, возможно, оленей.

Антропологические материалы показывают также общность физического типа шорцев, хантов и манси (216, с.493). Как известно, около начала н.э. угорские племена стали передвигаться вниз по Оби вплоть до ее устья, ассимилируя при этом более древнее оседло-рыболовецкое местное население. В материальной культуре нижнеобских хантов до сих пор прослеживаются эти аборигенные элементы (182, с. 340).

Особенно велико влияние тюрков на оленеводческие племена, которые были тюркизованы не только по языку, но и по форме хозяйства и укладу жизни. Некоторые из них вытеснены на север, другие — растворились бесследно, а третьи, восприняв тюркский язык, сохранили свою культурную самобытность.

Саяно-Алтайское нагорье прежде населяло много самодийских родо-племенных групп. Восточные тувинцы, например, и сейчас строго различают себя по принадлежности к родовым группам. Среди них находятся роды Дарган, Даргалар, Демчи, Кара-Соян, Кара-Тодут, Ак-Тодут, Тодут, Саарыг, Кезек-Куулар, Кезек-Маады, Кыштаг, Маады, Урат, Хаазыт Хойюк, Шадык, Шопар, Чогду, Чооду, Балыкчы, Кара-Иргит, Сарыг-Иргит, Хэртэк, Хоскан и др. (37). Многие из них, безусловно, самодийские родовые группы. Возьмем, к примеру, Соянов. В прошлом это широко распространенное племя. Они встречались на Алтае, в Саянах, их знали монголы, которые и называли Саянские горы по их племенному имени.

В легенде Соянов говорится о их происхождении от брака женщины с медведем и самостоятельном приручении оленей. Все это свидетельствует о глубокой древности и самобытности культуры Соянов.

Среди тофаларов сейчас известны пять родов (Каш, Сарыг-Каш, Чогду, Кара-Чогду и Чептей). Однако в нашей беседе старики-тофы Бухтурбаев И.Д. (110 лет), Кангараева Е.М. (70 лет), Мухаева А.А. и другие сообщили, что в старину имелись еще два рода: Хазут и Хамаши. Хазут, как любезно сообщил мне профессор Л.П.Потапов, относится к тувинскому роду. Хасутский хошун появился в середине XVIII в. после завоевания Тувы Китаем. На востоке Тофаларии представители рода Хазут давно растворились среди бурят, но еще встречаются в Туве и у дархат. Хамаши – это те же калмаки, или камасинцы, у которых еще в 1847 г. побывал Кастрен, а в 1926 г. – Тугаринов (246). То были последние представители самодийцев в Саянах, которые от кочевого образа жизни перешли к оседлому и отошли от оленеводства. По этому поводу А.Я.Тугаринов писал: "Оленей отпустили в тайгу. (Как это трогательно, именно отпустили, дали свободу, когда сами прикрепились к земле). Последняя семья перестала кочевать около 30 лет назад" (246, с.84). Среди последних саянских самодийцев названный автор встретил стариков, которые еще хорошо знали свой родной язык. Например, по-хамасински слово "то" значило олень, "конзан" – оленье верховое седло, "маа" – чум, "сензада" – очаг в чуме, "орга-па" – палки, вернее, шести для чума, "кубай маа" – зимний чум, "ссят" – оленье молоко и т.д. Многие из этих слов звучат так же в современном ненецком языке. Все это в общем наглядно свидетельствует о первоначальном возникновении ненецкого оленеводства в Саяно-Алтайской области.

Тофалары – отуреченные самодийцы. В их состав, кроме представителей племени Хамаши, входили Чогду. Некогда это также широко распространенная самодийскоязычная родо-племенная группа, которая впоследствии вошла в состав не только тофаларов, но и северо-восточных тувинцев, кумандинцев, тубаларов и т.д. В прошлом Чогду жили на западе по р.Мрассе, а на востоке кочевали по соседству с окинскими бурятами, которые знали их как народ Зугда.

Как полагают, этногенез тофаларов и восточных тувинцев связан с тюркским племенем Дубо, в середине VII в. населявшим таежную восточносаянскую область. Согласно китайским летописям, дубо имели лошадей, но ни скотоводством, ни земледелием не занимались (216, с. 422).

Можно не без основания считать, что тофалары и восточные тувинцы представляют сейчас тюркизированных потомков древних оленеводов, некогда распадавшихся на многочисленные различные родо-племенные группы. Последние группы самодийцев – модоры, койбалы, кама-

синцы, карагасы, каракосинцы, урянхайцы и др. – были тюркизированы в XVIII–XIX вв.

В заключение можно сказать, что область формирования самодийских племен лежала именно в Саянах, где ни одно из чисто тюркских племен никогда оленеводством не занималось. Эту форму хозяйства мы находим исключительно только у племен, родственных самоедам. Таким образом, мы вместе с А.Н.Максимовым приходим к выводу, "что оленеводство – общее культурное достояние всего самоедского племени, приобретенное им еще в ту пору, когда оно представляло одно целое, и разбившееся на две ветви – северную и южную и приобретенное на прежних местах совместного жительства в области Саянских гор" (147). Первоначально тип оленеводства самоедов и тунгусов был одним и тем же.

3. Народы Севера: их история и оленеводство

На территории Советского Союза оленеводством в той или иной мере занимаются свыше 20 малочисленных народов Севера. Каковы же исторические судьбы этих народов? Какое хозяйство им было свойственно в прошлом? Когда и как возникло у них оленеводство?

Тофалары, или тофы (в прошлом карагасы), тувинцы (в дореволюционной литературе – урянхайцы) и дархаты (МНР). Тофы – ныне небольшая этнографическая группа, составившаяся из представителей разных тюркских, коттовских и самоедских племен. Занимают таежные пространства северного склона Восточных Саян. Общностью происхождения и языка тофалары связаны с тувинцами. Например, язык тоджинских сойот близок к тофаларскому так, что тофа и тоджинец свободно понимают друг друга.

Происхождение тофаларов загадочно. Народ не имеет письменности, не сохранились рассказы о его происхождении и прошлой жизни. Одни ученые считают их турками, вторые – отуреченными самоедами. Как известно, П.С.Паллас в 1771–1772 гг. застал у некоторых северных родов тофов самодийский язык. Он писал: "всех достопамятнее каракосинский род, который только что из 22 мужчин состоит, однако так же, как койбальский и моторский, удержал самоедский язык, хотя и немного перемешан" (187). К.Риттер, перечислив четыре рода тофов, говорит, что тофы = камчатцы принадлежат к тюркскому племени, а три другие, вероятно, к остаткам самоедских племен (224). За отатарившихся самоедов или за смешавшихся с самоедами каманцев считает тофаларов Кастрен (122). К этому мнению присоединяется и Радлов, указывающий на влияние "тюркской стихии", состоявшей в близком родстве с сойотской или якутской, на язык тофаларов (274). Н.Ф.Катанов считает тофаларов и танну-тувинцев за одно племя или, по крайней мере, за остаток одного народа, ибо они одинаково называют себя "туба" и

название весьма близко между собой (123). По мнению Б.Чудинова, посетившего Тофаларию в 1928 г., оставшиеся пять родов тофаларов по происхождению относятся к тюркам (261). Что касается исчезнувших родов, то допускается, что они были отуреченные самоеды, впоследствии растворившиеся среди русских и бурят. При этом полагается, что оленеводство к тофаларам проникло с севера от самоедов – ныне ненцев. Здесь следует заметить, что наш материал (уже изложенный и излагаемый далее) позволяет такое мнение Б.Чудинова считать ошибочным.

Тофалары, по замечанию Ф.Корша, "донашивают языковые предания вымершей восточной группы турецких народов". Язык тофаларов он считает близким к языку орхонских надписей, уйгурскому, чагатайскому, половецкому и койбальскому (130). "... Карагасы представляют собой не народ в полном смысле этого слова, а осколок или остаток некогда существовавшего народа", – пишет Б.Э.Петри (196). Далее, отвечая на вопрос, когда произошло превращение целого народа в "народ-осколок", автор констатирует, что русские, придя в Присаянье (в 1364 г.), застали тофов уже в состоянии, близком к современному, следовательно, их уменьшение произошло задолго до покорения Сибири. До прихода русских тофалары находились под сильным влиянием монголов и платили ясак Алтын-хану.

Как видно, формирование тофаларов – сложный процесс, в котором участвовали различные народы, но в основном тюрки и самоеды. В подтверждение еще можно привести такую весьма интересную деталь: в сказках тофов говорится, что роды Каш и Чогду сделаны из одной земли, а род Чептей прикочевал от трех морей; или отцом родов Каш и Чогду был медведь, а род Чептей, будучи в поисках охотничьих угодий, прикочевал к ним. Кстати, Н.Ф.Катанов предполагает, что род Чептей пришел из Монголии (123). Подобные предания ценны тем, что в них сохраняются следы далекого прошлого. Можно полагать, что сюжет их относится ко времени, когда у тофов род был материнским.

Итак, тофалары – народ древний. Очевидно, древним было у них и оленеводство. "Карагасы, вероятно, являются древнейшими оленеводами", – единодушно считают В.Г.Богораз (24, с.42) и В.Н.Скалон (235, с.98). В этой связи интересно подчеркнуть, что все раскопки, писаницы и памятники о древнем оленеводстве найдены в давно предполагаемой Саяно-Алтайской области, где некогда обитали предки тофов. Отсюда тофаларское оленеводство вправе считаться древнейшей формой хозяйства. В.Г.Богораз писал: "Карагасы зачинатели на юге культуры последующего типа, отсюда распространившейся на север". И далее: "Вместе с Лауфером я предполагаю, что именно отсюда вышло оленеводство" (24, с. 44).

О древности оленеводства у тофов писал и Б.Э.Петри: "Карагасский олень испокон века живет в прирученном состоянии у карагас...

олeneводство – исконная основа карагасского хозяйства" (195, с.5). Объясняя наличие так называемых оленьих камней в Западной Монголии, В.Н.Скалон приходит к выводу, что "современное оленеводство – лишь осколок обширного монголо-южносибирского оленеводства древности" (235, с. 98).

Материал об оленеводстве в Тофаларии указывает на самобытность происхождения оленеводства у тофов, что, в свою очередь, так же подтверждает его древность. Любопытна в этом отношении легенда о происхождении домашнего оленя, записанная проф. Б.Э.Петри в местности Ключ Арсаной на р.Бирюсе со слов тофалара А.Е.Тулаева, который в присутствии других стариков рассказал следующее: Один карагас ходил и искал, на чем ехать промышлять. Давно это было. У карагаса и оленей тогда своих не было. Встретился ему человек. "Что ищешь?" – "Ищу, на чем бы ехать промышлять". – "Иди на зеленый мыс на вершину Уды, там ходят два оленя. Белый и черный ходят. Белого я поймал – он смиренный, а черного не поймал – дикий. Я белого пустил – мне не надо. Бери его, у тебя скот будет". Карагас пошел и поймал. От этого белого оленя все карагасские олени пошли. С тех пор у нас олени завелись". Как отмечает Б.Э.Петри, эта легенда говорит, что оленеводство тофов не позаимствовано от какого-либо другого народа, а самобытно (195).

Наконец, о древности тофаларского оленеводства говорит и создание тофаларской породы оленей, ибо в условиях прошлой специфики оленеводства формирование породы, безусловно, должно было занимать относительно длительное время, начиная от стадии приручения и одомашнивания и кончая созданием одной из крупных и сильных в мире породы оленей, хорошо приспособленной к местным природным и хозяйственным условиям.

Таким образом, все исследователи, занимавшиеся вопросами происхождения оленеводства, вполне согласно склоняются к мнению, что оленеводство у тофов – явление древнее и что олень одомашнен здесь самостоятельно.

Основная масса тувинцев расселена на территории Тувы. Язык – тувинский, относится к тюркской группе. Древнейшие периоды истории Тувы пока не изучены, еще не выявлены и не исследованы ее археологические памятники. Из предварительных обследований, однако, известно, что по внешнему виду археологические памятники Тувы весьма сходны с алтайскими. В то же время они резко отличаются от таковых, находящихся в Минусинской котловине. Тувы и Хакасия обильно обнаруженные на их территории древнетюркские (енисейские) рунические надписи на камнях и наскальные изображения (216).

С конца I тысячелетия до н.э. до II в. н.э. на территории Тувы господствовали гунны, а во II–VI вв. – племенные союзы саньби и жу-

хане. Затем до середины IX в. Тува входила в состав Тюркского и Уйгурского каганатов, в IX–XIII вв. подчинялась енисейским кыргызам и киданям. С XIII в. до середины XVII в. Тува находилась под властью монголов, а с 1757 г. по 1912 г. входила в состав Китая. В 1914 г. по просьбе Тувы она была принята под протекторат России. В 1944 г. Тува принята в состав СССР на правах автономной области, в 1961 г. преобразована в автономную республику. Такова краткая история Тувы, наложившая свой отпечаток на этногенез тувинцев.

Тувинцы образовались из тюркоязычных, частично монголо-самодийско- и кетоязычных (северо-восточные тувинцы) этнических элементов. Среди тувинцев имеются потомки населения, относившегося в прошлом к самодийским группам Модор и Койбал, к кетоязычному роду Кель и монголоязычным Тумат, Мунгат и т.д. В их состав вошли некоторые тюркоязычные родо-племенные группы, известные по китайским летописным хроникам первых веков н.э. и памятникам орхоненисейских надписей на камнях VII–VIII вв. (216, с.421).

Родственные тувинцам тофалары делят их на две категории: лесные сойоты, или тоджинцы, и сойоты скотские, т.е. живущие в степях и занимающиеся животноводством. В современной литературе население таежных районов восточной Тувы (Тоджинский и Терехольский) известно под названием восточные тувинцы, или тоджинцы. В хозяйственном отношении они делятся на оленеводов и скотоводов. "В культуре обеих групп восточных тувинцев тесно переплетаются черты, восходящие к культуре таежных охотников Северной Сибири и степных скотоводов Центральной Азии" (37, с.80).

В литературе очень мало сведений об оленных тувинцах. "Такое в высшей степени интересное явление, как оленеводство на южных склонах Саянского хребта, – писал в 1827 г. П.Островских, – совсем почти не отмечено в литературе" (183, с.79). Правда, – продолжает автор, – англичанин Дуглас Каррутерс (1910 г.) упоминает своих предшественников (писавших предположительно или прямо об этих загадочных оленеводах): Вильям Рубрук (1255 г.), персидский историк Рашид-эд-Дин, англичанин Ричард Эден (1555), Марко Поло, Крылов – ботаник (1892 г.), Островских (1897 г.), Павел Шалон (1904 г.). Но только сам Каррутерс поднялся в вершины Саянского хребта (6–7 тыс. фут) и увидел на месте огромные оленные стада этого оторванного от остального мира загадочного народа.

Рашид-эд-Дин, упоминая про племя урянхитов, указывал, что оно около XII в. не знало никакого иного скота, кроме горных быков и сайги, имея в виду, очевидно, яков и домашних оленей (цит. по: Н.Н.Поппе, 1936).

Не менее достоверным свидетельством существования оленеводства у тувинцев является донесение посланцев русского государства,

побывавших у Алтан-хана в 1616 г. Так, посол Василий Тименц сообщал про жителей Саянской земли: "А ездят на оленях и на конях". Послы, между прочим, писали также и о племени саянов, разводивших оленей. "Саяны кочевали в XVII в. вместе с точами (тоджинцы) по склонам Саянских гор и появлялись даже на Алтае. В настоящее время потомки их находятся в составе тувинцев, и некоторые из них (Терехольский р-он) помнят свою былую родо-племенную принадлежность. Они до сего времени частично занимаются оленеводством" (216, с.420–421). Будучи в Туве С.П.Вайнштейн записал интересное и, очевидно, весьма древнее предание о происхождении соянов, согласно которому они произошли от брака женщины и медведя, потомство их жило в пещере Соксол по р.Мургун в Монголии. Постепенно число соянов увеличилось, и они перешли в урочище Амнай-Холь по р.Тесь, затем численность их столь возросла, что часть их ушла в лес, где приручила оленей, а часть широко расселилась в степях (37, с. 81).

В этой связи здесь интересно привести личное письменное сообщение мне профессора Ринчен (МНР), что сойон и сойод (в единственном и множественном числе) – это монгольское название тюркского народа туба, которых сейчас по-русски называют тувинцами. В русском языке из сойод получилось сойот. Монгольское сойон в русском дало Саяны, так как по-монгольски эти горы называют сойон уула, сойонские горы, т.е. горы сойотов. Тофаларов, тувинцев и сойотов надо считать говорящими на очень близких диалектах некогда единого кочевого лесного народа тува (тоба, туба, тофа), который когда-то назывался тоба и сведения о котором хранят китайские старинные летописи. Далее заметим, что согласно имеющимся этнографическим материалам в середине VII в. в северо-восточной, таежной части Тувы жило племя Дубо, разделявшееся на три аймака. Этноним этого племени отразился в наименованиях Туба, Тоба или Тува. Китайская летопись сообщает, что Дубо "жили в шалахах из травы, ни скотоводства, ни земледелия не имели. У них много саран: собирали ее корни и готовили из нее кашу. Ловили рыбу, птиц и зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи платья, а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные корни. Покойников клали в гробы, которые ставили в горах или привязывали на деревьях ..." (цит. по: Л.Потапов. – 216, с.422).

Как видно, этногенез тувинцев связан с различными народами, предки которых занимались оленеводством, коневодством, скотоводством и т.д. При этом происходило слияние одного народа с другим, усвоение его языка и обычаев, замена одной формы другой и т.п. Так, заключительный этап тюркизации самодийскоязычного населения Саян протекал на глазах исследователей, а переход некоторых скотоводче-

ских групп тувинцев к оленеводству еще и поныне живет в памяти народа и сохранился в его преданиях. Об этом же свидетельствует существование родо-племенных групп (Соаян, Чогду), одна часть которых до недавнего времени занималась скотоводством, а другая – оленеводством (38).

Таким образом, оленеводство у тувинцев-тоджинцев, как и у родственных им тофаларов, относится к старинной культуре и вместе с тофаларским оленеводством представляет остатки оленеводства древности вьючно-верхового направления.

В заключение коротко заметим об оленеводстве окинских сойот и Дархат (МНР). Сойоты, проживающие в Окинском аймаке Бурятской АССР, ныне обурятились, перешли к занятию скотоводством. По преданию, окинские сойоты принадлежат к тюркскому племени и вышли из Урянхайской группы (165, с.114). Впервые оленеводство у окинских сойот подробно описано в 1929 г. П.Г.Полторацким, который уже тогда, между прочим, заметил окончательное обурячивание сойотов и их переход от оленеводства к скотоводству. По данным автора, на 61 хозяйство сойот в 1917 г. приходилось 242 оленя, а в 1926 г. из них осталось всего 125 голов, т.е. за девять лет поголовье оленей сократилось почти наполовину. В то же время в хозяйствах уже имелось 2165 голов скота (201).

В 1943 г. в колхозах Окинского аймака насчитывалось 567 голов оленей (максимальный показатель), затем наблюдалось постепенное сокращение их. В 1962 г. в аймаке оставалось всего 64 оленя.

Оленеводство дархат (Монгольская Народная Республика). Как любезно заметил мне профессор Ринчен, исторически дархаты не относятся к оленеводам. На их территории в лесах Прикосоголья обитают тюркоязычные роды уйгуров-оленевонов, говорящих на языке туба. По мнению профессора, это значит, что оленеводство тофаларов, тувинцев и монгольских уйгуров одинаково по происхождению.

Ныне оленеводство дархат развивается в двух колхозах, где в 1963 г. насчитывалось 640 оленей. Некоторые сведения об этой отрасли местных хозяйств даны в ряде брошюр и статей, опубликованных на монгольском языке (270, 271). Из них наиболее содержательна и интересна книга С.Бадамхатана "Ховсголийн цаатан ардын аж байдлын тойм" (Улаанбаатар, 1962).

Ненцы, нганасаны, энцы и другие народности Северной Сибири. 30 тыс. ненцев расселены на обширной территории от Белого моря (на середину 1983 г.) до Енисея, которая охватывает три автономных округа: Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Таймырский, небольшое число ненцев живет в Ханты-Мансийском округе, в Коми АССР и в Мурманской обл. Это одна из самых крупных народностей самодийской группы.

В литературе Страленберг, Д.В.Еубрих и А.П.Дульзон полагают западное происхождение ненцев и считают, что их передвижение шло не от Саян по Енисею и дальше на Запад, а в обратном направлении (255, с.33).

Однако большинство исследователей, в том числе и М.А.Кастрен, выдвигают теорию саянского происхождения ненцев. При этом предполагается родство ненцев, энцев, нганасанов и селькупов с маторами (койбалы), камасинцами, тофами и др., которые еще 150–200 лет назад говорили в Саянах на самодийских языках. В результате длительного влияния тюркоязычных народов племени эти восприняли тюркский язык. Только камасинцы еще в 1921–1925 гг. сохраняли самодийский язык (222, с.610).

"В проблеме этногенеза ненцев и других самодийских народностей, – пишет Л.В.Хомич, – остается много нерешенных вопросов, однако факт прихода предков современных самодийских народностей, в том числе ненцев, в I тысячелетии н.э. с Саянского нагорья нам представляется бесспорным" (255, с.41).

Но если можно дать довольно определенный ответ по истории ненцев, то в плане решения проблемы происхождения у них оленеводства многое остается еще неясным. Первые письменные сведения о ненцах относятся к 1096 г., где ясно указывается, что они ездят на упряжных оленях и питаются оленьим мясом (55, с.64; 61, с.24). Правда, по сведениям, полученным Г.Д.Вербовым, в начале нашего века были живы старики, помнившие верховую езду на оленях в районе верховьев р.Пур (55, с.64). Однако некоторые авторы, например А.М.Золотарев и М.Г.Левин, пишут, что у ненцев еще в начале XV в. не было оленей, что это бывшие оседлые прибрежные охотники, рыболовы (109). Названные авторы в подтверждение своих положений показывают, что еще в XV–XVI вв. у остяков собака была единственным транспортным животным и что доселе у некоторых остяко-самоедов почти нет оленей.

В этой связи возникает вопрос: кем были предки ненцев в момент появления на севере – оленеводами или собаководами? Для правильного ответа предварительно рассмотрим следующие исторические факты.

Хотя предки ненцев, вернее северных самодийцев, пришли с юга, в их материальной культуре и языке наблюдались черты, отсутствующие у южных, саянских самодийских групп. Эти особенные черты, специфические для населения полярной зоны, в частности для древних морских зверобоев, появились у современных самодийских народов, как полагают, в результате смешения их саянских предков с древнейшими насельниками полярной зоны, которых они застали здесь. "В эскимосском, чукотском и корякском языках, – пишет Е.Д.Прокофьева, – существуют слова, совпадающие с соответствующими терминами современного ненецкого языка, относящиеся к той части словаря, которая ох-

взывает характерные только для полярной зоны явления. Так, нерпа по-ненецки — няк, а по-эскимосски нэ-сак, полярная куропатка по-ненецки хабэвко, по-чукотски хабэв, передняя часть малицы, ниже капюшона, по-ненецки луху, по-нганасански лу, а по-корякски лху" (222, с.611). Эти и другие сопоставления, продолжает Е.Д.Прокофьева, позволяют предполагать, что современные северо-восточные палеоазиатские народности были тоже связаны с досамодийским населением северо-западной Сибири. Обнаруженные здесь остатки землянок согласуются с данными ненецкого фольклора, упоминающего о подземных жилищах каких-то аборигенов.

Продолжая сказанное, Е.Хелимский пишет: "В русском фольклоре сохранилось воспоминание о чуди-народе, который до прихода русских населял север страны, а затем таинственным образом исчез под землей ... Буквально то же самое рассказывают ненцы о прежних обитателях тундры у побережья Карского моря, которых они называют сихиртя. Низкорослые, не знавшие оленеводства сихиртя, опасаясь ненцев, ушли под землю" (254, с.26).

Таким образом, можно полагать, что современные ненцы образовались в результате смещения аборигенного населения северо-западной Сибири с выходцами из Саян — предками самодийцев. Аборигены, живя в землянках, вели оседлый образ жизни, занимались охотой и ездовым собаководством, сохранившимися местами до XV-XVI вв. Например, о существовании упряжного собаководства у племен, населявших низовья Оби в эпоху Усть-Полуйской культуры (около IV в. до н.э.), свидетельствуют археологические данные (164, с. 84-86).

Основой быта аборигенов был по преимуществу морской зверобойный промысел, поскольку, по многим данным, эта часть побережья была богата моржами и китами. Очень рано, видимо в X-XI вв., произошло распадение этой оседлости и смещение аборигенов-собаководов с оленеводами-пришельцами с юга. "Угасание собаководной культуры, скорее всего, нужно в данном случае связать с глубокими переменами, которые потерпела морская фауна этой части океана: иссякли запасы моржей, прекратились заходы китов, даже белухи перестали в значительных массах посещать побережья. Это, конечно, не было следствием промысла (абсолютно ничтожного), а скорее изменений морского дна, претерпевающего, как известно, в этом участке вековое поднятие" (237, с.301-302).

Предки же северных самодийцев пришли из Саян давно сложившимися оленеводами. Аборигенное население постепенно было ассимилировано, победил самодийский язык, а оленеводство вытеснило собаководство с последующим изменением всего уклада местной жизни.

Из сказанного можно сделать заключение, что оленеводы — предки самодийцев — двинулись на север гораздо раньше XI в., но оленеводство длительное время не могло совсем вытеснить ездовое собако-

водство, которое кое-где сохраняется и поныне. Очевидно, аборигенное население имело хорошо обоснованное охотничье-рыболовное хозяйство и развитое транспортное собаководство, которые могли продолжительное время противостоять хозяйственному нововведению — оленеводству. Процесс этот, связанный с естественно-историческими причинами, был длительным. К тому же самоеды-переселенцы имели вьючное верховое оленеводство, которое лишь впоследствии, на основе ездового собаководства, развилось в особый упряжной тип оленеводства, свойственный современным ненцам. Это представляется нам историческим процессом, который по своей продолжительности продолжался веками.

Подтверждение тому находим у В.А.Могильникова, который указывает, что самодийцы переселялись в более северные районы тайги и тундры несколькими волнами. Их первые группы могли проникнуть на Нижнюю Обь еще на рубеже нашей эры. Более надежны данные о том, что одна из ранних волн самодийцев достигла тундры в конце I тысячелетия н.э. под давлением тюрков, вытеснивших их из Нарымского, Среднего и Верхнего лесного Приобья (158, с.180; 159, с.184; 160, с.174-177).

Постепенно, перенимая оленеводческий быт, аборигены вынуждены были отказаться от собаководства, и оно медленно угасло. От бывшего мощного, совершенного ездового собаководства ныне остались лишь отдельные мелкие очажки.

Итак, на северо-запад Сибири самодийское оленеводство проникло с юга, очевидно, значительно раньше XI в. "Современные самодийские народы, — пишет Е.Д.Прокофьева, — сложились, как показали работы советских исследователей, в результате длительных и сложных связей аборигенного населения севера с самодийскими по языку племенами, распространившимися на эти территории из области Саянского нагорья в первые века нашей эры" (222, с.665). Однако по многим причинам оно долгое время не получало здесь повсеместного расселения. Например, на Ямал, по преданиям, самоеды-оленеводы пришли впервые лет 120-150 назад. Лишь с XIX в. они начали заселять полуостров Кольский, остров Колгуев и т.д. Дополнительные сведения о ненцах, подкрепляющие изложенное, будут приведены далее.

Нганасанов насчитывается немногим более 700 человек, и живут они в центре Таймыра. Это самый северный народ Советского Союза. Прежде нганасаны обитали несколько южнее — на Хете и за Хатангой. С приходом в XVII в. долган они продвинулись на Север. Русские впервые встретились с нганасанами в 1618 г. (212, с.648-649).

Согласно исследованиям Б.О.Долгих, древнее население бассейнов Хатанги и Анабара еще до прихода русских в Сибирь перешло на тунгусский язык и уже как тунгусоязычная группа затем освоила бассейн р.Таймыра. Эта группа пришла впоследствии в соприкосновение

с самоедами и образовала племена, усвоившие самодийский язык. "У нас есть все основания, — утверждает Б.О.Долгих, — предполагать, что предки нганасанов не пришли с Саян в качестве самоедоязычного народа, а лишь усвоили самоедский язык и элементы самоедской культуры, находясь уже на Крайнем Севере" (95). В преданиях нганасанов упоминается, что у их далеких предков были полуподземные конические жилища из дерева и земли (212).

Как видно, этническое ядро нганасан составляют потомки древних аборигенов, в свое время ассимилированных эвенками и ненцами.

Из сказанного следует, что тунгусы и самоеды — исконные оленеводы, а аборигенное древнее население Севера — оседлые охотники. Следовательно, оленеводство у нганасан является преемственным от тунгусов и самоедов. Это подтверждают некоторые предания, согласно которым в старину у нганасанов было очень мало оленей. Наблюдалось это, очевидно, в период начала заимствования оленеводства у тунгусов. Большинство нганасанов тогда передвигалось пешком, причем люди иногда сами впрягались в нарты. К середине XIX в. нганасаны стали самыми крупными оленеводами Таймырского края. Приемы и техника оленеводства у них в основном ненецкого типа (212, с.650).

Энцы (хантайские и енисейские самоеды) населяют восточные районы территории, занимаемой самодийскими народами. Еще в первой половине XVII в. они жили на реках Таз, Турухан и в низовьях Енисея (96, с.661), откуда в конце XVII и начале XVIII в. были вытеснены селькупам, кетам и ненцами за Енисей (на правобережье).

Хозяйственный уклад, материальная культура, а в прошлом и социальный строй энцев был весьма схож с нганасанским. Язык энцев близок к ненецкому языку, но по своему звуковому составу он приближается к языку нганасан. Основу хозяйства энцев составляла охота на диких оленей, позже — оленеводство общесамодийского типа, имевшее главным образом транспортное значение. Полагают, что в свое время энцы использовали оленей под вьюк и верховую езду (94, с.109). При этом лесные энцы и лесные ненцы имели единый уклад хозяйственной жизни, в частности одинаковый тип вьючного оленеводства. Затем энцы повсеместно перешли на упряжной ненецкий способ езды на оленях (47, с. 72-75).

Селькупы (остяко-самоеды), как и остальные народы самодийской языковой группы, сложились в результате длительных и сложных связей аборигенного населения Севера с самодийскими по языку племенами, распространившимися в первые века н.э. на территории Обь-Енисейского междуречья из области Саянского нагорья (222, с. 665). В этом отношении весьма интересным является пример лингвистов, которые установили, что селькупы имеют в своем языке много слов иранского происхождения (217). Это свидетельствует о том, что народ, живущий

теперь на далеком Севере, раньше обитал где-то на юге по соседству с иранцами. Подтверждением тому могут служить религиозные, шаманские церемонии, центральным моментом которых считалось путешествие на юг, в страну, "где светят семь солнц, где камень до неба достает". Эту дорогу шаман совершал, будто бы, на олене, из кожи которого сделан был "оживляемый" бубен. В этой церемонии нашли свое отражение представления, связанные с конкретной историей селькупов. Взятая в целом церемония может рассматриваться как образ почитания южных предков селькупов, живших в высокогорной стране, на Саянах (219).

Следы же проживания аборигенных племен — предков современных селькупов — можно и поныне видеть во многих местах нынешней селькупской территории, например по рекам Тым, Кеть, Парабель. По берегам этих рек имеется много следов старинных землянок (карамо).

Наряду с самоедскими элементами селькупы в своей культуре заимствовали элементы культуры кетов, угров и тунгусов. Основным их занятием являлись охота и рыболовство. Оленеводство было известно только северным селькупам, у которых оно имело транспортное значение. У южных нарымских селькупов ездовыми животными служили собаки. Е на оленях в санной упряжке селькупы заимствовали от своих северных соседей — ненцев. В этой связи интересно отметить, — пишет Е.Д.Прокофьева, — что у селькупов сохранилось предание, повествующее о заблудившемся в "чужой земле" селькупе, который повстречал там с "безголовым человеком", у которого селькуп выменял на свой лук упряжных оленей (222, с. 672). Оленей селькупы не пасли. Осуществив их летом в лес, выслеживая, собирали осенью. Зимой же, что животные, особенно транспортные, не уходили далеко, на ноги нескольких из них надевали деревянные "башмаки" (мокта). Это, так же как вьючно-верховое использование оленей является приемом, унаследованным селькупам от их южных предков. Подобные "башмаки" в Саянах сейчас применяют тофалары и тувинцы-тоджинцы. В пользу такого предположения говорит и отмеченное С.И.Вайнштейном конструктивное сходство селькупских и тоджинско-тофаларских вьючных седел (38, с.3-14).

Итак, верховое оленеводство у селькупов, как видно, имеет древнее происхождение и пришло из южных регионов. Позднее ими было заимствовано упряжное оленеводство, очевидно в основном от ненцев, ибо относительно даже верхового оленеводства, например башинских селькупов, Г.Н.Прокофьев замечает, что оно нетунгусского происхождения (218, с. 100). Что касается южных селькупов, то можно предположить следующее: местные природно-хозяйственные условия их обитания, благоприятные для содержания ездовых собак и лошадей, были трудными для разведения оленей. В этом отношении судьба оленеводства норильских селькупов и кетов, по-видимому, одинакова.

Из всех народностей Севера Сибири самыми загадочными, как и ороки на востоке, остаются кеты, хотя изучало их немало различных исследователей (Кастрен, Передольский, Анучин, Исаченко, Рамстед, Доннер, Марр, Богораз, Финдейзен, Каргер, Дебец, Попов, Васильев и др.). Вопрос о происхождении кетов еще далеко не разрешен, но в этнографической литературе пока общепринято полагать, что кеты сложились в результате взаимодействия древнего населения среднего Енисея с этническими элементами, распространившимися на север из более южных районов.

По историческим источникам ХУП-ХУШ вв., предки современных кетов обитали в низовьях Подкаменной Тунгуски. В их преданиях упоминается о высоком непроходимом хребте, через который они проникли в Сибирь с юга. Кеты рассказывали также, что, когда они жили далеко на юге, на них нападали тысяди-горные ("каменные") люди. Из-за них кетам пришлось уходить на север; затем на них напал с юга могущественный народ килики, и они вынуждены были спуститься еще далее вниз по Енисею (212, с. 688).

Кеты являются в настоящее время единственными сохранившимися представителями племен кето-котской языковой группы, кстати сказать, не имеющей ничего общего с другими языковыми группами. Стоя изолировано в лингвистическом отношении, кеты неоднократно служили объектом различных гипотез, связанных с историей народов Северной Азии. Некоторые, в особенности Г.Е.Грумм-Гржимайло (по Г.Ф.Дебецу - 1934), считают их потомками динлинов - народа, описанного в китайских летописях, некогда жившего в верховьях Енисея и отличавшегося светлым цветом кожи, глаз и волос. Эту же точку зрения разделял В.Г.Богораз (241, с. 126). На основании того, что енисейцы сами себя называют "кэт" - человек и "дэн" - люди, он допускал связь "дэн" с "дин-лин" и "ди".

М.Кастрен - первый исследователь кетов - говорил, что в отношении флексии язык кетов сходен с китайским. Эта мысль в дальнейшем нашла целый ряд последователей. Так, например, Рамстедт предполагал связь кетского языка с группами индокитайских языков (по Г.Финдейзену - 1929) и т.д.

Кето-котская языковая группа, помимо кетов, объединяла племена коттов, асанов, аринов, яринцев и байкотовцев, которые еще в ХУП-ХУШ вв. были расселены по рекам Кану, Усолке, Оне, на Енисее, в районе г.Красноярска и южнее его по правобережью Енисея до устья р.Тубы. В ХУШ и первой половине XIX в. все эти племена, слившись с местным населением, утратили свой язык. Только наиболее северные племена - предки кетов - сохранили его. Как видно, языковые связи кетов ведут далеко на юг.

Некоторое своеобразие представляет и антропологический облик кетов. Обладая многими чертами европейского типа, они обнаруживают

монгольское влияние (144). Наличие таких двух резко отличных типов до сих пор вызывает различные толкования ученых.

Следует отметить, что селькупы считают кетов близкими по крови и в прошлом вступали с ними в союз против самоедов-юраков. Материальная культура селькупов и кетов сходна. Отмечая это, В.Г.Богораз высказал предположение, что эти народы "составляют клин особой оленеводческой культуры, врезавшийся с юга далеко на север" (47, с. 67) до самой лесотундры.

До сих пор еще более загадочным остается вопрос о происхождении оленеводства у кетов. Например, одни исследователи, в том числе и В.Г.Богораз (25), считают, что большая часть кетов, а именно роды, живущие к западу от Енисея, являются старинными оленеводами. При этом отмечается, что кеты разводят оленей такой же крупной породы, что и их соседи - селькупы, а также - тофы и тувинцы-тоджинцы в Саянах. Но есть и другое мнение. Так, В.И.Васильев пишет, что кеты и селькупы познакомились с оленеводством в сравнительно недавнее время (47, с. 75). Проникновение вьючного оленеводства к северным селькупам и кетам он относит к середине ХУП в. и по существу опровергает точку зрения В.Г.Богораза и Г.Н.Прокофьева, рассматривавших вольный отпуск оленей на все лето как наиболее первобытную форму оленеводства. "Возникновение этой системы выпаса у селькупов и кетов, как нам кажется, - замечает автор, - в значительной степени объясняется отсутствием у них навыков в ведении оленеводства. Пешие охотники и рыболовы, каковыми были, по всей вероятности, селькупы и кеты до своего переселения на север, восприняв оленеводство у лесных энцев, не смогли совместить развитие этой отрасли хозяйства с занятием основными промыслами ..." Здесь имеется в виду, что арины, котты, яринцы и байкотовцы в ХУП в. были коневодами и скотоводами (212, с.688). Сразу же заметим, что истории известны многие факты превращения южных оленеводов в животноводов.

Обе эти точки зрения нуждаются в уточнении. Для этого ознакомимся сначала с системой оленеводства кетов.

В чем же заключается особенность оленеводческой культуры кетов? Оленеводство у кетов было небольшое: 20-30 оленей на семью. Пастушеской собаки не имели. Использовали оленей в упряжи. Нарты в общем были похожи на самоедские, но несколько меньше и грубее. Вместе с тем кеты практиковали вьючно-верховое использование оленей. Причем на оленя садились не ближе к плечам, как это делают эвенки и эвены, а на спину. Всю зиму кеты кочевали в лесотундре вместе с оленями, а на лето отпускали их на волю и выходили к Енисею для рыбной ловли. Кетам был известен выпас оленей с дымокурами и сараями.

В основе своей оленеводство кетов имело сходство с недавно исчезнувшим оленеводством камасинцев-самоедов, живших в системе Енисея, подальше к югу в Канском округе, а также с оленеводством тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Исходя из этих связей, В.Г.Богораз писал: "... можно вывести, если не заключение, то, по крайней мере, предположение, что в системе реки Енисея от Саянских нагорий и до самой лесотундры существует особая форма оленеводства без пастушеской собаки, олени особенно крупной и сильной породы. В летнее время оленей отпускают на волю (кроме карагасов и сойотов)" (25, с. 49).

Итак, попытаемся анализировать все вышесказанное.

Кеты появились в результате смешения аборигенного населения среднего Енисея с выходцами из южных районов. При этом не исключено, что аборигенное население, как и везде в других местах, занималось охотой, рыболовством и ездовым собаководством. Иначе трудно предположить, что кеты после оленеводства или наряду с оленеводством воспринимали ездовое собаководство. В истории Севера не найти ни одного подобного примера. Ездовое собаководство всегда предшествовало оленеводству.

Но кем же были южные предки кетов — оленеводами или пешими охотниками и рыболовами? И когда они переселились на север — раньше или позже самодийских племен? Ответить на эти вопросы все еще весьма затруднительно. Пока можно строить лишь предположения. Так, если допустить, что южными предками кетов являются динлины, то можно принять кетов как народ древний и давно продвинувшийся на север. Кроме того, если учесть, что летний выпас оленей с дымокурором и сараем, по согласному мнению ученых, является древнейшим типом оленеводства и генетически восходит к верховому оленеводству, существовавшему у южных предков северных народов еще до их продвижения на север, то независимо от того, какое происхождение имеет оленеводство кетов — заимствованное или самостоятельное, — оно является исторически очень ранним. Стало быть, можно предположить, что кеты являются древними оленеводами. Во всяком случае, невозможно согласиться с мнением В.И.Васильева о том, что возникновение системы выпаса оленей (вольный отпуск на лето и т.д.) у кетов связано с отсутствием у них навыков в ведении оленеводства. Ведь подобная система наблюдалась не только у кетов. Вольный выпас оленей впервые был отмечен Н.Н.Харузиным у русских саамов (253, с. 102, 106). Существование вольного выпаса у самодийских народов было выявлено Г.Н.Прокофьевым, наблюдавшим его у туруханских и баишинских селькупов (218, с. 100). Подобная система оленеводства была описана у некоторых групп эвенков, а также у охотских эвенков. На это указывает сам же В.И.Васильев (47, с. 67). Однако вряд ли кто из иссле-

дователей усомнится в отсутствии навыков в ведении оленеводства у эвенков, и тем более у эвенков. Сложившиеся уклады оленеводческого хозяйства никак нельзя рассматривать как доказательство молодости оленеводства у кетов. Делать далеко идущие выводы на основе изучения лишь одной системы оленеводства той или иной народности, по крайней мере, односторонне и необъективно (62, с. 89, 90).

Далее. Продолжая возражать В.И.Васильеву, должны заметить малую вероятность восприятия оседлыми рыболовами новой для них отрасли — оленеводства лишь для того, чтобы через некоторое время убедиться в его несовместимости с занятием основным промыслом — рыболовством и забросить его. Скорее здесь можно допустить обратное. Проникнув на север, в совершенно иные и трудные природно-географические и экономические условия, оленеводы-кеты не могли развить крупнотабунное оленеводство, свойственное тундровой зоне, и должны были прекратить охоту (основное занятие на юге) с тем, чтобы заняться рыболовством. Для этого они вынуждены были исподволь перейти на вольный летний выпас оленей и заняться главным образом рыболовством. А это, в свою очередь, послужило основной причиной деградации местного оленеводства. Например, Н.К.Каргер, описывая оленеводство кетов, отмечал: "Отсутствие летней пастбы сказывается не только на телятах, но и на взрослых оленях. На 90 % годовая убыль стада приходится на летний период. Часто в течение одного лета оленнее хозяйство теряет почти всех своих оленей ... Многие хозяйства из оленних превратились в безоленные, заменив пропавших оленей собаками" (119, с. 28-37). Таким образом, здесь мы видим, как нигде в другом месте, попытку заменить оленеводство собаководством. Если учесть исторический антагонизм собаководства и оленеводства, то в вышеизложенном следует видеть победу аборигенного уклада жизни и исконных местных отраслей хозяйства — рыболовства ездового собаководства — над новой, привнесенной с юга отраслью — оленеводством. К тому же оленеводство оставалось верховым, т.е. имеющим подсобное, второстепенное значение, и в местных условиях оно не могло превратиться, как, скажем, у ненцев или чукчей, в крупную основную хозяйственную отрасль. Поэтому по мере упадка занятия охотой все меньше уделялось внимания оленеводству и все сил направлялись на рыболовство (62, с. 83-95).

Все эти предположения в дальнейшем требуют своего подтверждения. Пока же для нас важно установить, что оленеводство у кетов имеет южное и весьма древнее происхождение независимо от его заимствованности от самодийцев или самостоятельного возникновения у кето-котских племен.

Коми (зыряне), ханты и манси (остяки и вогулы). Принято считать, что коми некогда вышли из Вологодской губ. И уже в XVI в.

имели поселения далеко на севере Сибири. Их кочевья были раскинуты по Уралу от р. Ляпина почти до Байдарацкой губы, а с запада на восток от Урала до р. Надым. Это бывшие кочевья ненцев.

В первой половине XVII в. зыряне восприняли оленеводство. Оно было заимствовано у ненцев, кочевавших в Большеземельской и Малоземельской тундрах. Значительный рост оленеводства коми, под названием "ижемского", происходит с начала XVIII в. Уже в 1809-1815 гг. коми имели 25-30 тыс. оленей и кочевали, так же как и ненцы, в Большеземельской и Малоземельской тундрах. В отличие от кочевого ненецкого оленеводства оленеводство коми было полукочевым, так как большинство их хозяйств, занимающихся оленеводством, было связано с домом, с оседлым образом жизни. В связи с постепенным заселением средней Печоры и Усы оленеводческое хозяйство коми стало расширяться на северо-запад, к Канинскому и Кольскому полуостровам, и на северо-восток, к Уралу и за Урал, на нынешнюю территорию Печорского угольного бассейна, Приуральского, Березовского и Шурышкарского р-ов Тюменской обл. (172).

Таким образом, у коми оленеводство является исторически поздним и преемственным от ненцев.

Хантыйский и мансийский языки вместе с венгерским составляют угорскую группу финно-угорских языков. Древняя история обских угров, хантов и манси в настоящее время изучена еще не совсем достаточно.

В эпоху бронзы и раннего железа в степях и лесостепях Западной Сибири (в Прииртышье) обитали племена кочевников-коневонов. Полагают, что есть основания видеть в них ранние угорские племена, которые с середины I тысячелетия н.э. начали переселяться на Север. В результате этого в области Нижнего Приобья возникла новая культура, легшая в основу культуры современных хантов и манси. Угорские группы (степняки), проникшие на север и попавшие в таежные условия существования, сильно изменили свою культуру. В частности, они утратили коневодство, не приспособившееся к новым условиям. Однако память о коневодстве сохранилась в терминологии, фольклоре и изобразительном искусстве современных угров. Например, насколько можно судить из эпоса и преданий мансийского народа (М.А. Плотноков. Янгал Маа. М. 1933), исконным ездовым животным для него была лошадь. Последней видное место отводилось и в обрядах и культе мансийского населения (34, 268). О достоверности вышесказанного говорит и то, что манси верховьев Конды и по сей час остались коневодами. Существуют лошади особой, вогульской породы, называемые "тавлинками", что, в свою очередь, подтверждает древность этой отрасли.

Потеряв коневодство, угры вынуждены были перейти на освоение новой отрасли - оленеводства, которая более полно отвечала местным

природным и хозяйственным условиям. Оленеводство хантов и манси исторически молодое, поэтому относительно его возникновения у этих народностей у историков и этнографов разногласий не встречается.

"Оленеводство северных хантов и манси, судя по историческим и языковым данным, - пишет Е.Д. Прокофьева, - было заимствовано ими около XV в. от ненцев" (221, с. 580). Во всяком случае, возникновение оленеводства у хантов, как это установлено Кай Доннером, датируется не ранее XIII в. (273). "... Заимствовано у самоедов, и довольно поздно, оленеводство и остяками и вогулами: к этому мнению склонялся в свое время и Альквист, а теперь этому вопросу посвящена специальная работа Доннера, не оставляющая места никаким сомнениям относительно заимствования остяками и вогулами оленеводства у самоедов", - писал в свое время А.Н. Максимов (147). Ныне к нему присоединяется и Л.В. Хомич (256).

Вместе с оленеводством проникли к хантам и манси от ненцев некоторые производственные навыки, способ упряжки оленей, конструкция оленьих нарт, оленеводческая терминология, а также типы одежды, кочевое жилище - чум и пр. Например, чум называется по-мансийски "ерн кол", по-хантыйски "ерн хот", что в переводе значит "ненецкий дом".

Некоторые ханты восприняли тунгусское оленеводство. У казымских, юганских и ваховских остяков, например, олень крупнее самоедского и относится к лесным. Стада состояли из 25-30 голов. В оленеводстве применялись загонные, специальные сараи и дымокуры.

У большинства хантов и манси олени служили транспортным целям и имели подсобное значение. Поголовье их было невелико. Лишь у незначительного числа хозяйств манси по верховьям Лозвы, северной Сосвы и Ляпина, т.е. там, где была возможность уйти для летнего выпаса в горы на Урал, оленеводство развивалось в качестве основной отрасли и имело свои особенности (221, с. 580).

Саами и карелы. Наиболее древней народностью, занимающейся оленеводством в Скандинавских (Север Норвегии, Швеции, Финляндии) странах и на Кольском полуострове, являются лапландцы, или лопари, а ныне саами. Слово "лапландец" происходит от выражения "лаплан", что значит перебежать, двигаться с места на место, и, следовательно, показывает, что этот народ кочует с места на место (цит. по: Я. Гульчак, 1954).

Саами резко отличаются от своих соседей - скандинавов, финнов и русских. Они малорослые, сравнительно темные и брахицефальные (короткоголовые). Некоторые исследователи прошлого столетия считали их древнейшим населением Европы, другие, наоборот, сравнительно поздними пришельцами из Азии. И до настоящего времени проблема о месте саами в систематике рас представляет собой один из самых спор-

ных вопросов антропологии, по которому почти одновременно высказываются совершенно противоположные суждения (84). Таким образом, далекое прошлое саами все еще остается неясным.

Не менее спорным является и вопрос о происхождении оленеводства у саами. При этом выступают два основных противоположных взгляда. Сторонники первого из них считают родиной оленеводства Западную Европу и полагают, что в Сибирь оленеводство перешло от саами, распространяясь, таким образом, с запада на восток. К примеру, Липперт приписывает первоначальное приручение оленя германцами и вместе с Фирсом убеждает, что лопари и другие оленеводы получили оленеводство от норманцев, причем не ранее IX в. Основой для этого взяты показания норвежца Отера, который около 890 г. совершил плавание вдоль берегов Норвегии и Кольского полуострова к устью Северной Двины и оставил исторические сведения о лопарях. В частности, в них указывается, что саами уже тогда ловили диких оленей с помощью маншиков и ручных оленей (109; 147). О том, что лопари ездят на оленях, говорится в рунах "Калевалы" (руны 3 и 6), относящихся примерно к XIII-XIV столетию (227, с.46). Из старинных летописей известно, что древние северогерманские племена норманнов также имели упряжных оленей (Саксон Грамматик, начало XIII в.: Иоанн Магнусен, середина XVI в. Цит. по: Максимов, 1928). Но является ли изложенное доказательством древности и самостоятельности происхождения оленеводства Западной Европы?

В наше время сторонники первого взгляда стали придерживаться теории о двух центрах возникновения оленеводства: алтае-сайанском для Сибири и северо-восточной Европы и скандинавском для северо-западной Европы. Основоположником этой теории является А.М.Максимов, который, оспаривая мнение Лауфера о заимствовании лопарями оленеводства у самоедов, писал: "... ни в XI, ни тем более в XII в. лопари и самоеды не могли быть соседями, не могли находиться между собой в общении. Если когда-либо они и жили где-нибудь по соседству между собой, это могло быть только в какую-либо более раннюю эпоху. Но и для этой более ранней эпохи трудно было бы допустить заимствование оленеводства лопарями у самоедов или обратно самоедами у лопарей ввиду резких различий оленеводства у того и другого народа и, в частности, ввиду резких различий лопарской и самоедской оленьих упряжек" (147).

А.Н.Сегаль, поддерживая теорию А.М.Максимова, указывает на малую вероятность заимствования лопарями оленеводства у ненцев. Он пишет: "Наоборот, оленеводство этих народностей характеризуется настолько своеобразными отличительными чертами, что все исследователи резко отделяют его от ненецкого оленеводства и выделяют в совершенно самостоятельный особый тип ..." (227, с.46). "К тому же, -

продолжается далее, - между обитателями Кольского полуострова и ближайшими оленеводческими народностями северо-восточной Европы - ненцами до самого недавнего времени не было почти никакого контакта". В пользу своих взглядов названный автор указывает и на то, что домашние олени северо-западной Европы резко отличаются от оленей ненцев и коми. При этом родоначальником домашнего северного оленя Карелии, Лапландии, Финляндии и Скандинавии предполагается известный в этих странах и частично сохранившийся аборигенный дикий лесной олень. Наконец, отстаивая теорию самостоятельного происхождения скандинавского оленеводства, А.Н. Сегаль в качестве одного из веских аргументов ссылается на то, что саами разводят оленей по меньшей мере 1000 лет, т.е. значительно раньше, чем коми, и независимо от оленеводства ненцев.

Сторонники второго взгляда (В.Г.Богораз, 1933; В.Н.Скалон, 1956; Г.М.Василевич и М.Г.Левин, 1951) считают, что распространение оленеводства шло, наоборот, с юга на северо-запад, север и северо-восток Евразии, и родиной его была Сибирь. На основе этой теории можно предположить, что саами научились разводить домашних оленей от соседних более восточных оленеводческих народов. Здесь, не вдаваясь в детали, лишь укажем, что собранный и изложенный нами в настоящей монографии материал полностью подтверждает правильность мнений названных исследователей. Поэтому остается только несколько подробнее остановиться на тех принципиальных вопросах, по которым мы не можем выразить своего согласия с мнениями А.М.Максимова и А.Н.Сегалья.

Итак, вопрос о контакте между лопарями и самоедами. Вопреки изложенным утверждениям А.М.Максимова и А.Н.Сегалья, на основе современных данных Е.Д.Прокофьева пишет: "... территория расселения ненцев севера Европейской части СССР, с которыми впервые встретились русские, была в более древние времена областью распространения лопарей (саамов)" (222, с. 608). Эти данные основаны на фактических доказательствах. В подтверждение можно указать, что вытеснение лопарей ненцами (в последующем совместно с коми) продолжалось до 1887 г., когда последние со своими стадами пришли с Печоры на Кольский полуостров и стали вытеснять местных оленеводов-лопарей с их лучших пастбищ (33, с. 11). Уже к 1928 г. во владении лопарей находилось менее половины (46 %) поголовья оленей полуострова (6). И, наконец, приведем слова Л.Гейденрейха: "До начала XI столетия побережья Ледовитого океана, бассейны рек Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры были населены народами финского племени, в числе которых были и самоеды" (61, с.24). Как видно, в настоящее время невозможно отрицать контакта и взаимосвязи лопарей с ненцами, как и у всех народов Севера, дабы не впасть в произвольное предполо-

жение. К тому же нельзя забывать, что самоеды и, очевидно, предки саамов пришли с более южных мест не в безлюдные места. На Кольском полуострове, Урале и, надо полагать, по северному побережью обитали древнейшие предки современных народностей. Таким образом, связь лопарей с самоедами, а следовательно, заимствование ими оленеводства, безусловно, могло иметь место. По мнению Миддендорфа и Гатта, "лопари заимствовали оленеводство у самоедов" (147). На это указывал и В.Г.Богораз (28, с. 220).

Здесь не безынтересно затронуть ошибочные взгляды А.Н.Сегалья на историю народов Севера, которые, вероятно, и приводят его к показанным неверным выводам. Так, рассматривая проблему происхождения оленеводства Карелии, А.Н.Сегаль утверждает, что ненцы, живущие в области между Уралом и Северной Двиной, научились разводить домашних оленей только в самом конце XVI столетия (228, с. 24). Они, якобы, переняли эту отрасль хозяйства у обитавших еще восточнее оленеводческих племен Северного Урала и восточноевропейских тундр (откуда это взято — неизвестно. — С.П.). И далее: "Еще позднее (в начале XIX в. начали заниматься оленеводством коми, — пишет названный автор, — позаимствовав его от ненцев. А народности Северного Урала и Приуралья (ханты и манси) пришли в эти места вместе со своими оленями в незапамятные времена с Енисея". Как видно, ни одна из приведенных исторических дат не совпадает с таковыми, показанными нами на основании этнографических и историко-документальных данных. К тому же сейчас довольно ясна история хантов и манси. В прошлом коневоды, они совсем недавно восприняли оленеводство. Это общеизвестно и бесспорно.

О времени появления оленеводства на Скандинавии высказываются самые различные суждения. Так, Сирелиус пытается доказать, что финны приручили оленя еще прежде, чем они познакомились с металлами. Однако соображения Сирелиуса в литературе не считаются достаточно убедительными (147).

Лауфер считает, что лопари очень поздние оленеводы, заимствовавшие оленеводство у самоедов в XI или XII вв. У В.Н.Скалона находим: "Некоторые авторы относят возникновение оленеводства у них (т.е. у лопарей. — С.П.) к IX в., другие — к XI в. Возможно, что оно и не проникло к ним ранее, ибо между Скандинавией и Уралом оленеводство распространилось очень поздно" (235, с.99).

Имеются и официальные свидетельства о наличии оленеводства у лопарей в IX в. (показания Отера). В начале XIII столетия о существовании оленеводства в Лапландии рассказывал Саксон Грамматик (147). Таким образом, в Скандинавии оленеводство существовало одиннадцать столетий назад. В то же время первое документальное указание на то, что их соседи-самоеды ездят на оленях и питаются оленьим мясом, мы

обнаруживаем в летописях только XI в. Выходит, что норвежцы открыли оленеводство у лопарей на два века вперед, чем русские у самоедов. Но может ли это служить доказательством древнего и самостоятельного происхождения оленеводства на Скандинавии? Конечно, нет. Ведь этнографы до сих пор продолжают открывать отдельные племенные группы народностей в Азии, Африке, Америке и Австралии. Не свидетельствует же это о молодости обнаруженных племен. Независимо от времени открытия они могут иметь свою древнейшую историю. Таким образом, мы еще раз подчеркиваем здесь возможность появления упряжного оленеводства у ненцев до XI в. Необходимо помнить, что саамские племена на территории Обь-Енисейского междуречья обитали еще в первые века н.э., а с низовьев Енисея распространились по западным тундрам около конца I тысячелетия н.э. Лопари могли воспринять у самоедов вьючно-верховое оленеводство, превратившееся затем в упряжное (самостоятельным путем у каждой народности). Более подробно об этом будет сказано далее. Пока же можно заметить, что оленьи нарт являются копией нарт собачьих или пеших охотников, поэтому у разных народов они не могут не иметь определенных различий. На этой же основе не одинакова и оленья упряжь у ненцев и саамов.

Относительно различий системы оленеводства у ненцев и саамов следует заметить, что это весьма сложный вопрос, требующий осторожного подхода и глубокого знания. Так, если долганы, энцы и другие, заимствовав оленеводство, могли в какой-то степени сохранить старую систему, то чукчи, коряки и другие применили совершенно новую систему. Поэтому полагать, что в заимствованном оленеводстве обязательно должна сохраняться старая система, вовсе не основательно. Оленеводы не были настолько бестолковы, чтобы не использовать благоприятные местные условия, не приспособить их для своих хозяйственных интересов. По нашему убеждению, своеобразная система оленеводства у той или иной народности возникает в строгом соответствии с местными природно-хозяйственными условиями. Например, вольный выпас или безнадзорный отпуск оленей на лето был связан с необходимостью заняться рыболовством (62, с. 89, 90), и возник он, скажем, у лопарей и кетов совсем независимо друг от друга. Или возьмем эвекков. В целом вся эта народность имела единую систему оленеводства, в основе не допускавшей безнадзорного роспуска оленей на длительный период. Однако, сообразуясь с местными условиями, отдельные группы эвекков допускали вольное содержание оленей на весь летний сезон, занимаясь в это время добычей рыбы. Кстати, такая система не свидетельствует и об архаичности оленеводства. Например, кеты и тофы — древние оленеводы, а система оленеводства у них разная. В то же время эвенки также древние оленеводы, а ваховские и аганские ханты — недавние. Однако система оленеводства у них встречается одинаковая

Следовательно, отличительные черты оленеводства у саамов и ненцев не могут служить доказательством различного их происхождения.

При рассмотрении вопросов о происхождении оленеводства не всегда уместно ссылаться и на внешнее отличие оленей, разводимых у различных народов. В частности, олени, разводимые в разных природно-хозяйственных условиях, весьма быстро могут обрести совсем иные внешние черты. И чем продолжительнее при этом срок их разведения, тем резче отличие, что, очевидно, и наблюдается у оленей саамских и ненецких. Здесь нельзя терять из поля зрения глубокую специфику оленеводства, при которой животные в сильной степени находятся под влиянием внешних природно-климатических условий и соответственно различаются между собой. Для сравнения заметим, что даже при содержании в скотопомещениях и кормлении с рук, например, сибирская симментальская порода крупного рогатого скота отличается от европейских симменталов. Поэтому их и называют сибирский тип симментальского скота. А ведь это одна и та же порода с известной родословной предков. В породе различают несколько типов (отродий) не только у симменталов, но и у оленей.

Сравнивая антропоморфные изображения на шишкинских скалах в верховьях р. Лены с наскальными изображениями Скандинавии, А.П.Окладников находит у них поразительное сходство и на основе этого приходит к выводу: "Не исключено, таким образом, что в бронзовом веке существовали какие-то культурные связи между племенами северной Азии, с одной стороны, и северной Европы - с другой" (176, с. 82). Интересно изображение (на тех же скалах в Шишкино) большой фигуры мифического чудовища, пытающегося проглотить какой-то круглый предмет. Точно такие же изображения встречаются и на Скандинавии. Да и объясняются они одинаково: чудовище-монгус пытается проглотить луну или само солнце. Подобного рода мифические (схематичные) изображения "олень-солнце", "человек-солнце" и др. можно обнаружить в Саянах, Забайкалье, на Лене и в Скандинавии. При всем этом нельзя сбрасывать со счета возможность азиатского происхождения саамов и их переселения на Европейский Север. Бесспорно, что саамы имеют выраженные черты азиатского типа, которые они не могли приобрести путем ассимиляции. Возможно даже, что саамы являются первыми выходцами из Саян. Во всяком случае, обоснованных противных аргументов пока нет. А о том, что они знали верховое оленеводство, свидетельствуют данные Хетта. При этом верховое седло их по своей конструкции отличалось от тюрко-монгольских седел (272, с. 126). Это может говорить не только о древности верхового оленеводства, но и о давнем выходе саамов на север. Во всяком случае, в настоящее время большинство специалистов считают, что саамское оленеводство в своей основе связано с каким-то "импульсом с востока" (39, с. 124, 125; 262, с. 181; 276, с. 57).

Таким образом, все доводы А.Н.Сегалья в пользу самостоятельного происхождения оленеводства Скандинавии, на наш взгляд, не совсем основательны. В далеком прошлом лопари, очевидно, были тесными самодийскими племенами и в свое время восприняли у них оленеводство.

В Карельской АССР оленеводством занимаются в Калевальском, Кемском и Лоухском районах. Это сравнительно молодая отрасль народного хозяйства. В имеющихся сведениях о Карелии XV-XVI вв., в которых перечисляются различные отрасли местного хозяйства (земледелие, рыболовство, охота, разведение домашнего скота и т.п.), нет ни слова об оленьем транспорте, о домашних оленях. По этому поводу А.Н.Сегаль замечает: "Приходится думать, что оленеводством в Карелии тогда еще не занимались. Трудно допустить, чтобы такая своеобразная форма хозяйства не привлекла бы к себе внимания путешественников, особенно иноземцев и летописцев, не отразилась бы в записках, воспоминаниях и других документальных материалах. Сомнительно, был ли домашний олень в Карелии в XVII в., так как только начиная с XVIII столетия, да и то лишь относительно саамских погостов, указывается на использование оленя в качестве домашнего животного" (227, с. 48).

Карелы пришли в Карелию еще в XII-XIII вв. и заимствовали оленеводство вместе с системой организации этого хозяйства у коренного туземного лопарского населения. Произошло это не более чем 200 лет назад (109; 147; 227, с. 48). Отсюда нет необходимости останавливаться здесь на истории карелов и карельского оленеводства. Современное оленеводство Карелии уходит своими корнями в сравнительно древнее лопарское (саамское) оленеводство.

Эвенки (тунгусы), эвены (ламуты) и некоторые народности Дальнего Востока. Эвенки и эвены - близкородственные народности некогда могущественной тунгусоязычной семьи. Разделение их произошло давно, а продвижение на север - в различное время из разных мест.

Эвенки - самая крупная и наиболее широко расселенная народность из числа так называемых малых народностей северной Сибири. При небольшой численности населения - всего 25 тыс. человек - они расселились от Прибайкалья и Монголии на юге до Хантайского озера на Таймыре, от Енисея на западе до побережья Охотского моря, Сахалина на востоке.

Происхождение эвенков - вопрос все еще спорный. Одни исследователи рассматривают их как выходцев из южных районов. С.М.Широкогоров, Копперс, Флор и др. считают, что "прародина" эвенков находится в бассейнах рек Желтой и Голубой, откуда они, вытесненные предками китайцев, распространились в конце III и начале II тысячелетия до н.э. на север. Их путь лежал через Маньчжурию и Амур. Оленеводство они заимствовали у аборигенов севера (42, с. 704). По мне-

нию других исследователей, процессы формирования древних тунгусоязычных групп протекали в Прибайкалье и Забайкалье. Например, археологические находки в долине Ангары, на Селенге, Лене позволили А.П.Окладникову показать, что целый ряд особенностей тунгусской культуры восходит еще к энеолиту Прибайкалья. Более четырех тысяч лет назад здесь жили охотники и рыболовы, носившие настоящий тунгусский костюм. Черты сходства отмечаются и в другом. Во всем этом прослеживается связь современных охотников-оленьеводов тайги с их далекими предшественниками (176, с.91). Встречаются также источники, по которым область, где жили предки тунгусских племен во II тысячелетии до н.э., охватывала как Прибайкалье, так и верховья Амура (42, с. 704).

Не вдаваясь в глубину приведенных суждений, отметим лишь, что древние тунгусы не занимались оленеводством. Это согласуется с мнением всех исследователей. Отсюда возникает вопрос – где, когда и как возникло тунгусское оленеводство.

В современной литературе некоторые исследователи высказывают предположение о первоначальном возникновении оленеводства в двух центрах: Саянском (Саяно-Алтайское нагорье) и Тунгусском (горные районы Забайкалья и Приамурья), откуда оленеводство распространилось в другие районы (46, с.84, 85; 51, с.47; 179, с. 116). При этом допускают мысль о самостоятельном приручении диких оленей тунгусами, о возникновении оленеводства первоначально у определенной группы тунгусов на сравнительно небольшой территории и т.д. Об этом все еще довольно спорном вопросе сказано в "Истории Сибири" (т. I, с. 346, 400–401).

Между тем большинство ученых, в том числе В.Богораз (24), А.Максимов (147), В.Скалон (235) и др., считают, что тунгусское оленеводство восходит к одному общему и более южному исходному пункту. Изложенный здесь и излагаемый далее наш материал заставляет признать правильным мнение последних.

Мы уже рассматривали различные теории о происхождении оленеводства, возможности приручения и одомашнивания современных диких оленей и т.д. В то же время знаем, что древние тунгусы не были оленеводами. Следовательно, их потомки заимствовали оленеводство, очевидно, из Саян. Хотя об этом выше сказано достаточно, можно привести еще убедительные лингвистические данные Г.М.Василевич (41, с.43). Автор, в частности, пишет, что название алданских, учурских и охотских эвенков – кантагир связано с югом: в Саянах два хребта и река носят это название и являются свидетелем былого местожительства этой группы эвенков. И далее: "По-видимому, в отдаленном прошлом, когда Баяшин-Баякшин (род Бая) жили по притокам Ангары, у них была связь с древним саянским родом Чо, вероятно в уйгурский период, так как оформитель этого названия – лар явно тюркского происхождения. Может быть, в среду древних тунгусов был адаптирован человек из рода Чо, который и дал начало тунгусскому роду Чолар. Вся группа этого рода (а вероятно, то же было и с родом Чэтэр) вместе с другими ушла на север и дальше переместилась к Охотскому морю, где потомки их, не дожив до прихода русских, оставили только память о себе". Сказанное свидетельствует о давней и тесной связи предков тунгусов с древними оленеводами из Саян. Отсюда никак невозможно допустить, что в подобных условиях тунгусы могли заниматься весьма трудоемким делом приручения и одомашнивания диких оленей. Гораздо

легче было им воспринять готовых домашних оленей, что, вероятно, и было ими сделано.

По мнению С.И.Вайнштейна, становление тунгусского оленеводства происходило под влиянием самодийцев, а не тюрков-коневонов и имело место в верховьях Лены и Тунгусок (39, с. 114–115), но не в районах Забайкалья-Приамурья, как полагают другие ученые (179, с.116).

Этническая история Центральной Азии показывает, что предки эвенков имели южное происхождение и были прежде всего коневодами. Оленеводство они восприняли в Забайкалье. И именно к этим местам, очевидно, и относятся сведения китайских летописей об оленних людях – ороценах. Первое упоминание об оленеводстве в этих летописях относится к 499 г. н.э., где сказано следующее: "Находятся телеги, запрягаемые лошадью, волом, оленем. Жители держат оленей так, как в Среднем государстве держат быков. Из молока их делают кумыс". Второе указание относится к народу увань: про который сказано "... обитали от Баегу на северо-восток. Там растут деревья, но нет травы. Земля произрастает много мха. Нет ни овец, ни лошадей. Содержали оленей как домашний скот: кормили их мхом и впрягали в телеги, одеяние носили из оленьих шкур ..." (147). Хронологическая дата этого сообщения относится ко второй четверти V в. н.э.

Народ увань в китайских летописях упоминается не раз. При этом в более южных местностях он фигурирует в качестве типичного скотоводческого народа, разводящего лошадей, коров и овец. Только впоследствии увани оказываются на севере и уже не скотоводами, а оленеводами. Есть предположение, что они не сами приручали оленей, а заимствовали у какого-то народа, вероятно у того самого, который был известен китайцам в V в. н.э. На основе имеющегося исторического материала возможно полагать родственную связь между уванями и эвенками.

Таким образом, вопреки вышеприведенным предположениям, Забайкалье представляется нам не центром первоначального возникновения оленеводства, а первичным районом начавшегося распространения оленеводства на север из единого центра, т.е. из точного места происхождения, находящегося в Саяно-Алтайской области.

Оленеводы – предки эвенков из Забайкалья под нажимом гуннов в I тысячелетии н.э. постепенно стали распространяться на восток, север и северо-запад. При этом, первоначально пройдя по отрогам Яблонового хребта, одни из них через Патомское нагорье вышли на Витимо-Олекминское плоскогорье, а затем, вероятно, к верховьям Оленека и Анабары. Другие распространились по Становому, а потом Верхоянскому хребтам и продвинулись до самого северного побережья, к востоку же вышли на Сахалин и Камчатку (43, с. 102). Развивая эту мысль в новой своей работе, Г.М.Василевич пишет, что расселение амурских оленеводов по Витимо-Олекминскому плоскогорью и по отрогам Верхоянского хребта происходило еще до XII–XIII вв. (44, с.8). К XVII в. эвенки-оленьеводы освоили весь бассейн реки Олекмы с ее притоками Чара и Токко, всю территорию современного Алданского района, проникли в бассейн рек Томпо, Яна, Индигирка и т.д.) и, наконец, появились в низовьях Лены и Оленека. И.С.Гуревич показывает, что эвенки-оленьеводы на Оленек зашли с востока и к середине XVII в. обитали по всему его течению, заходили на верховья Анабары, доходили до озера Ессей (78, с. 40). Затем они стали осваи-

вать верховья Виллы, Мархи, Маркоки, Курун-Юрях, Тюнана и Тунга, а также Мунь - притока Лены.

Таким образом, на крайнем Севере тунгусское оленеводство, очевидно, появилось к XVII в. Согласно упоминанию Н.Латкина, в 1625 г. оленные тунгусы жили на Хете и Хатанге, но их, по-видимому, еще не было в арктической полосе (237, с.310).

Таковы были основные направления движения оленных эвенков на север и восток, от которых, разумеется, имелись различные варианты отклонений выходов на Лену и другие реки. В подтверждение сказанного можно привести слова И.Березкина о том, что равнины в среднем течении Лены в XIII-XIV вв. населяли оленеводы, вероятнее всего эвенки (18, с. 199-200). Названный автор ссылается на сообщения этнографа В.Серошевского, который в 1890-х годах не раз находил на пашнях Намского улуса свидетельства глубокой старины: человеческие кости, перемешанные с обрывками оленьей упряжи.

Расселяясь, эвенки-оленеводы приобщали эвенов, икагиров, коряков, чукчей и других к новому для них занятию - оленеводству (51, с. 47). Об этом подробно сказано далее.

О столкновениях оленных охотников с пешими охотниками-рыболовами, т.е. предков эвенков и эвенов, о примирениях их и взаимной выдаче женствен, в приданое которым давали оленей, сохранилась память в сказаниях как эвенков, так и эвенов. Таким образом, прежде пешие охотники-эвенки становились оленными. В подтверждение можно заметить, что русские в XVII в. застали многих эвенов по-прежнему и охотниками и рыболовами. И хотя основная масса эвенов до революции были типичными кочевыми оленеводами, еще во времена коллективизации на севере встречались эвенки-охотники, перекалывавшиеся в оленеводов. Например, в 1938 г. так называемые "очаговые", т.е. оседлые эвенки Унды и Силыняха в ЯАССР, стали вступать в колхоз. Тогда из Булуна сюда пригнали два стада оленей. Так перестали они быть "очаговыми". В настоящее время здесь насчитывается около 10 тыс. оленей. Оленеводство стало основной отраслью хозяйства. Ныне, пожалуй, почти все эвенки занимаются оленеводством.

Как видно, древнее оленеводство распространилось на север как путем миграции оленеводов, так и через заимствование у них оленей аборигенами. При этом аборигены тайги и тундры добывали оленей путем захвата у соседей, вступления в брак, обмена, смешения с оленеводами и т.д. По наблюдениям Г.М.Василевич, большую роль в распространении оленей у эвенков сыграли женщины, которые приводили с собой этих животных в качестве приданого (42, с. 79; 45, с. 201).

В прошлом оленеводство совершенно отсутствовало у народов Амура, Уссурийского края и Сахалина. В связи с этим любопытно отметить, что в китайских литературных источниках встречается двойное название эвенков. Так, эвенки, живущие к востоку, известны под названием килян, тогда как западные из них, занимавшиеся оленеводством, назывались о-лунь-чунь, или э-лунь-чунь, т.е. орочен. Это еще раз свидетельствует о проникновении оленеводства на Дальний Восток именно с запада. В настоящее время оленеводством здесь, кроме эвенков, занимается негидальцы и ороки.

По происхождению негидальцы - эвенки, которые в нижней части р. Амгуни и на Амуре смешались с нивхами, нанайцами и ульчами. В культуре неги-

дальцев в прошлом выступали черты эвенкийской таежно-охотничьей культуры. Так, в верхнем течении Амгуни сохранилось верховое оленеводство эвенкийского типа. Ездили негидальцы не только верхом на оленях, но и на оленьих нартах, по своему типу похожих на нарты алдано-зейских эвенков (110, с. 777-778).

Ороки населяют о.Сахалин. Самоназвание их - ульта, что, как полагают, происходит от слова "ула", т.е. "домашний олень". Отсюда "ульты" означает "оленьи". По преданиям, происхождение ороков материковое, переселились они на Сахалин не позднее XVII в. При этом по одним предположениям предки ороков вышли с Амгуни (110, с. 856), по вторым - с северного Сихотэ-Алиня (200, с. 12-13), по третьим - это амурские ульчи, переселившиеся в XVII в. на Сахалин и воспринявшие там оленеводство (232, с. 6). У ороков существует много преданий, рассказывающих о приходе их на Сахалин и об аборигенах острова - айнах и легендарных "тондзях", о голоде и перекочевке рода Гэтта с западного берега острова на восточный, о гибели рода Бояуса от отравления мясом кита, о попытках приручения дикого оленя и т.д. (110, с. 859). Все это свидетельствует об интересном, но пока еще во многом неизвестном прошлом ороков.

Оленные эвенки проникли также (когда - пока неизвестно) на северные склоны Хингана. Например, в северо-западной части Маньчжурии, в районе Большого Хингана, эвенков, занимавшихся охотой и оленеводством, в начале XX в. было около 250 человек. Они имели 600 - 700 голов оленей (цит. по: Ф.Гульчак, 1954). По имеющимся данным, население Малого Хингана после революции в Китае было объединено в народную коммуны и занималось охотничьим, оленеводческим и подсобными промыслами. (К сожалению, сведения о численности оленей в Китае, несмотря на ряд запросов, добыть не удалось).

Относительно передвижения эвенков в западном направлении, в частности о времени перехода их через Енисей, литературные указания не заходят далее первой четверти XIX в. По этому поводу Г.М.Василевич пишет: "У Патканова говорится, что в прежние времена по левую сторону Енисея жил один Милитский род ... все же прочие роды проживали по правую его сторону, ввиду чего нахождение этих последних родов свидетельствует, что переселение за Енисей совершилось недавно, причем начало этого переселения не восходит за первую четверть истекшего столетия" (40). Тунгусы распространились на запад от Енисея до Оби, а также частично по системе Иртыша, освоили самые глухие участки водоразделов этих рек. Основываясь на языковой общности западных тунгусов и восточных ламутов, Г.М. Василевич продолжает: "... западная группа тунгусов представляет собою передовую группу, которая отошла от общетунгусской народности в очень отдаленные времена..." (там же). Очевидно, движение тунгусов на запад началось рано.

Из изложенного можно сделать следующий вывод: эвенки (тунгусы) - одни из древних оленеводов, распространившие оленеводство из Забайкалья на север, запад и восток.

Якуты и долганы. Из страны курыканов, самых северных в то время тюрков, вышли предки якутов, которые в связи с передвижениями монгольских племен в X в. впервые покинули Прибайкалье. Часть курыканов при этом распустилась в монгольской среде, остальные же были оттеснены на север, в глубь территории современной Якутии (101, с. 221-233). Передвижение оттес-

ненных курыканов продолжалось до середины ХУІ в. Согласно преданиям, они двигались с юга на север по рекам Олекме, Лене, а возможно - Алдану. Тюрки-курыканы, прибыв в страну охотников-оленьеводов, постепенно потеснили их на окраины, а часть ассимилировали (175, с. 338).

Из центра Ленского края предки якутов - истинные коневоды и скотоводы - продвигались на северо-запад и северо-восток. По данным Б.О.Долгих, И.С.Гурвича, А.С.Парниковой и др., якуты появились около Жиганска и ниже у Столбов в 1643-1644 гг. (97; 78, с.43; 189). В 1650-1660-х годах они часто появлялись небольшими группами на "дальних" реках - Оленеке, Анабаре, а с 1678 г. стали жить здесь постоянно. В 1640-х годах группа верхоянских якутов уже обитала в низовьях Яны. В 1670-1680-х годах верхоянские якуты продвинулись на Индигирку.

Попадая в северные условия, якуты оказывали сильнейшее культурное влияние на эвенков и ккагиров. В то же время они многое воспринимали и от этих народов, переходили к охотничье-оленьеводческому хозяйству, усваивали кочевой образ жизни. В этом отношении интересные данные можно найти у Г.П.Башарина, который указывал, что в Якутском округе за период с 1828 по 1917 г. численность оленей у якутов выросла с 418 до 2702 голов (14). В Вилюйском округе за этот же период количество оленей увеличилось с 10 до 1930 голов, а в Олекминском округе - до 244 оленей и т.д. Правда, здесь нет точной уверенности в том, что указанное поголовье оленей принадлежало только якутам, часть из них могли иметь осевшие или обьякутившиеся эвенки. Но тем не менее приобщение якутов к оленеводству имело место. Особенно наглядно это видно на примерах Анабарского и Оленекского р-ов, где ко второй половине ХІХ в. три этнических элемента (эвенки, русские и якуты), составлявшие население бассейнов рек Оленека и Анабара, слились в единое целое в языковом, культурном и хозяйственном отношениях. Возникла своеобразная группа северных якутов-оленьеводов, среди которых к концу ХІХ в. уже существовала значительная имущественная дифференциация. При этом отношении зависимости и эксплуатации складывались не на основе владения охотничьими угодьями, а на базе частной собственности на оленей (77, с.102).

Таким образом, в северо-западном направлении переселения якутам пришлось сменить свой хозяйственный уклад: от коневодства и скотоводства они перешли на оленеводство. В северо-восточном же направлении продвижения они сохранили свой прежний уклад, сохранив лошадей и коров; это самый северный регион распространения этих животных. Однако данный вопрос выходит за пределы интересов нашей темы.

Долганы составляют основное население Таймырского автономного округа. В прошлом их предки занимали районы устьев Вилы и Мунн, низовьев и верховьев Оленека. Предки современных долганов сложились из групп тунгусского и якутского происхождения. В ХУІ-ХУІІІ вв. они переселились на северо-запад - на реки Попигаи и Хатангу, в р-н Норильских озер, в бассейн р. Боганиды и другие места, оттеснив на север предков нганасан. На новом месте в течение ХУІІ и ХІХ вв. усиленно протекал процесс взаимного сближения культуры и быта долганов, прибывших за ними якутов и проживавших здесь русских крестьян и тунгусов. Взаимные браки все более стирали прежние этнические различия. Господствующим становился якутский язык. В настоящее время дол-

ганы говорят на особом диалекте якутского языка (212, с. 743).

Оленеводство долганов, безусловно, тунгусского происхождения, однако встречаются приемы и техника, заимствованные позднее у оленеводов самодийской группы. Так, долганы использовали оленей под седло и вьюк (летом) и вместе с тем широко применяли упряжку оленей в нарти (зимой), хотя, надо заметить, в некоторых районах долганы не знали нартовой езды до середины ХІХ в. Нарты встречаются якутского и ненецкого типов. Способ упряжки отличен от ненецкого. Седла и способ езды верхом у долганов - тунгусского типа; как и у ненцев, применялась пастушеская собака (211). В общем оленеводство долганов имеет комбинированную систему тунгусско-самодийского происхождения.

Чуванцы и ккагиры. Чуванцы (этели) жили в верхнем течении Анадыря, в междуречье Анадыря и Пенжины, по реке Малому Анюю, и в нижнем течении Омолона и Колымы. Чуванцы испытывали длительное и сильное воздействие со стороны чукчей, завершившееся почти полной их ассимиляцией. Поэтому и заимствованное от чукчей оленеводство, как и вся материальная культура кочевых чуванцев, не отличалась от чукотской (232, с.9, 43).

Ккагиры в недавнем прошлом занимали все пространство между Леной на западе, Алданом на юге, Анадырем на востоке и Ледовитым океаном на севере (в ХУІІ в. они были несравненно более многочисленными, чем в ХУІІІ-ХІХ вв.) (176, с.65). Ккагиры - носители наиболее древней культуры аборигенов северной Сибири. С этим ныне маленьким народом связаны многие страницы истории народов Сибири и Севера.

Охота - древнее занятие ккагиров. В старину лучший охотник считался первым человеком в роде и пользовался особым почетом и уважением. Самого ловкого и выносливого из них называли хангинчо - "человек с большим сердцем". Недаром об охотнике сложено много песен, замечательных поговорок и и поэтических сравнений. Ранние источники изображают ккагиров как охотников, озерных и речных рыболовов, собаководов.

В подтверждение сказанного можно привести интересные данные В.И.Иохельсона о древнем хозяйстве ккагиров. Домашними животными у этого народа, отмечает названный автор, были только собаки. Олень же ккагиры получили, очевидно, от эвенков (114, с. 257).

Важное значение в хозяйственном укладе ккагиров занимала охота на дикого оленя. Главным способом охоты была так называемая поволока, или плавь, - массовый убой животных на речных переправах во время их сезонных миграций. Лучшее в литературе описание плави принадлежит Ф.Ф.Матюшкину (участник экспедиции Ф.П.Врангеля), который в 1821 г. писал: "Все существование бедных жителей здешней бесплодной страны зависит единственно от охоты, и именно оленей (диких. - С.П.), доставляющих им пишу, одежду, а отчасти и жилище ..." (232, с.48).

К первому приходу русских (в 30-х годах ХУІІ в.) ккагиры по характеру занятий и образу жизни уже делились на пеших, или сидячих, и оленных, или кочевых (78, с. 12). Основным занятием пеших ккагиров оставались охота и рыболовство. Жили оседло. Большое значение в их хозяйстве играло ездовое собаководство. Собак было так много, что русские, например, Индигирку называли собачьей рекой.

Оленные ккагиры жили отдельными родовыми группами и, кроме оленеводства, занимались также рыболовством и охотой, вели кочевой, "тунгусский", образ жизни, были малооседлыми.

Например, в конце XIX в. ккагирское хозяйство в Индигирско-Колымском междуречье имело всего 10-20 оленей. Этого числа животных, разумеется, было совершенно недостаточно. Между тем оленей использовали исключительно как транспортных животных (для верховой езды и в упряжке).

Таким образом, оленеводство, хотя и существовало у ккагиров в XIX в., но было, по-видимому, еще недостаточно освоенным нововведением, привнесенным от тунгусских племен (239, с. 888). Как оседлое, так и особенно кочевое хозяйство ккагиров было весьма неустойчивым.

В середине XIX столетия из-за быстрого увеличения чукотских стад, а также интенсивной охоты прекратилась миграция диких оленей через реки Колыму, Большой и Малый Анны и Омолон. Это вызвало резкое ухудшение жизни ккагиров; экономика постепенно приходила в упадок, достигнув критической отметки в первом десятилетии XX в. (28, 30). В особенно тяжелом положении оказались безоленные ккагиры. Начались голодовки, эпидемии и вымирание людей. "Омолонские ккагиры в половине XIX в. вымерли с голоду, - писал В.Г. Богораз. - В 1897 г. я спустился по Омолону на плоте до самой Колымы. Ехал 17 дней. Сделал более 1000 верст. И встретил по пути 17 выморочных поселков. Совершенное царство мертвых ... А вот оленные чукчи и коряки, несомненно, в тех же XIX и XX веках умножились и разбогатели" (23, с. 29).

Уменьшению числа ккагиров в значительной степени способствовала также ассимиляция их теснящими с юга эвенками, отчасти якутами. Значительные группы ккагиров слились с чукчами и русскими. По переписи 1926-1927 гг. было учтено всего 443 ккагира, в 62 хозяйствах которых насчитывалось 1857 оленей (239, с. 885, 887). В дальнейшем все ккагиры стали пешими, так и не освоив новое для них занятие - оленеводство.

Коряки и ительмены. В настоящее время почти все коряки живут в пределах Корякского автономного округа Камчатской области.

Коряки делятся на две крупные группы: оседлых (приморских, приречных) охотников-рыболовов и кочевых оленеводов. Численность коряков, по данным переписи 1926-1927 гг., составляла 7434 человека, из которых кочевых было около 55% и оседлых примерно 45%. Оседлые коряки называют себя "нымло" (поселяне), а кочевые, как и чукчи, - "чаучу" (оленьевод), или "чавчывав".

В I тысячелетии до н.э. древнекорякская культура развивается в специализированную культуру морских зверобоев, характеризующуюся гарпунным комплексом и полуподземными жилищами. По ряду основных, специфических признаков культура эта отличается от эскимосских культур и оказывается во многом близкой с охотской культурой Курильских островов, Сахалина и северного Хоккайдо, а также с культурой Алеутских островов (53, с. 143).

Главным занятием коряков-нымло была охота на нерпу, белуху, кита, они занимались также рыболовством, добывали пушных зверей и птиц, на зиму заготавливали съедобные корни, ягоды, дикий лук. Жилищем почти всех приморских коряков служила полуземлянка, где, по замечанию Б.И. Михельсона, жились до 40 и более человек (50, с. 63). Транспортными животными у оседлых коряков были собаки, запряженные в нарты. Собак использовали и как жертвен-

ных животных, употребляя в пищу их мясо. В коряках-нымло можно видеть прямых наследников древнейшей неолитической культуры северной Камчатки и Охотского побережья (10, с. 952).

Коряки-оленьеводы исторически появились позже и в поисках пастбищ кочевали с одного места на другое, преодолевая большие расстояния. Морской промысел им был совершенно чужд, пушная охота являлась лишь подсобным занятием, рыболовство также не играло какой-либо роли.

Корякский фольклор повествует, что северные соседи коряков - чукчи нападали на них, угоняли оленей, захватывали в плен мужчин и женщин, особенно подростков - мальчиков и девочек, используя их затем в качестве пастухов для охраны оленьих стад. После удачного набега таких рабов насчитывалось по несколько десятков (10, с. 952). Таким образом, не только чукотские, но и корякские предания свидетельствуют о том, что чукчами оленеводство заимствовано у коряков. В исторических преданиях, относящихся к концу XIX в., говорится: "Коряки имеют большие стада, а чукчи ведут смешанное хозяйство: наполовину оленное, наполовину морское зверобойное" (51, с. 48).

Вопрос о происхождении оленьих коряков еще не ясен. Многие исследователи видят в них потомков приморских коряков, воспринявших оленеводство у соседей с юга - эвенков (10, с. 952) и эвенков (52, с. 137, 172).

"Интересно, - отмечает Р.С. Васильевский, - сообщение одного из первых исследователей Камчатки Г.В. Стеллера, который писал, что коряки своих западных соседей, ламутов, называют "куямку", т.е. всадники, потому что они ездят верхом на оленях. Сами же коряки передвигаются исключительно на нарте. Это свидетельство того, что упряжное оленеводство - изобретение более позднего периода" (51, с. 48). Однако более убедительные аргументы еще отсутствуют. Поэтому вопрос о времени и путях распространения оленеводства у коряков остается задачей дальнейших исследований. Пока можно заметить следующее. Развитие оленеводства у коряков своеобразно. Возникнув гораздо раньше, чем у чукчей, оно развивалось, соотносясь с местными природными и историко-экономическими условиями. Различали оленеводство крупностадное и мелкостадное. Первый тип оленеводства объединял большинство оленей. Характерно, что к началу XX в. небольшая группа оленеводов владела крупными стадами оленей, составлявшими до 80 % всего поголовья. Некоторые оленеводы имели по 2-3 стада с общим поголовьем до 10 тыс. оленей. Пастба стад, принадлежащих богачам, осуществлялась малоимущими и безоленными коряками, которые вынуждены были за пищу и одежду пасти стада своих хозяев (10, с. 954). Таким образом, появление такого вида богатства, как олень, и успешное развитие оленеводства, несмотря на самобитные условия, дало толчок резкому расслоению корякского общества и появлению первичной формы обмена, торговли. Образование олигархической оленеводческой верхушки и постепенная пауперизация кочевых масс привели к все более сильному обособлению оседлой и кочевой форм хозяйств коряков. Процесс превращения нымланов в чаучу, по-видимому, прекратился давно. Хозяйство нымланов продолжало иметь еще достаточно прочную основу. Морской и рыбный промысл обеспечивали людей продукцией первой необходимости. Остальное приобреталось в основном за счет обмена.

Второй тип оленеводства существовал у аляutorцев, самой значительной по численности (после чаучу) группы коряков, населявших обширную территорию Камчатского перешейка. Этот тип оленеводства возник несколько позднее первого (10, с. 954) и вовсе не представляет, на наш взгляд, часть смешанной формы хозяйства. Аляutorская группа, как и весь корякский народ, надо полагать, имела две обособленные формы хозяйства. Менее половины всех аляutorцев продолжало вести прибрежный, оседлый образ жизни. Занималось рыболовством и морским зверобойным промыслом. В качестве ездовых животных использовало собак. Остальная часть стала заниматься кочевым, оленеводческим хозяйством. В отличие от чукчей, ведущих смешанное хозяйство, аляutorцы-олeneводы не держали стада вблизи берега или селения. Они лишь дважды в год — весной и летом прикочевывали к берегу моря или рек, где встречались с оседлыми сородичами и вели совместную морскую охоту и рыбную ловлю. Оленьи стада в это время оставались на попечении пастухов — мужской молодежи из числа членов семей. Интересно заметить, что в остальное время года все члены семьи аляutorцев занимались оленеводством, тогда как в смешанных хозяйствах чукчей оленей выпасали молодые или старые члены семей, а все остальные занимались морским и рыбным промыслом и хозяйством, основанном на этом промысле.

Таким образом, и здесь мы имеем уже обособленные формы хозяйства, сохранившиеся до последнего времени. В приморских колхозах Корякского автономного округа ведущей отраслью хозяйства и по сей день остается рыболовство, подсобной — охота на морских и пушных зверей.

Как объяснить такую четкую дифференциацию корякских хозяйств? Известно, что формы хозяйства и быта северных народов зависели от наличия природных источников существования. Так, древние охотники, добывавшие мамонта, бизона, носорога и других крупных животных, вели оседлый, полuosедлый образ жизни. Позднее, с исчезновением крупных травоядных зверей, люди перешли к подвижной охоте на табуны лошадей, стада северных оленей и диких быков, приняв бродячий образ жизни. Упадок морского и рыбного промыслов, сокращение поголовья диких оленей вынуждали людей переключаться на другие места или сменять оседлую форму хозяйства на кочевую. В противном случае люди были обречены на верную гибель. Примеров на эту тему можно привести много. Последние из них описаны В.Г. Богоразом, когда он наблюдал вымирание юкагиров целыми поселениями в результате резкого сокращения поголовья диких оленей (28, с. 242; 30). Такая же участь в наши дни постигла канадских охотников-ихальмютов, описанных Ф. Моуэтом ("Люди оленьего края", 1963).

В условиях полной зависимости человека от природных условий причиной переселения людей или перехода их к другой форме хозяйства могло служить и перенаселение. В таких случаях запасы зверей и рыб истощались, населению не хватало пищи.

В прошлом коряков, очевидно, было много. Во всяком случае, С. Крашенинников (1737–1742 гг.) и Г. Стеллер (1740–1744 гг.), первыми описавшие Камчатку, считают, что в момент завоевания Камчатки на полуострове обитало 20–25 тыс. камчатского населения. Множество юртов встречалось буквально на каждой речке, даже самой маленькой. После нескольких губитель-

ных эпидемий и кровавых расправ с восставшими камчадалами число их уменьшилось в 10–15 раз (104, с. 118).

На огромной площади Охотского побережья, начиная от Тауйской губы до Камчатского перешейка, надо полагать, в прошлом обитало еще больше коряков. Данные многих корякских преданий подтверждают это (181, с. 83). В подобной ситуации (по причине перенаселенности) часть коряков могла принять оленеводство и перейти от оседлой, приморской формы хозяйства к кочевой. Коряки-олeneводы, постепенно отходя от берега, начали осваивать г. бинные районы. Развитие оленеводства, появление обмена с последующим вхождением капитала способствовали быстрому и резкому обособлению кочевой и оседлой форм хозяйства коряков. Мы далеки, конечно, от категорического утверждения сказанного. Вопрос весьма сложен и малоизучен, поэтому сказать здесь что-либо новое, достоверное пока очень трудно. Будущее покажет. А пока согласно со всеми остальными авторами склоняемся к мнению, что оленеводство коряков имеет тунгусское происхождение.

Предположение о возникновении чукотско-корякского оленеводства под влиянием тунгусов недавно было подтверждено археологическими данными о продвижении тунгусов на восток и их контактах с древними оседлыми коряками на побережье Охотского моря, что привело к появлению и обособлению оленеводческих корякских групп в XVI–XVII вв. (52, с. 137, 172).

Ительмены живут в непосредственном соседстве с коряками. Это, подобно юкагирам, остатки когда-то многочисленного населения полуострова Камчатки. К настоящему времени ительменов, более или менее сохранивших свои племенные признаки, осталось 730 человек (232, с. 8).

Вопрос о происхождении ительменов остается открытым. Археологические памятники полуострова изучены слабо. Они представлены полуподземными жилищами (11, с. 979). Однако отдельные авторы на основании сравнительного анализа культур ительменов и населения о. Формозы доказывают, что палеоазиатская группа народов (куда входят и ительмены) представляет собой дегенерировавшую ветвь патриархально-земледельческих народов, пришедшую с юга, которая лишь на новой своей родине сделалась (в силу климатических условий) охотниками, рыболовами, оленеводами и скотоводами. Современные осенние и зимние праздники у них сменили прежние праздники посева и жатвы (116).

Благодаря трудам С. Крашенинникова мы располагаем подробным описанием производства и социального строя ительменов первой половины XVIII в., когда они сохраняли еще свою самобытную культуру. В то время основным занятием ительменов было рыболовство. Вторым по своему значению занятием являлась охота. Единственным домашним животным у ительменов была собака. В позднейшее время на Камчатке распространилось упряжное собаководство, так называемого восточносибирского типа, но до середины XIX в. бытовала старинная ительменская нарта с двумя парами дугообразных копыльев и седлообразным сиденьем (11, с. 980). Таково было в общих чертах хозяйство ительменов в начале XVIII в.

Позднее ительмены использовали лошадей, но исключительно как вьючно-верховых животных для летне-осенних поездок на промысел и отчасти грузоперевозок. По сравнению с собакой роль лошади в хозяйстве ительменов была ничтожной.

В настоящее время ительмены объединены в рыболовецкие колхозы, где известное значение имеют также охота на морского зверя и пушной промысел. Как видно, ительмены исторически не были оленеводами, остались таковыми и по сей час.

Чукчи и эскимосы. Чукчи давно пришли на Чукотский полуостров и создали древнюю приморскую культуру. Как и когда появилась здесь эта культура, точно еще неизвестно. Можно лишь сказать, что ей предшествовала материковая культура бродячих охотников на северного оленя (175, с. 199-201).

Согласно современным преданиям чукчей, в недалеком прошлом они все были прибрежным народом и жили в основном морским промыслом. Об этом свидетельствуют религиозные жертвоприношения морю для удачи в промысле, праздник Кереткун'а — духа хозяина моря, праздник байдар, праздник голов, китовый праздник и т.д. Особым почитанием у чукчей пользовалась носовая доска — ээк, как самая важная по своему значению часть байдары. Ей приносили даже жертвы, смазывали жиром, клали на нее кусочки мяса и сала (87, с. 57).

Интересно заметить, что один из притоков Печоры носит название "Чукче", а на Таймыре есть сопка "Чукочья". По легенде, бытующей среди местного населения, название сопки связано с прибытием сюда чукчей со стороны моря. Все прибывшие были якобы перебиты, а последний из них пойман именно на этой сопке (184, с. 81). Если в легенде заложена хоть какая-нибудь доля истины, то такое дальнее путешествие могли совершить только отличные мореходы, морские жители.

О приморском образе жизни чукчей свидетельствуют также некоторые названия (30). Например, внутреннее помещение зимнего шатра называется "шкура полярного медведя", хотя в настоящее время чукчи делают свои спальные пологи из оленьих шкур. Ящик для инструментов у оленных чукчей носит название "вместилище из китового уса", и это несмотря на то, что сейчас оленеводы не используют китовый ус ни на какие поделки для домашнего хозяйства. Большие хозяйственные мешки из оленьих шкур до сих пор шьют по форме мешка из тюленьей шкуры, содранной целиком. Кроме того, в культуре чукчей можно найти много элементов, характерных для эскимосов, черты общности в эскимосском и чукотском языках. Антропологические данные также свидетельствуют об общей основе в формировании чукчей и эскимосов, об общности их образа жизни в недалеком прошлом (12, с. 399).

Следует особо подчеркнуть, что в религиозных верованиях и обычаях чукчей собака играет более важную роль, нежели олень. Это наглядно свидетельствует о раннем возникновении собаководства и более позднем появлении оленеводства у чукчей, ибо в данном случае культовое значение могло приобрести животное, разводимое человеком достаточно продолжительное время. Между тем известно, что ездовое собаководство возможно только в условиях оседлого быта, базированного на охотничьем промысле. В случае перехода людей к кочевому образу жизни оно быстро деградирует. А крупное оленеводство, напротив, связано с кочевым бытом и невозможно при бытовой оседлости. Отсюда ездовое собаководство и примитивное оленеводство в своем развитии несовместимы — одно из них в хозяйстве обязательно должно уступить место другому.

Наглядный пример этого мы наблюдаем у чукчей, где быстрое развитие оленеводства свело на нет роль ездового собаководства и резко изменило весь уклад жизни охотников. Уже во времена В.Г. Богораза собаки не имели никакого значения в хозяйстве и чукчи содержали их, исходя из одних лишь религиозных убеждений. Они говорили: "... русские напрасно удивляются тому, что мы держим так много собак. Собака — хранитель человека, сильная помощь во всяком несчастье, верный друг, оберегающий от злого начала" (30, с. 4). Олень в глазах чукчей не успел обрести подобной магической силы. Он вошел в их жизнь гораздо позже.

Добавим, что одним из последствий быстрого развития и возникновения крупнотабунного оленеводства явился широкий обмен между оленеводами и оседлыми охотниками на морского зверя. При этом продукты оленеводства, а порой и олени были важнейшим средством обмена. Лишь с их помощью оленеводы внутренних районов могли получать продукты морского промысла и другие товары (54, с. 147-156). Так среди чукчей появились оленеводы, которые обособились от морских охотников.

Из изложенного видно, что предки современных чукчей-оленеводов вели прибрежный образ жизни, занимались охотой на морских зверей и диких оленей, разводили ездовых собак. Отсюда, естественно, возникает вопрос: когда и каким образом возникло оленеводство у чукчей?

В.Г. Богораз высказал соображение о возможности того, что чукчи не получили от кого-либо готовый материал, а сами приручили местную породу оленя. В частности, он писал: "Не следует, однако, думать, что чукотское оленеводство является чем-то сравнительно новым, заимствованным, например, у коряков или даже у тунгусов" (26). Далее автор указывает, что в чукотском фольклоре тунгусы почти не упоминаются и что они по сравнению с чукчами малооценены.

В.Г. Богораз — известный крупнейший ученый, который провел большую работу по изучению хозяйства, быта, культуры и языка народностей Северо-Востока Азии. Ему трудно возражать. Однако А.Ф. Анисимов пишет: "Труды В.Г. Богораза, несмотря на всю их научную ценность, далеко не свободны от ряда существенных ошибок. В начале своей научной деятельности В.Г. Богораз являлся по своим теоретическим взглядам сторонником, правда не совсем последовательным, русской школы субъективной социологии. Это наложило сильный отпечаток на все его исследования: отсюда берет начало непонимание В.Г. Богоразом общественно-экономической формации и его эклектизм" (9, с. 106-107). Позднее ошибки эти признавал и сам автор.

В этой связи следует заметить, что приведенные выше соображения и доводы В.Г. Богораза построены в основном на одном фольклоре и малоубедительных деталях. Хотя чукотский фольклор, изобилующий бытовыми подробностями, и может дать ценные сведения, но, отдельно взятые, они оказываются не совсем близкими к истине. Во всяком случае, наличные исторические факты сейчас во многом не согласуются с ними.

Итак, могли ли чукчи самостоятельно приручить и одомашнить местных диких оленей? Каковы были условия для этого? Чтобы правильно ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего учесть, что чукчи до недавнего (исторически) времени вели прибрежный оседлый образ жизни и имели совершенное

ездное собаководство. Вместе с тем надо иметь в виду окружающие условия тундры и кочевой образ жизни оленей, особенно выраженный на севере. При оседлой жизни чукчи могли приручить только отдельные экземпляры оленей. Но возможно ли это сделать в тундре? Ответ один: нет. Кто хорошо знаком хотя бы с экологическими основами северного оленеводства, отрицать этого не может. Возьмем другой вариант. Допустим, что чукчи имели возможность одомашнить оленей целыми стадами, неотступно следуя за ними. Но, как теперь известно, чукчи восприняли кочевой образ жизни относительно недавно. Еще во времена В.Г.Богораза наблюдались комбинированные хозяйства чукчей, основанные на временном сосуществовании утасакующего собаководства и вытесняющего его оленеводства. За такой короткий период невероятно предположить одомашнивание диких оленей. К тому же исторически достоверно, что основой зарождения оленеводства у чукчей явились заимствование и военный захват. "Значительным толчком к развитию оленеводства чукчей, — пишет Р.Васильевский, — послужили чукотско-корякские войны XVIII в., во время которых чукчи захватывали стада корякских оленей" (51, с. 48).

Нельзя упускать из виду, что особенно трудно заниматься мелким оленеводством, тем более начинать его в окружении многочисленных стад диких оленей.

Как видно, всякие возможности одомашнить диких оленей у чукчей отсутствовали. Это несомненно, но а самое главное — не было на это в то время никакой необходимости. Живя на берегу моря и рек, чукчи в достатке обеспечивали себя рыбой и мясом морских зверей. В период миграции многочисленных стад диких оленей на переправах через реки (плавях) они добывали на мясо "дикарей" столько, сколько было необходимо.

Никак невозможно допустить, что в таких благоприятных условиях чукчи стали бы заниматься, по существу, излишним, к тому же очень трудоемким делом приручения и одомашнивания диких оленей. Очевидно, это свойственно не только чукчам, а в равной степени и кяагирам, и корякам, и чуванцам, и другим древним аборигенам тундровой зоны Азии, Европы и Америки. Следовательно, тундровое оленеводство вообще не может быть автохтонным, оно — в основе своей пришлое, заимствованное. Каждая народность, проживавшая в тундровой зоне, имела свои причины заимствования оленеводства. В частности, у чукчей они связаны с оскудением морского промысла, подорвавшим первичную оседлость на Чукотке. Это глубокий и давний естественный процесс, следствием утасания чукотской оседлости исторически оправданным и экономически неизбежным.

Самостоятельное приручение и одомашнивание животных, понятно, сопряжено, особенно в оленеводстве, с большими трудностями, преодоление которых занимает целые исторические периоды. Отсюда при автохтонности чукотского оленеводства это событие обязательно нашло бы свое отражение в народных сказаниях, чего, между прочим, мы не встречаем. Наоборот, многие предания о борьбе с коряками заканчиваются разгромом последних, неизменным захватом и угоном крупных стад оленей. В них часто говорится об исполнении мечты чукчей стать оленеводами, о их переходе на кочевой образ жизни, волшебно растущем мясе, оленьих ковриках для отдыха и т.д. (30, с. 23).

Военная добыча, а также интенсивная охота на многочисленных в то время диких оленей и максимальный естественный прирост домашних оленей явились первопричиной для быстрого развития и распространения оленеводства у чукчей. Вовсе не самостоятельное приручение и одомашнивание оленей положили начало чукотскому оленеводству.

Не только предания, но и данные лингвистики говорят в пользу заимствования оленеводства чукчами у коряков (о том, что обратного быть не могло, будет видно далее). Так, оленные коряки и чукчи одинаково называют себя "чауча", тогда как оба племени зовут друг друга по-иному. Пушица влажлиная (ценный весенний корм оленей) по-корякски и по-чукотски "кочап". Одинаковы также многие половозрастные названия оленей. Здесь следует особо учесть замечания В.Г.Богораза о нежелании чукчей усваивать чужие названия и предпочтении ими создавать собственные слова для новых предметов. Так, например, название муки в переводе означает "подобное порошку", водки — "дурная вода", чайника — "горлокотел" и т.д. (30, с. 11).

О возможном заимствовании чукчами оленей не только у коряков, но и у тунгусов свидетельствует упоминание о последних в чукотском фольклоре как об "оленном народе", в отличие от неоленных чукчей. Будь чукчи тогда оленеводами, они непременно назвали бы тунгусов иначе. Ведь называли же морские охотники своих оленных собратьев отличительным словом "чаучу" (впоследствии "чукча"), что значит "богатый оленями". А сами себя они называли "анкалнн", т.е. морской житель. Следует заметить также, что чукчи и коряки вместе с оленеводством восприняли у тунгусов и переносное жилище. До этого, как известно, те и другие жили в землянках.

Чукчи часто пользовались услугами тунгусов. По объяснению В.Г.Богораза, делали они это исходя из того, что их стада были полны более ценными ламутскими оленями, разведение и уход за которыми были известны ламутам гораздо лучше, чем кому бы то ни было (30, с. 150).

В пользу самостоятельного происхождения оленеводства у чукчей иногда приводятся такие доводы, как малооленность, различия езды на оленях, разность пород домашнего оленя у тунгусов и чукчей и т.д., но все эти доводы легко устранимы.

Истории известны примеры, как незначительное в начале поголовье оленей, попадая в благоприятные условия, быстро развивается и распространяется на огромной территории. Вспомним успех оленеводства на Аляске, в Европе — у зырян, в Азии — на о.Врангеля и т.д. Все это относится и к оленеводству чукчей.

Эвенки, очевидно, искони ездят на оленях верхом, тогда как чукчи стали пользоваться только нартами. Здесь мы вместе с А.Н.Максимовым (147) объясняем это тем, что прежде, чем перейти к оленеводству, чукчи были собаководами, и потому, усвоив оленеводство, они могли сразу же перейти к оленьей запряжке, минуя стадию верховой езды на олене, тем более что местность, занимаемая ими, благоприятствует такой упрямой езде. К тому же, как заметил В.Г.Богораз, чукчи чересчур тяжелы, а чукотские олени слишком малы для них, чтобы ездить верхом (28, с. 224).

Чукчи с самого начала создали крупнотабунное оленеводство, имели самостоятельную технику выпаса и разведения, иное использование оленей,

приведших в конечном счете к формированию отдельного (мясного) типа оленей. Разумеется, здесь играли роль не только хозяйственные интересы. Тому способствовали местные природные условия, особые пастбища, вольное скрещивание домашних оленей с дикими и т.д. Обо всем этом подробно сказано в нашей монографии — С.Б.Помилкин "Проблема породы и ее совершенствования в оленеводстве" (Якутск, 1981, 11).

Таким образом, чукотское оленеводство в конечном итоге представляется производным от тунгусского оленеводства. На этой точке зрения, впрочем, стоят почти все авторы, так или иначе сталкивавшиеся с вопросом об оленеводстве у чукчей и коряков (147, 235). Например, вот что по этому поводу пишут Г.М.Василевич и М.Г.Левин: "При всем различии чукотско-коряцкого и тунгусского оленеводства у них имеются и общие черты: пастба без собаки, бескровный способ кастрации, прохождение поводка справа, посадка на нарту справа и т.д. Существенно указать и на общность некоторых терминов, относящихся к оленеводству. Например, чукотско-коряцкое название для домашнего оленя-коранга (чукотское), хоянга (коряцкое) в своем корне (кор-хой) сближается с тунгусским названием для домашнего оленя — орон (ор-хор). Сближаются и названия яловой важенки вангхатхой (коряцкое), вангхай (эвенкийское), а также для тощего оленя тангхэхой (коряцкое), танга (эвенкийское)" (46, с. 83).

В.Г.Богораз считает чукотское оленеводство довольно старинной формой хозяйства, возникшей гораздо раньше ХУП в. (28, с. 226). Однако в другой своей работе он пишет: "Чукотские олени стада, вероятно, в начале не были весьма велики. Они стали возрастать в ХУШ веке ..." (26).

"Существует мнение, — сообщает В.Н.Скалон, — что принятие чукчами оленеводства относится к ХУП в., если это и несколько преувеличено, то все же явных доказательств древности оленеводства у этого народа нет" (235, с. 99). Присоединяясь к сказанному, заметим, что в исторических "Отписках" и "Челобитных" русских служилых и охотчих людей наличие оленеводства отмечено у коряков, чукчей, анаулов и ходынцев (две последние народности из чувано-ккагирской группы). Первая "Отписка" М.Стадухина о походе на р. Колыму относится к 1636 г., а С.Дежнева — к 1655 г. В этих документах отмечается наличие оленных и пеших, сидячих чукчей.

"В период открытия Чукотки русскими (ХУП в.) пастушеское чукотское оленеводство только еще зарождалось, количество оленей у чукчей было весьма незначительным, — пишет Р.С.Васильевский, — основными занятиями чукчей в это время были охота на дикого оленя и морских млекопитающих" (51, с. 48).

Забегая несколько вперед, отметим, что в Чукотском автономном округе целый ряд колхозов, ранее занимавшихся только морским зверобойным и пушным промыслом, сейчас имеют свои стада оленей.

Таким образом, здесь мы видим фактически давно закончившийся исторический процесс смены прошлого приморского образа жизни чукчей последующим оленеводческим. Очевидно, следует полагать, что процесс этот начался незадолго до прихода русских на Северо-Восток, затем он прослеживался во времена Богораз и позже. Так, рассматривая сведения об освоении северо-востока Якутии и Чукотской земли русскими, нетрудно убедиться, по словам В.Н.Скалона, что оленеводство в крае в то время было мало развито. Русские

в своих передвижениях пользовались лодками, лошадьми, собаками. К оленям транспорту прибегали так редко, что эти случаи так же, как вообще наличие оленей у некоторых племен, оговаривались особо (235, с. 99). Например, даже в 1741 г. известный исследователь берегов Сибири Д.Лаптев, выйдя с отрядом из Нижне-Колымска, вынужден был до Анадырского острога передвигаться на собаках, хотя на оленях это расстояние преодолить легче и быстрее (15, с. 6).

Слабое развитие оленеводства на северо-востоке Сибири во времена его покорения было одной из причин сказочной быстроты и легкости завоевания (необъятный край от Лены до Колымского устья и Охотского моря был покорен в какие-нибудь 18 лет). Пешие и собаководческие племена не имели таких транспортных средств, чтобы удалиться в глубь страны, недостижимую даже для большого количества подвижных казаков (235, с. 99). Ккагиров, чукчей, тунгусов и других русские встречали главным образом по берегам моря и рек, в жилищах стационарного типа и свободно облагали ясаком.

В 1895-1896 гг. В.Г.Богораз (30), участвуя в работе "Сибиряковской экспедиции", писал, что "в современной жизни оленных чукоч существуют некоторые следы прежнего уклада. Древние рассказы их наполнены приморским бытом и лишь в меньшей степени относятся к оленеводству. Их зимние жилища устраиваются таким же образом, как жилища приморских чукоч. Их семьи остаются на одном месте в течение трех или четырех месяцев, пока пастухи со своими стадами передвигаются от одного пастбища к другому" (30, с. 4). Нетрудно понять, что здесь речь идет о начальной стадии смены одной формы хозяйства другой. Лучшим тому подтверждением является наличие смешанного хозяйства у чукчей, проживавших далее к северо-востоку. Например, между бухтами Колычинской и Креста В.Г.Богоразом описано около 100 оленных становищ, почти половина которых получала часть своего пропитания от моря; они имели также упряжных собак, собственные кожаные лодки и пр. Сочетание оленеводства со зверобойным промыслом и ездовым собаководством возможно лишь в хозяйствах с укладом, еще не установившимся окончательно. Оно крайне не рентабельно и может бытовать лишь временно.

Южнее, между заливом Креста и р.Анадырь, тем же автором описано 60 становищ, многие из которых были малооленны, бедны и жили в основном за счет рыбного и тмленьего промысла. Они голодали "три года из четырех", тогда как многооленные семьи жили в довольствии. "А некоторые селения близки к исчезновению или совершенно исчезли, — в то же время отмечал В.Г.Богораз, — потому что все жители ушли внутрь страны и занялись оленеводством" (Там же). Таких селений он насчитал шесть. Поэтому не случайно уже в 1925 г. В.И.Мельников (153, с. 160) указывал, что лишь незначительная часть чукчей, кочующая к востоку от Большой реки, кроме небольших стад оленей, продолжает держать для перевозов ездовых собак. Остальная же часть занимается исключительно оленеводством. В отдельных хозяйствах насчитывалось до 6-7 тыс. оленей. Это уже были действительные "чау-чу" — богатые оленями.

Упадок морского промысла побудил быстрый переход приморских жителей к оленеводству, особенно начиная с 70-х годов XIX в. Хищническое истребление китов американскими китобоями явилось заключительным актом этого процесса.

Таким образом, на Чукотку оленеводство проникло несколько столетий назад и, очевидно, распространялось в местных тундрах на протяжении XVI-XIX

вв. (185, с. 70-71). К концу XIX в. из 12 тыс. чукчей уже 3/4 занимались оленеводством. Если эти данные несколько и неверны из-за трудностей учета в те времена, то все же большого отклонения от действительности они не имеют, ибо, по более точным данным 1926-1927 и 1939 гг., 2/3 чукчей составляли оленеводы-кочевники и только 1/3 - оседлые морские охотники (30; 232, с. 6).

Наконец, о молодости чукотского оленеводства свидетельствует и тот факт, что многие чукотские оленеводы до последнего времени нанимали на лето пастухов из тунгусов с целью научиться у них способам летней пастбы и перекочевки, верховой езде на оленях и т.д.

Таковы исторические и некоторые статистические данные, говорящие о позднем и пришлом происхождении оленеводства на Крайнем Северо-Востоке.

Небезынтересно проследить и последующее развитие чукотского оленеводства, подтверждающее наш вывод. Получив, как говорится, хороший разбег, оленеводство развивалось быстро, и чукчи вынуждены были пойти на расширение пределов своего обитания. На востоке они еще далее оттеснили эскимосов, а на юге от Сухого Аняа продвинулись к большому Аняю, а оттуда к рекам Олю и Омолону, потеснив местных обитателей - ламутов-эвенов. Так, они из тундры попали в лесотундру, в места менее благоприятные для оленеводства. Ясно, что это носило вынужденный характер. На юго-востоке чукчи населили на пенжинских и олиторских коряков. Остальные кочевники перекочевывали на запад, в пределы Якутской обл.

В исторических донесениях русских служилых людей первое упоминание о чукчах-оленеводах, кочевавших между Алазеей и Колымой, относится к 1641-1642 гг. В 1650-1660-х годах чукчи продолжали кочевать в Большой, или Халерчинской, тундре. В дальнейшем упоминания о колымско-алазейских чукчах исчезают из документов. Предполагают, что западные чукчи ушли из Большой тундры, опасаясь эпидемии оспы, свирепствовавшей здесь в начале 1690-х годов, или вымерли от нее. В начале XVIII в. чукчи снова приблизились к Колыме. В середине XIX в. они стали кочевать по Омолону и подошли к низовьям Колымы. Торговый старшина Нижне-Колымска в одном из своих донесений сообщил, что начиная с 1850 г. чукчи стали появляться в Нижне-Колымске и торговать с русскими и что их стойбища стали располагаться неподалеку от русских селений на Колыме. В 1859 г. чукчи переправились на западный берег Колымы, а в 1866 г. получили официальное разрешение якутского гражданского губернатора кочевать между Колымой и Индигиркой. В 70-х годах чукчи перешли Алазею и появились недалеко от Индигирки, в пределах Верхоянского округа. В 1879 г. на территории Колымского округа насчитывалось 425 чукчей обоого пола, а в 1897 г. - 1558. Поголовье оленей к этому времени (1894 г.) составляло 12 020 голов (14; 78, с. 189-191).

В дальнейшем поголовье оленей у чукчей неуклонно увеличивалось. Официальные данные о численности оленепоголовья на Чукотке относятся к 1926-1927 гг. Приполярная перепись, проведенная в эти годы, определила численность оленей у чукчей - в 604 076 голов (243, с. 17). К этим цифрам, конечно, следует относиться критически, однако они ясно свидетельствуют о бурном подъеме оленеводства на Северо-Востоке за относительно короткий срок.

Таков исторический путь развития оленеводства у чукчей.

Процесс заселения крайнего Северо-Востока весьма своеобразен. Первые археологические раскопки, проведенные здесь сначала в 1910-1911 гг. В. Михельсоном, а затем уже в наше время М.Г.Левиним, С.И.Руденко и А.П.Окладниковым, дали ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко недостаточный для воссоздания целостной исторической культуры. Только в последние годы предприняты широкие поиски следов древних обитателей, открыты до сих пор неизвестные во всем этом регионе древние культуры (88). От залива Лаврентия до Амгузмы сейчас обнаружено множество древних стойбищ и могильников. Найденные материалы убеждают, что предки эскимосов обитали в этих местах еще 2 тыс. лет назад (16).

В районе Берингова моря эскимосы предшествовали чукчам и корякам. Со временем эскимосы - это потомки внутриконтинентальных охотников, пришедшие когда-то из более южных областей Азии. Об этом неопровержимо свидетельствуют антропологические данные, указывающие на то, что эскимосы являются типичными монголоидами (91, с. 19). Преследуя стада диких оленей, они некогда вышли к побережью и постепенно приспособились к жизни у моря. В прошлом эскимосы имели более широкое расселение - на запад до Анадыря и на север до Чаунской губы. На это указывают многие данные: топонимика, остатки подземных жилищ, археологические предметы и т.д. (154, с. 934). Эскимосы создали особую культуру арктических охотников на дикого оленя и морского зверя. Основным средством их передвижения служили кожаные лодки - летом ездовые собаки - зимой. Эскимосы и до наших дней в основном остались охотниками и собаководами. Лишь некоторые из них в начале нашего столетия завели свои стада оленей, да и тех отдавали на выпас своим приятелям из чукотской среды (135; 28, с. 243). Однако на Аляске с конца прошлого века оленеводством занимаются почти исключительно эскимосы. Исторически эскимосы совсем чужды оленеводу, начавшие заниматься оленеводством в наше время.

4. Современное поступательное движение оленеводства

Оленеводство имеет исторически продолжающееся движение из Саян в северо-западном и северо-восточном направлениях, которое, между прочим, наблюдается и понныне. Так, например, на Аляске оленеводство возникло в конце прошлого столетия. "Северный олень", - писал в своем докладе губернатор Аляски Броди, - спасение для северных жителей" (166, с. 38). Однако инициатива завоза животных на Аляску принадлежит доктору Джексону, который во время плавания в северных водах в 1890 г. обнаружил, что в Сибири на восточных берегах Берингова моря туземцы вели независимый образ жизни благодаря стадам домашних оленей, тогда как соседние американские эскимосы с трудом боролись с ожидающей их каждый раз голодной смертью, находясь всецело в зависимости от рыболовства.

Для покупки оленей было собрано 2146 долл. 21 сентября 1891 г. на остров Атакпак, в гавань Уналяску, с Чукотки завезли первых 16 оленей. Через год поголовье животных удвоилось, но остров оказался малоприспособленным для развития оленеводства. В 1892 г. Ш.Джексон снова перевез из Сибири в порт Кларенс 171 оленя и основал Теллеровскую станцию оленеводства. В 1893 г. перевезено 127, в 1894 г. - 120, в 1895 г. - 123, в 1902 г. - 30

голов оленей. В дальнейшем на американский континент оленей практически не завозили. Общее количество импортированных из Сибири животных равнялось 1280 головам (57, с. 160; 124, с. 300). Первоначально оленеводством занимались почти исключительно эскимосы. В 1899 г. на Аляске было 9 стад, в которых насчитывалось 2837 оленей, в 1901 г. имелось уже 4164 оленя. Рост оленепоголовья показан в табл.1 (по: Ф.Я.Гульчаку, 1954, с. 19).

К 1931 г. поголовье оленей возросло до 700 тыс. голов. Наибольшего развития оленеводство на Аляске достигло в 30-х годах нашего столетия, когда насчитывалось около 1-1,5 млн голов оленей и ежегодно в США вывозилось до 1 тыс. т оленьего мяса, 20 тыс. шкур общей стоимостью до 200 тыс.долл. (2, с. 21).

В качестве иллюстрации быстроты размножения северных оленей на Аляске приведем такой пример. В 1901 г. американское правительство одолжило лапландцу А.Нилима 24 оленей-самцов и 75 оленей-самок. В 1906 г. Нилима вернул всех 99 оленей, оставив себе приплод. В 1908 г. он разделил свое стадо в 800 голов со своей женой, оставив себе 400 оленей. По мере роста стада Нилима нанимал пастухов, производя с ними расчет оленями. В 1914 г. он продал свое стадо, насчитывавшее к тому времени 1200 голов. В 1917 г. его прежние пастухи продали 1717 оленей и в 1921 г. - еще 1606 оленей. Все это количество являлось приплодом от основных 99 оленей (57, с. 161).

Т а б л и ц а 1

ДИНАМИКА ПОГОЛОВЬЯ СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЕЙ В АЛЯСКЕ С 1905 ПО 1930 Г.

Годы	Количество оленей, тыс. голов	Увеличение за 5 лет (абсолютное число)
1905	10	-
1910	27	17
1915	70	43
1920	200	130
1925	350	150
1930	600	250

Правда, Ф.Я.Гульчак по этому поводу выражает свое сомнение. Он пишет: "Если тщательно проанализировать приводимую в американских отчетах динамику роста поголовья северных оленей завезенного на Аляску небольшого стада, то легко убедиться в том, что путем естественного размножения получить такое поголовье невозможно. Закупленное (вернее, награбленное) у русских чукчей поголовье было значительно больше, чем показано в официальной американской статистике" (75, с. 19).

Однако отрицать былой расцвет оленеводства Аляски не приходится. С 1914 г. оленями заинтересовались капиталистические фирмы, ставшие вскоре хозяевами аляскинского оленеводства. Подавляющее большинство стад находилось во владении "короля" американского оленеводства Ломена и подконтрольных ему фирм. В 1914 г. компания Ломена вложила в фирму 750 тыс.долл. основного капитала, который к 1930 г. возрос до 4,8 млн долл. Никто не

знал, сколько оленей имел Ломен. В 1924 г. он заявил, что имеет 40 тыс. голов, выросших из исходных 8,7 тыс. В 1932 г. компания Ломена обаявила, что она имеет 260 тыс. оленей (1, с. 86; 56, с. 95).

Однако развитие коммерческого оленеводства вскоре пошло на убыль. Скотоводческие и мясопромышленные монополии США всячески препятствовали распространению оленины на рынках США. Отдельные штаты запретили ввоз оленины. К тому же на развитие товарного оленеводства сказались тяжелые транспортные условия. Краткость навигационного сезона, отсутствие оборудованных портов на севере и западе Аляски, нехватка береговых и судовых холодильных устройств, отдаленность от рынков сбыта - все это осложняло вывоз оленины и повышало ее себестоимость. Когда оленеводство Аляски перестало приносить доходы, фирмы потеряли к нему интерес (2, с. 21-22). Началось резкое сокращение поголовья оленей, годовая численность которых (по различным источникам) составляла:

Годы	Количество оленей, тыс. голов
1939	313
1940	252,5
1941	205
1942	160
1949	27,9
1967	60

В последние годы количество домашних оленей на Аляске составляло около 40 тыс. голов (Бороздин Э.К., 1979, с. 37). Правительство США разработало десятилетний план развития оленеводства, создало специальный Консультативный совет по оленеводству. Намечено довести поголовье оленей до 75 тыс., при этом отрасль станет рентабельной, доход составит около 5 млн долл. в год.

По примеру Аляски в Канаде с начала нынешнего века неоднократно (в 1907, 1911 и 1921-1924 гг.) делались попытки развития оленеводства. Для начала было ассигновано 50 тыс. долл. Однако лишь в 1935 г. удалось перенести с Аляски 2400 домашних оленей и начать их разведение в дельте р. Макензи. В 1942-1950 гг. здесь был достигнут максимальный размер стад - до 10 тыс. оленей, затем стада стали сокращаться. Основная причина этого - огромные потери оленей из-за плохого ухода за животными в условиях свободного выпаса. За 1938-1958 гг. из стад в период сборов не вернулось более 17 тыс. оленей, или в среднем от 10 до 30% поголовья в год (3, с.158). Таким образом, несмотря на значительные резервы оленьих пастбищ (которые могут прокормить 85 тыс. голов), ожидаемые результаты в развитии оленеводства здесь еще не достигнуты. В 1947 г. в Канаде имелось 6 тыс. оленей, а в 1967 г. - около 9 тыс. Планируется довести поголовье до 30 тыс. животных. Такое стадо, по подсчетам канадских специалистов, должно ежегодно давать 450 т мяса общей стоимостью более 300 тыс. долл. Оленеводство должно стать доходным и сможет возмещать планируемые государственные субсидии в размере 326 тыс. долл. Другие сведения пока отсутствуют.

В 1882 г. по инициативе доктора Дыбовского 25 домашних оленей были

завезены на Командорские острова, где они дали потомство до 1000 голов. Но в результате японского вторжения олени были истреблены и лишь в 1927 г. восстановлены (в системе зверосовхоза) путем ввоза корякских оленей (198, с. 65; 230, с. 40).

Остров Врангеля. Завоз домашних оленей сюда впервые был осуществлен в 1947 г., но из 15 завезенных оленей большинство погибло. Завоз повторили в 1948 г., когда на самолете было переброшено 40 домашних оленей. В следующем, 1949 г. на ледоколе "Микоян" перевезено еще 50 оленей. Олени завезены из Рыркайя и с мыса Биллингса. В общей сложности на остров доставили около 150 домашних северных оленей. Несколько десятков оленей завезли также в 1967-1968 гг. В 1956 г. численность животных составила 605 голов. За следующие 10 лет средний прирост стада с учетом расхода составил 12,8, и к 1969 г., по отчетным данным совхоза "Пионер", на острове было 3638 оленей. В 1978 г. эта цифра удвоилась. Таким образом, за три десятка лет численность оленей на о. Врангеля возросла почти в 40 раз. Этому способствовали хорошие кормовые условия, сравнительно благоприятный климат, отсутствие гнуса и хищников, вольный выпас и т.д. В настоящее время на острове организован заповедник. Теперь возьмем Северо-Запад. Начнем с о. Колгуева. Здесь оленеводство возникло сравнительно недавно, во второй половине XIX в., за счет поголовья, привезенного ненцами из Канино-Тиманской, а в дальнейшем - из Малоземельской тундры (93, с. 215).

До последнего времени не было оленеводства и на о. Новая Земля. После того как привезенные в 1928 г. с о. Колгуева первые 72 оленя сравнительно благополучно перезимовали на п-ве Гусиная Земля, в 1929 г. сюда завезены еще 80 оленей, а в 1930 - 241, в 1933 - 211 голов. Всего завезено 604 колгуевских оленей. В 1933 г. часть стада в количестве 368 голов была перебрана на Карскую сторону Новой Земли, и на Гусиной Земле осталось 406 голов. В 1936 г. в гусиноземельском стаде числилось 973 оленя (4, с. 71).

В 1897-1898 гг. американцы закупили около 2 тыс. домашних оленей в Печорском у. Архангельской губ., но провоз был трудным, животные не выдержали транспортировки и погибли (166, с. 38). Однако затем 144 лапландских оленей все-таки были завезены на Аляску.

В 1909 г. в Канаду, в северную часть Ньюфаундленда и в южную часть Лабрадорского полуострова, впервые было завезено 300 северных оленей из Норвегии. К 1914 г. поголовье возросло до 1500 оленей. Первый опыт оказался вполне удачным. "Инициаторы дела ставили себе целью обеспечить область мясом, молоком и средствами передвижения, имея в виду заменить оленями собак, что и было достигнуто на практике ... Во время мировой войны первая оленеводческая ячейка зачахла, большинство поголовья было истреблено, и по окончании войны с трудом удалось собрать остатки бывшего стада в количестве 130 голов, которые и были переселены в государственный заповедник на о. Антикости, где они вновь и размножились" (148, с. 120-121).

В Дании были попытки разведения оленей на острове Ром и в Шлезвиг-Гольштейнии. На о. Ром, богатом ягельниками и непригодном для сельского хозяйства, было создано специальное общество по разведению северных оленей, на средства которого была завезена в 1912 г. из Норвегии первая партия в количестве 12 голов. Олени на острове хорошо прижились и начали размножаться.

Однако вследствие продовольственных затруднений, вызванных первой империалистической войной, население вынуждено было всех оленей перебить на мясо. В Шлезвиг-Гольштейнию было завезено также из Норвегии на свободные лесные пространства, богатые ягельниками, 100 голов северных оленей. Но участки, избранные для разведения северных оленей, оказались без естественных источников воды. В результате все олени погибли. К 1927 г. на о. Ром осталась всего лишь одна пара оленей, а во всей Дании через 14 лет после начала разведения оказалось не более 20 оленей (цит. по: Ф. Гульчак, 75, с. 18).

В 1952 г. из Северной Норвегии в Гренландию завезено 262 домашних оленей, которых к концу 1955 г. насчитывалось 645, а в 1956 г. - 868 голов (1, с. 241; 2, с. 23).

На начало 1967 г. в Гренландии насчитывалось 5 тыс. оленей, в 1976 г. - 10 тыс. Из них примерно 70% составляют собственность государства, остальные принадлежат эскимосам и датчанам.

Скандинавские олени завозились и в Шотландию. Например, в 1816 г. герцог Атолл завез несколько оленей на Оркней. В 1820 г. 200 оленей были завезены в горную страну Пентланд, которые, однако, постепенно вымерли. Якоби полагает, что это не было результатом недостаточного внимания или отсутствия подходящих условий, а явилось следствием конкуренции с большим числом благородных оленей, населявших эту зону (272, с. 117-118).

В 1949 г. в Англии был учрежден Оленеводческий совет, деятельность которого заключается в разработке и осуществлении мероприятий по разведению северных оленей в пригодных для оленеводства областях Шотландии. В 1951 г. по ходатайству совета английское правительство разрешило ввезти из Швеции в горные части Шотландии и острова 25 оленей. В 1952 г. это решение было реализовано: завезено 14 важенков, 1 самец и 3 кастрата (56, с. 102-103).

В заключение заметим, что, как бы достигнув крайней границы своего распространения на Севере (северо-востоке и северо-западе), домашние олени переходят теперь в Субантарктику. Так, первые опыты поселения северных оленей на о. Южная Георгия были предприняты Норвежскими китобоями. Всего сюда завезено 23 оленя: в 1909 г. - 11, 1911 г. - 5 и в 1925 г. - 7 животных. К 1928 г. стадо завезенных оленей возросло до 400-500 голов (103, с. 104).

И, наконец, последний раз в 1954 г. из Лапландии на о. Кергелен (49° ю.ш., Индийский океан) завезены 4 домашних оленя. Олени прибыли в хорошем состоянии. Дальнейшая судьба их неизвестна (56, с. 103).

Итак, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) ныне наблюдаемое движение оленеводства в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях Евразии и далее является продолжением исторического распространения этой культуры с юга на север;

2) в настоящее время все оленепригодные земли заняты оленеводством, следовательно, дальнейшее движение оленеводства на север Евразии и далее можно считать завершенным.

Глава V

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОЛЕНЕВОДСТВА (некоторые биологические аспекты)

Биологические положения нижеприведенных научных материалов изложены нами в различных источниках. И если подойти к ним с точки зрения рассматриваемой здесь культурно-исторической проблемы, то суть их можно установить в следующем.

Исторический аспект интродукции и акклиматизации оленей.

История движения оленеводства на север, северо-восток и северо-запад Евразии и далее показывает, что домашние олени легко акклиматизируются при перемещении их в иные климатические зоны. Они не приживаются лишь в крайне тяжелых условиях. Например, сто голов оленей, завезенных в Шлезвиг-Голштинию (Дания), поголовно погибло из-за отсутствия естественных источников воды, а 200 оленей, переведенных в горный Пентланд (Шотландия), вымерли, не выдержав кормовой конкуренции с большим числом благородных оленей. На о. Южная Георгия (район Лейт Барбур) олени, начавшие успешно размножаться, в одну снежную бурю погибли, загнанные ветром в море (75, с. 18; 272, с. 117-118; 103, с. 104). Хозяйственно-экономические причины сдерживают успешное развитие оленеводства на Аляске и в Канаде (2, с. 21-22). Бывало и такое, когда из-за трудного положения, например во время войны, местное население истребляло всех оленей на питание.

При отсутствии подобных причин (в основном антропогенного характера) и проявлении необходимой заинтересованности оленеводство почти повсюду, как мы уже знаем, хорошо развивается. Так было с аляскинским, зырянским, чукотским оленеводством и оленеводством других регионов. Увеличение поголовья стада вынуждает расширять площади кочевья. Это случилось, например, в 1867 г. с чукотским оленеводством, когда кочевья расширились и заняли даже тундру между Колымой и Индигиркой.

В наше время возможности успешного развития оленеводства на новом месте подтверждают вышеприведенные примеры завоза оленей на о. Врангеля. Известно немало и других фактов дальнего и ближнего перемещения (перевоза и перегона) оленей, причем крупными стадами. Так, по сведениям Э. Шмидта, работавшего на Колыме в 30-х годах, в Верхнеколымский р-н поступали олени с Омолона, Олоя и от тундровых ламутов (Друри И.В., 1935). В Алданский р-н в 1926 г. из хозяйств Оленки якутским комитетом Севера было направлено 400 оленей (Акимов Т., 1927). Большое поголовье оленей из Оленекского, Горного и Сыккырского р-нов перегонялось сюда и в последующие годы. До организации колхозов наблюдалось большое передвижение оленей в Оленекский р-н. Олени стада перегонялись с Анабары, Хатанги, Таймыра и сопредельных районов Эвенкийского автономного округа, а также некоторых южных и восточ-

ных районов Якутии. В 1931 г. для вновь организованного северного совхоза "Булунский" было пригнано 5 тыс. анабарских и большая группа вилуйских оленей. В то же время много местных оленей перегонялось в южные районы республики. Так, в 1940 г. совхоз "Булунский" продал колхозам Томпонского р-на более 2000 оленей, в 1946 г. - 1300 оленей было перегнано в Аллаховский р-н, а через два года еще одно стадо переведено в Хиганский р-н. Много булунок оленей попало в Верхоянский и Саккырский р-ны, на Эге-Хая, Джугдур и т.д. В годы Великой Отечественной войны около 3000 оленекских оленей перегнано в Горный р-н. Но самое значительное передвижение оленей наблюдалось в 1930 г., когда из Анабарского и Хатангского р-нов в южные р-ны Якутии было угнано около 30 тыс. оленей (П. Устюгов, 1931). Подобная картина наблюдалась не только в Якутии. Она имела место на востоке и западе Советского Севера (И.М. Исачиков, 1930; В. Телишев, 1930; Г. Васильевич, 1931; В.Н. Скалон, 1931; И.И. Небыков, 1940; А.А. Кирпичников, 1953; С.М. Друри, 1956; А.Н. Сеталь, 1962; и др.). Но для нас здесь важно отметить, что при правильно организованной интродукции олени могут легко и быстро акклиматизироваться, а оленеводство - интенсивно развиваться. При этом, помимо соответствующих природно-хозяйственных условий, успешной акклиматизации оленей способствуют их биологические (высокоприспособительные) особенности.

Стадный образ жизни, подвижность, относительно небольшой рост и размер тела, свойство шерстного покрова, специфическое строение конечностей, особенности питания, способность к быстрой наживровке и обильному отложению подкожного жира на зимний период, сезонность в размножении, плодовитость, интенсивность роста молодняка и т.д. представляют собой характерные признаки приспособления оленя к жизни в суровых условиях севера.

При акклиматизации в суровых климатических условиях важнейшей является приспособленность оленей к низкой температуре, питанию ягчем и его добыванию. Шерстный покров оленя образуется длинной и толстой остью и скрытым ею мягким и нежным пухом. Остевые волосы состоят из крупных, сильно вакуолизированных ороговевших клеток, что делает шерсть оленя легкой и малотеплопроводной. Шерстинки составляют 25-30% покрова, слегка завиты и благодаря этому настолько плотно прилегают одна к другой, что образуемый ими теплоизоляционный слой воздуха непроницаем для ветра. Если сравнить: он обеспечивает теплоизоляцию в 7 кло, а мех белки - всего в 2,5 кло. Мех служит оленю не только прекрасной защитой от мороза, но и предохраняет организм от охлаждения под дождем, мокрым снегом и даже в воде.

Зимой шерстный покров дополняется мощным слоем подкожного жира. При приспособлении к суровым природным условиям, олени выработали способность быстро откармливаться за короткий летне-осенний период. Это помогает им благополучно перезимовать. Подкожный жир хорошо защищает и внутренние органы от потери тепла и охлаждения. К тому же хорошо приспособленная к воздействию низкой температуры кожа оленя в большей своей части лишена потовых желез. Носовая полость позволяет оленю сохранять до 70% тепла и 80% влаги в процессе дыхания при низких температурах. Минимум потерь тепла у оленя наблюдается при температуре воздуха +18 °C, а при -20 °C потери тепла возрастают всего лишь на 11,4%. Специфична адаптация к холоду и

легких оленя. Как известно, в легких млекопитающих при окислении жиров выделяется тепло. В процессе эволюции в экстремальных условиях обитания у оленей появилась третья доля легких – дополнительная "печка", согревающая тело изнутри. Все эти свойства организма оленей позволяют им свободно выдерживать морозы до 62 °С.

Характерной особенностью северных оленей, отличающей их от всех домашних животных и от других представителей семейства оленьих, является их приспособленность к питанию лишайниками (ягель). Это углеводистый корм с ничтожным содержанием ценных минеральных элементов и азотистых веществ при почти полном отсутствии витаминов. Но, несмотря на кажущуюся несъедобность и малоценность, "ягель для оленя является в высшей степени подходящим и питательным кормом. Пищеварительные органы оленя позволяют ему чрезвычайно полно перерабатывать и усваивать эту своеобразную пищу, чего не в состоянии делать никакое другое животное" (228, с. 10). Углеводистая часть ягеля (БЭВ и клетчатка) переваривается оленем на 80–90%, тогда как овцами и рогатым скотом – не больше чем на 40–50%, а свиньями ягель вообще не переваривается.

Лишайники (ягель) широко распространены в тайге и тундре, где порой (особенно зимой) они представляют единственный вид корма. Особая приспособленность к питанию лишайниками позволила оленям, в отличие от других домашних животных, легко и широко проникнуть с юга на север Евразии и далее.

Питание ягелем во многом определяет не только строение пищеварительных, но и ряда внешних органов, особенно конечностей. Так, работа оленя по добытию подснежного корма проводится передними копытами, которые имеют крепкое строение и широкую округлую форму с острыми краями. Передние копыта всегда больше задних. Средние пальцы копыта очень подвижны и способны широко раздвигаться, образуя большую поверхность опоры, которая дополнительно увеличивается за счет хорошо развитых, касающихся земли копыт добавочных пальцев. Благодаря такому строению конечности весовая нагрузка на площадь опоры приблизительно 140 г/см². Для сравнения: у лося – 560 г, у лошади – 1–2 кг, т.е. у лося больше в 4 раза, а у лошади – в 14 раз. Это дает возможность оленям проходить, не проваливаясь, по топким болотам или глубокому, едва слежавшемуся снегу. "Ни пересеченность рельефа местности, ни обширные болота, ни густая сеть речек, ручьев и озер, ни глубокие снега – ничто не является преградой для северного оленя. Жизнь в тундре и тайге выработала у северных оленей чрезвычайную приспособленность к свободному и быстрому передвижению в любой, иной раз, казалось бы, совершенно непроходимой местности" (99, с. 13). Все это свидетельствует о высокой проходимости оленей, для которых почти нет преград при движении в тайге и тундре в любом направлении. Этим во многом и объясняется возможность исторического поступательного движения оленеводства (в отличие от других отраслей) из Саяно-Алтайского центра на север, северо-запад и северо-восток Евразии и далее.

Говоря о высокой акклиматизационной способности северных оленей, следует особо подчеркнуть их пластичность, способность приспосабливаться к различным местам обитания. В подтверждение можно привести такой красноре-

чивый факт: "Иное, чем в северном полушарии, распределение времен года вызвало некоторые изменения в биологии оленей. В Норвегии гон начинается в конце сентября и продолжается 3–4 недели. Отел происходит около 1 мая. У оленей, завезенных на Южную Георгию, гон проходит в марте, а отел в октябре–ноябре. С другой стороны, линька у оленей в Норвегии начинается в июле или августе, а у оленей на Южной Георгии – в феврале" (103, с. 104).

Поразительная экологическая пластичность оленей, их высокая приспособляемость подтверждаются нашими научно-производственными опытами по перевозу тофаларских оленей из Восточного Саяна (Нижеудинский р-н Иркутской обл.) в Томпонский р-н Якутской АССР и по перегону чукотских оленей из Нижнеколымского р-на в Булунский р-н ЯАССР.

К месту назначения тофаларских оленей везли на самолетах – более 5000 км, на автомашинах – 300 км, а дальше – гоном. Все условия воздушной транспортировки они перенесли нормально, заметных патологических отклонений в организме животных не наблюдалось. Так же благополучно животные перенесли перевозку на автомашинах. Проведенный опыт показывает, что при создании условий, соответствующих их привычным требованиям, тофаларские олени (несмотря на далеко южное происхождение) могут хорошо акклиматизироваться в более суровых северных условиях. Тофаларские олени завозились в Якутию и в последующие годы они эффективно использовались для скрещивания с местными эвенскими оленями.

Благополучен также опыт перегона стада харгинов (чукотских оленей), которое в октябре 1971 г. Приморское ОПХ Якутского НИИ сельского хозяйства приобрело в совхозе "Нижнеколымский" ЯАССР. Стадо (1000 голов) преодолело расстояние более 3 тыс. км. Это был первый продолжительный перегон стада оленей в условиях тундры. В пути встречались различные трудности. Незнакомые места, частые пурги, глубокий снег, а также организационные неполадки задержали перегон стада более чем на полтора года. В пути дважды проходил отел.

После перегона экспериментальное стадо харгинов имело лучшие производственные показатели: сохранение взрослого поголовья составляет 97–98%, деловой выход телят – 86–91%. В настоящее время совхоз "Приморский" (бывшее ОПХ ЯНИИСХ) является основным поставщиком племенных оленей харгинов.

Итак, опыт по интродукции тофаларских (чисто таежных) и чукотских (сугубо тундровых) оленей на сверхдальние расстояния путем перевозки первых с крайнего юга на северо-восток страны, а вторых – путем перегона с востока на запад по арктической тундре Якутии подтверждает вывод о том, что домашние северные олени отличаются исключительно высокой акклиматизационной способностью и могут разводиться в различных условиях Севера.

Особо следует подчеркнуть, что тофаларские олени происходят из Саян, т.е. из мест, откуда предполагается движение оленеводства на север Евразии. Примечательно, что они экспериментально повторили пройденный путь своих древних сородичей. И это подтверждает возможность успешной интродукции и акклиматизации на севере оленей южных широт.

Подытоживая изложенное, следует констатировать, что при благоприятных природно-климатических и хозяйственно-экономических условиях олени могут хорошо акклиматизироваться, а оленеводство успешно развиваться во

многих регионах Северной Евразии и Северной Америки. Тому способствуют биологические особенности – высокая приспособляемость оленей к экстремальным условиям тайги и тундры. Таким образом, сочетание интересов человека (как следствий какой-либо определенной причинности) и биологических особенностей оленей (отличающих их от других животных) позволило исторически распространить оленеводство как культуру на север Евразии и далее.

Доместикация оленей – продолжительный исторический процесс. В главе II, рассматривая вопросы доместикации, мы показали полемику исследователей по поводу одомашнивания оленей и отличия домашнего оленя от дикого. Продолжая дискутировать, приведем обобщенные результаты научных работ, проведенных различными исследователями. Одни доказывают резкое различие не только между диким и домашним оленями, но и между оленями различных пород. Интересно, что существенно отличаются друг от друга дикие и разные породы домашних оленей одного естественнопроизводственного региона. В частности, это подтверждает проведенное нами сравнение биолого-продуктивных особенностей тундровых диких и домашних оленей Якутии. Оно показывает, что чукотские олени харгины выгодно отличаются от Якутии. Оно показывает, что чукотские олени харгины выгодно отличаются от местных диких и домашних эвенских оленей меньшим содержанием в мясе воды и большим количеством сухого вещества, особенно жира. Отсюда выше и калорийность их мяса. Лучше также показатель минерального состава мяса. Худший качественный состав мяса наблюдается у диких оленей. Домашние эвенские олени занимают промежуточное положение. Местные охотники и оленеводы по вкусовым свойствам и пищевой ценности положительно выделяют мясо домашних оленей, отдавая при этом предпочтение мясу чукотских оленей харгинов.

Следует отметить, что убойный выход составляет у диких оленей 47–48%, эвенских 50%, чукотских 53–55%. Средний индекс мясности у важенков соответственно: 5,5 – 5,8 – 7,1, в том числе мяса: 5,1 – 5,2 и 6,3. Такая же у телят. Совершенно различны химический состав и калорийность мяса домашних и диких оленей. Например, калорийность мяса важенков равна у диких оленей 1358 ккал, эвенских 1521 ккал, чукотских 1705 ккал, что свидетельствует о разной жирности и сочности мяса (вкусовые качества).

Различен и химический состав жировой ткани домашних и диких северных оленей. У домашних оленей жировая ткань содержит меньше влаги в среднем на 0,8%, больше – жира на 0,7% и белка на 0,1% при равном количестве минеральных веществ. Следует отметить, что пределы колебаний содержания влаги и жира у домашних и диких северных оленей не совпадают, имеются различия и по калорийности жира. Жир домашних оленей характеризуется более низкой температурой плавления и более высокой температурой застывания, что указывает на меньшее содержание в нем насыщенных жирных кислот и большее – непредельных. Это подтверждается и числом омыления, равным у домашних оленей в среднем 196,7, у диких – 203,0. Жир домашних оленей имеет большую светопреломляющую способность, отличается большим содержанием свободных жирных кислот. В жире домашних оленей меньше глицеридов, а также растворимых и нерастворимых в воде летучих жирных кислот. Полагают, что отмеченные физико-химические особенности жира отражают морфологические и физио-

логические различия домашних и диких северных оленей.

Можно привести также сравнимые показатели крови диких и домашних северных оленей, анализ которых показывает, что, например, уровень общего, остаточного и белкового азота у диких оленей более высокий, чем у домашних. Белковый спектр сыворотки крови диких оленей характеризуется относительно низким содержанием альбуминов и более высоким – глобулинов, причем у взрослых важенков и телят количество альбуминов не достигает 50%. Концентрация альбуминов в сыворотке крови домашних оленей в ряде случаев составляет более 60%.

Содержание у-глобулинов в крови диких оленей в среднем составляет 13,8%. Очень низко оно у телят – 7,83%. В сыворотке крови домашних оленей количество у-глобулинов довольно высокое, особенно у взрослых самцов – 24,5% и телят – 21,44%.

Концентрация сахара в крови диких оленей в среднем равна 78,7 мг%, с наиболее высокими показателями у важенков (94,26 мг%) и хоров (81,5 мг%) и относительно низкими у телок, бычков и телят. У домашних оленей среднее количество сахара в крови (87,9 мг%) несколько выше, чем у диких, с наиболее высокими показателями у бычков (95,5 мг%) и у важенков (88,38 мг%).

Количество кетоновых тел в крови диких оленей составляет в среднем 6,38 мг%. Из этого количества на ацетон и на ацетоно-уксусную кислоту приходится 1,59 мг%, на бета-оксимасляную кислоту – 4,79 мг%. У домашних оленей количество кетоновых тел в 2 с лишним раза ниже, чем у диких. Это относится и к ацетону с ацетоноуксусной кислотой и к бета-оксимасляной кислоте.

Таким образом, результаты исследований позволяют отметить, что в крови диких северных оленей по сравнению с домашними установлена более высокая концентрация азотистых веществ, ЛЖК и кетоновых тел, несколько меньше содержание сахара, среди белковых фракций преобладают альфа- и бета-глобулины, выполняющие в организме основную транспортную роль. Все это свидетельствует о повышенном уровне обмена у диких оленей по сравнению с домашними и связано с различными экологическими, этологическими и в первую очередь кормовыми условиями (домашние олени выпасаются на ограниченных человеком площадях).

Обобщая, заметим, что различные условия обитания диких (экологические) и содержания домашних (эколого-хозяйственные) оленей ведут к разному состоянию животных. Это находит отражение в соответствующих биохимических показателях их крови. Как известно, то или иное физиологическое содержание проявляется в адекватном морфологическом отличии.

В свете рассматриваемой проблемы сравнительная картина крови диких и домашних оленей ясно отражает те внутренние (физиологические, биохимические и др.) изменения, которые произошли в процессе одомашнивания северных оленей, и наглядно свидетельствует о глубоких внутренних доместикационных изменениях их, которые, надо полагать, появились в исторический период, особенно продолжительный в условиях оленеводства.

В подтверждение огромной разницы между условиями содержания домашних и обитания диких оленей можно рассказать о наших наблюдениях в Томпсонском р-не Якутской АССР. Здесь домашние олени осенью и зимой выпасают-

ся строго по маршруту в лесных низовьях (долинах) рек, а весной – после стелочного периода и летом – в открытой долине верховьев рек. У диких же оленей отел проходит в низине, в густом лесу. После отела они поднимаются в горы. В это время там появляется ранняя зелень, а в долине, где обычно задерживаются домашние, лежит еще глубокий снег. Все лето "дикари" проводят в горах, в местах открытых и обдуваемых. В широких долинах, в каких выпасаются домашние олени, они никогда не водятся. К концу августа исчезает гнус, на горах и в верховьях рек, где еще находятся домашние олени, трава превращается в ветоху, тогда как в долине зелень продолжает сохранять сочность. К этому времени дикие олени спускаются вниз и обитают там до наступления гона.

С наступлением сроков гона, когда домашние находятся в долинах рек, дикие олени снова поднимаются в горы, где предпочитают места открытые и ягельные. Хор (хозяин гарема) окарауливает важенку и не отпускает их. В открытой местности ему легче видеть и маток, и возможную опасность. После гона олени оказываются в лесу, где нет сильных и холодных ветров. Выбирают места малоснежные и кормные. Здесь они проводят зиму. Как видим, домашние и дикие олени по сезонам года выпасаются в местах, совершенно различных в экологическом, топографическом, растительно-кормовом и других отношениях. Период питания зеленой растительностью у диких оленей получается значительно более продолжительным, чем у домашних.

Примечательно, что животные часто находятся в совершенно противоположных местах: когда одни из них пасутся в низовьях рек, другие оказываются в горах, или наоборот. В разных местах бывают и разные агроклиматические и зоометеорологические условия, более тяжелые для домашних оленей. Особенно трудно домашним оленям во время наста или гололедицы. Среди них наблюдается большой падеж. Дикие же из таких мест своевременно откочевывают, иногда на довольно значительные расстояния.

Такова принципиальная разница между содержанием домашних оленей и вольным обитанием их диких собратьев. Все это не может не наложить свой отпечаток на биологические, анатомические, физиологические, морфологические, фенотипические, генетические и т.д. свойства домашних оленей.

Материал настоящей монографии показывает, что под влиянием одомашнивания существенно изменились размер и форма тела, живая масса и мясная продуктивность (количественно и качественно), внутренние органы, кровь, поведение домашних оленей.

В этой связи возникает вопрос: каковы причины доместикационных изменений, в чем их историческая суть?

Как мы уже отмечали, при одомашнении оленей человек стал определять режим кормления, подобрать необходимые пастбища, своевременно перегонять на них животных, смягчать неблагоприятные воздействия природы, укрывать от непогоды, защищать от хищников, овода и гнуса. В подобных условиях животные стали меньше двигаться, спокойно выпасаться. Иным стало их питание: оно ухудшилось, ибо в условиях ограниченного движения животные не могли свободно выбирать растения, соответствующие их требованиям. Это не могло не вызвать изменения в обмене веществ, ведущего к большему отложению жира в организме, рыхлости и мясности телосложения, флегматичности живот-

ных и т.д. Охрана домашних оленей от хищников привела к ослаблению и частичной утере ими многих защитных рефлексов. Вследствие этого изменилось поведение животных, несколько трансформировалась деятельность центральной нервной системы, расшатывалась наследственность, повышалась изменчивость и лабильность одомашниваемых животных.

Таким образом, одомашненные животные оказываются под влиянием более разнообразных условий внешней среды, чем дикие, отсюда и изменчивость их значительно выше, а следовательно, и возможностей для отбора в любом направлении среди домашних животных больше, чем среди диких. При одомашнивании животные становятся более пластичными, податливыми, среди них появляется больше особей, отличающихся от своих родичей разнообразными признаками, в том числе и полезными человеку. И человек пользовался ими, может быть вначале не вполне осознанно, но, надо полагать, достаточно действенно, ибо от этого зависела его жизнь. Так в конечном счете появился совершенно новый действенный фактор эволюции домашних оленей – искусственный отбор. Следовательно, повышенная изменчивость домашних оленей и те преобразования, которые претерпели они в процессе одомашнивания, должны объясняться не только изменением условий их жизни, но и в основном целесообразной деятельностью человека. В ходе приспособления к различным экологическим и хозяйственным условиям под действием творческой деятельности человека домашние олени исторически приобрели те морфологические и физиологические (доместикационные) особенности, которые мы наблюдаем у них в настоящее время. Отличаясь фенотипно, домашние и дикие олени разнородны генотипически.

Итак, наряду со сходством мы наблюдаем и большие отличия у домашних и диких оленей. Причем доместикационные признаки настолько специфичны, что они у диких оленей не встречаются.

Главной отличительной особенностью домашних животных является заложенный в них человеческий труд (Маркс К. Капитал. 1978. Т. I. С. 192). С этой точки зрения домашний олень – продукт труда, венец оленеводческой культуры народов Севера. Оленеводство как специфическое занятие и совершенствующийся труд человека превратило дикого оленя в домашнего. Современный домашний олень со всеми своими хозяйственно-полезными особенностями есть создание человеческого общества, результат многовекового творческого труда людей.

Подводя итог, нужно отметить, что под одомашнением следует понимать изменение условий жизни животных в интересах человека, которое вызывает соответствующее изменение в организме животных в виде доместикационных особенностей. Следовательно, доместикационные особенности оленей надо признавать как результат одомашнения, как показатель одомашненности, как признак домашних животных, в отличие от диких, у которых подобные признаки отсутствуют. Это позволяет сделать вывод, что олени, ныне разводимые в хозяйствах тайги и тундры, являются настоящими домашними (культурными) животными, исторически давно культивируемыми человеком. Среди домашних оленей относится к сельскохозяйственным животным. Таким образом, считать домашнего оленя еще не прирученным, до сих пор остающимся диким животным на основании того, что он якобы неотличимо похож на дикого собрата, не кормится с рук и не содержится в скотопомещениях (главные доводы сторонников поли-

филетического происхождения оленеводства), выглядит совершенно не самостоятельным. И действительно, взаимоотношения и отличия между домашними и дикими оленями точно такие же, какие наблюдаются у собак и волков. Однако никто не осмелится назвать собаку диким животным, а волка — домашним зверем, хотя, в отличие от диких оленей, некоторые особи из них довольно легко приручаются и даже приносят в неволе потомство. Объективности ради добавим, что эскимосские ездовые лайки почти схожи с местными волками и не живут, как и все упряжные собаки, в помещениях, а все время проводят под открытым небом. Взрослые якутские лошади никогда не кормятся с рук. Однако не назовешь же по этим причинам собак и лошадей не домашними животными.

Приручение и одомашнивание животных — это продолжительный эволюционный процесс. Доказательства здесь излишни. Как известно, одомашнивание животных — понятие естественноисторическое (многовековое). На этом фоне можно сделать следующие выводы: 1) одомашнивание оленей есть продолжительный (а не скоротечный) исторический процесс, подтверждающий глубокую древность оленеводства, 2) домашние олени не могли произойти от отличающихся от них современных (соседних) диких оленей, они произошли от более древнего общего предка из южных мест, затем распространились из единого центра в пределы нынешнего ареала.

Этология домашних оленей — одомашнивающий признак. Особым качеством, приобретенным северными оленями в результате одомашнивания, является поведенческая характеристика животных (этология), связанная с деятельностью высшей нервной системы. Через нервную систему и при ее посредстве происходило изменение животных, их приспособление к условиям домашнего существования. В результате приручения животных прежде и больше всего изменилась их нервная система, а в связи с этим и их поведение.

В процессе одомашнивания многие условные рефлексы у животных угасали и заменялись новыми, появлялись новые реакции организма на изменившиеся условия внешней среды, новые нормы поведения животных и т.д. В соответствии с этим вырабатывались и новые приспособительные реакции животных, изменялись функции отдельных органов и организма в целом, а также внешнее и внутреннее строение животных, утрачивался характер диких предков, поведение домашних животных и их темперамент становились более уравновешенными, спокойными.

Отметим, что по сравнению с домашними у диких оленей лучше развиты слух, обоняние и зрение, они гораздо резвее и легки в движении, очень чутки, осторожны и пугливы. Среди домашних, особенно таежных оленей, встречаются исключительно смирные, флегматичные, ручные, покорные и легко приучающиеся к работе животные. Домашние олени обладают сильным и постоянным инстинктом стадности, который у диких оленей развит слабо и строго ограничен временем миграции. Инстинкт стадности у домашних оленей — не прирожденное свойство, а результат труда человека, который создал и поддерживает его непрерывным организованным движением стада по пастбищу, постоянным сгруппированием и стогом оленей в одно место, выбраковкой животных с недостаточным развитым стадным инстинктом и т.д. Используя стадный рефлекс, а также зная особенности ориентировочного поведения оленей, человек управляет их движением на местности. Таким образом, стадность позволяет управлять север-

ными оленями, подчинять их воле человека. Можно смело утверждать, что стадность северных оленей есть свойство, выработанное человеком во время их одомашнивания.

Одомашнивающим признаком является и отсутствие у домашних оленей выраженного инстинкта миграции, что также явилось одним из практических достижений человека в процессе одомашнивания оленей.

Домашние олени не умеют притаиваться, замирать так, как делают это в минуты опасности детеныши всех других представителей семейства оленьих, в том числе и диких оленей, у которых даже помеси с домашними оленями проявляют подобный инстинкт самосохранения. Такое понижение уровня оборонительного рефлекса у домашних оленей связано с изменением соответствующих форм их поведения. Например, дикий олень использует сигнальный прыжок, чтобы определить направление опасности. У домашних оленей сигнальные прыжки почти не наблюдаются. Дикие олени более требовательны к территориальной уединенности во время отела. У них телятятся важенки находятся друг от друга не ближе чем на 50 м. В стадах домашних оленей можно наблюдать важенки, отелившиеся неподалеку одна от другой или совсем рядом. Чем выше степень одомашненности, тем более безразличны важенки к обстановке отельного места. Это тоже можно рассматривать как результат одомашнивания, ибо территориальная разобщенность несомненно была важным элементом устранения возможного контакта теленка с другими оленями, его потери и т.д.

Как пишет Е.А.Борисенко, одомашнивающие изменения у животных, принадлежащих к разным видам, выражены неодинаково и обусловлены их видовыми особенностями и условиями существования (приручаемые животные разных видов неодинаково реагировали на одно и то же внешнее воздействие). Автор показывает, что (по: И.И.Соколов, 1955) канна в Аскании-Нова приручалась легко и стала почти домашней, а гну, несмотря на все усилия, осталась такой же злобной и пугливой, какой она была в Африке. Считается, что по причине этологических свойств и было одомашнено наибольшее число видов из подсемейства быковых, овец и коз, семейства свиней и некоторых других (31, с. 45, 47). В наше время все больше накапливается сведений о видовых особенностях поведения животных. Так, лоси, как и жирафы, совершенно не поддаются дрессировке. Все попытки научить их выступать на арене (кроме одного случая) до сих пор заканчивались неудачей. Домашние овцы в наибольшей степени утратили самостоятельность и стали беспомощными, у них еще больше развилось чувство стадности; не наблюдается случаев одиночания. Известно упрямство ослов, особенно диких, на которых, вовсе не случайно, например в Калифорнии, устраиваются состязания на десятки километров. Весь интерес в том, что не так-то легко заставить осла тронуться с места, если он не хочет. Одни из них все время пятятся назад, другие садятся. Есть и такие, которые, хотя и продвигаются вперед, но выбирают маршрут по собственному усмотрению, а не тот, который намечен судьями. Наконец, возьмем домашних буйволов. У себя на родине, в Азии, они покорно и безропотно тащат тяжелейшие повозки и терпят жестокие побои от своих погонщиков, валяются в грязи каналов, позволяют мальчишкам забираться верхом и почесывать себе загривок. Но иногда эти смирные тятло-

вые животные вдруг впадают в бешенство. Незнакомого запаха европейца может оказаться достаточно, чтобы повергнуть их в состояние безумия, и тогда они переворачивают повозки, крушат все вокруг и кидаются на любого, кто окажется рядом. Это явно опасная покорность, не наблюдающаяся у других домашних животных.

Итак, как убеждаемся, особенности поведения животных носят видовой характер. В этой связи, как можно объяснить поведенческое различие у домашних и диких оленей или у домашних и диких ослов? Ведь эти животные (дикие и домашние) одного вида, причем считающиеся совершенно одинаковыми во всех отношениях, особенно олени.

Крайнее отличие дикого оленя от домашнего — его неприручаемость в любом возрасте, даже в помесном виде, хотя факты приручения и одомашнивания многих видов семейства оленьих, напомним, известны давно (изюбри, козули, пятнистые олени, лоси). Утверждать так позволяет наша продолжительная (более трех десятков лет) работа в оленеводстве и постоянный интерес к этому вопросу. О неприручаемости евразийского и североамериканского диких оленей писал и В.Н.Скалон (235). Правда, не соглашаясь с его мнением, Р.Васильевский приводит следующий пример: "Такие выводы противоречат фактам. В Чукотском национальном округе нередко дикие олени приходят в стада, пасутся вместе с домашними оленями и даже остаются в стадах навсегда" (51, с. 48). Не оспаривая невероятность, скорее невозможность "добровольного одомашнивания" диких оленей, напомним, что заходы на фермы, в отары и стада домашних животных, в деревни и даже в города наблюдается среди многих диких животных — кабанов, баранов, козлов, лосей и др. От этого они не считаются и не становятся домашними. Но главное заключается в том, что здесь смешиваются эпизодические примеры (случаи) захода диких хоров в стадо домашних в период гона (вероятно, и одичавших домашних или помесных животных) с историческим процессом приручения и одомашнивания оленей, с их хозяйственной эволюцией. Противопоставление несравнимых подобных эпизодов и истории (эволюции) оленеводства — осечка в понимании рассматриваемой проблемы.

В ходе естественнoисторического развития дикие олени все более приспособлялись к экологическим условиям, а прирученные олени — одомашнивались. Из некогда диких животных в начальной стадии domestikации человек выбирал наиболее легко приручаемых особей, удовлетворяющих определенные его требования. От тех животных, которые оказывались наиболее пластичными, полезными и плодились в неволе, оставляли потомство. Постепенно возникал тип домашних оленей. Таким образом домашние и дикие олени развивались в различных направлениях, постепенно удаляясь и отличаясь друг от друга. Отсюда видно, что поведение животных связано с эволюцией вида. Иначе говоря, поведение диких и домашних оленей отражает приспособление животных к различным условиям их обитания и содержания. Следовательно, поведение домашних оленей относится к domestikационному признаку, отражающему самостоятельный эволюционный путь их развития.

В настоящее время подобное эволюционное развитие животных хорошо доказывается концепцией дестабилизирующего эффекта отбора, разработанной акад. Д.К.Беляевым. В ходе экспериментальных исследований по domestikа-

ции серебристо-черных лисич продемонстрирован взрывообразный и конвергентный характер формoобразования. Было достигнуто "особаивание" лисич, т.е. среди злых, пугливых, агрессивных животных получены добродушно-доверительные, ласковые лисичи с разной окраской, различной формой ушей, хвостов и т.д. Здесь селекция (эволюция), направленная волей ученого, за короткий срок дала результаты, получаемые человеком в ходе длительной работы по одомашниванию животных. Исследуя причины этого, академик пришел к анализу внутренних факторов эволюции. Представления о внутренних факторах эволюции были значительно углублены исследованиями эволюционной роли психоэмоционального стресса. Существо этих представлений состоит в том, что изменения стабилизированного нейро-гормонального статуса организма выявляют скрытые резервы генетической изменчивости, а вследствие этого определяют новые векторы отбора. Д.К.Беляев пришел к предположению, что в некоторых эволюционных ситуациях может происходить вскрытие активности ранее функционально неактивных генов, которые могут пополнять резервы генетической изменчивости. Таким образом, экспериментально было показано наличие "молчащих" генов и возможности их стабильной активации, разработана и углублена фундаментальная теория эволюционной проблемы отбора и формoобразовательного процесса. Обратим внимание, что в экспериментах изучались процессы, происходящие при одомашнивании животных и поведением изменялись свойства животных и нужные из них закреплялись по наследству. Например, у некоторых лисич, кроме внешних свойств, были изменены даже сроки нормального процесса размножения, они давали потомство два раза в год. Здесь интересно подчеркнуть созвучие сущности легенды тофаларов об одомашнении смиренного предка оленей и концепции акад. Д.К.Беляева о дестабилизирующем эффекте отбора, т.е. созвучие эмпирических наблюдений и научных теорий.

На основе фенетического и генетического различия ныне существующих домашних и диких оленей можно было бы считать двумя разновидностями одного общего вида. К тому же, как мы убеждаемся, все домашние олени произошли из одного Саяно-Алтайского центра, и древний саянский олень считается их вероятным прародителем. В этой связи возникает вопрос — домашние и дикие олени произошли от одного общего предка и дифференцировались (исторически разошлись в разные стороны) в процессе эволюции после одомашнивания, или их предки существовали в диком состоянии еще до одомашнивания?

В легенде тофаларов, напомним, сообщается, что из двух диких оленей — черного и белого — человек поймал смиренного и добродушного белого и одомашнил его. По существующему в литературе предположению самостоятельная исходная форма домашних оленей ныне в диком состоянии не встречается, т.е. дикий истинный предок домашних оленей, как более примитивный (реликтовый), давно уже вымер (235), хотя, вероятно, о них упоминается в современных трудах А.А.Мамковцева (152). В дальнейшем возможно подтверждение этих версий.

Наша работа, доказывающая монофилетическое происхождение оленеводства и эволюционное отличие домашних и диких оленей, в противоречие с

приведенными теориями не входит. Потому еще раз подчеркнем, что поведение домашних оленей – это характерный признак их одомашненности, свидетельствующий о их давнишней исторической самостоятельности по происхождению и эволюции.

Породы оленей – продукт эволюции оленеводства. Как было отмечено, животные проходят у человек три этапа длительного исторического развития: приручение, одомашнение и создание пород. Углубленное одомашнение приводит к формированию пород, к хозяйственному усовершенствованию животных. Следовательно, порода, так же как и одомашненность животных, категория историческая. В оленеводстве породы создавались народной селекцией в течение многих веков. Подобным путем образованы породы лошадей – ахалтекинская, арабская, донская, якутская и др., овец – гиссарская, каракульская, романовская и т.д., собак – многие породы лаек.

Постоянное воздействие человека, наследственность, заложенный в ней человеческий труд являются характерными признаками для породного животного, для его племенной ценности. Поэтому мы не можем рассматривать домашних животных как биологический объект, формирующийся только под воздействием естественно-географических условий, а обязаны понимать и изучать их в неразрывной связи с производственной деятельностью, хозяйственной необходимостью и историей народов, разводящих данных животных.

Современные породы оленей – это следствие исторической дифференциации древней исходной формы на ряд типов, отродий и пород под влиянием условий разведения. Породы оленей формируются в естественных условиях под воздействием человека. При этом факторами пороодообразования являются экологическая среда, пастбищные условия кормления и содержания, биологические особенности животных, скрещивание, племенная работа и т.д. В подобных случаях невозможно полностью отделить (разграничить) влияние естественных и искусственных факторов. Работой, проделанной природой, активно пользовался человек. Естественный и искусственный отбор часто действовали в одном направлении, например по отбору особей, наиболее приспособленных к местным природным условиям. В естественных условиях пастбищного содержания человек определял направление движения стада и условия кормления животных. Отсюда значение биологических свойств диких и домашних оленей совершенно различно, так же как и хозяйственное значение этих животных. Отбор в естественном состоянии оказывает более сложное действие, чем в одомашненном. Это является одним из характерных признаков породы оленей.

Распространение пород оленей ограничено территорией с примерно одинаковыми климатическими, ландшафтными и экономическими условиями. Свою территорию порода занимает сплошь, другие породы оленей в нее обычно не вклиниваются. Благодаря этому, несмотря на применяющуюся вольную случку, породы оленей существуют в чистоте. Породный состав оленей географически меняется в зависимости от этнического состава населения. Характерно, что каждая северная народность в своем распоряжении имеет только одну породу оленей.

Итак, порода в оленеводстве – результат совокупной деятельности естественных сил природы и исторически целенаправленных трудовых усилий

человека. Используя биологические свойства оленей и дополняя их вложением своего труда, человек создавал необходимую ему экономическую продуктивность и пользовался ею не только как готовым продуктом природы, но и как результатом своего воспроизводственного труда. Исходя из изложенного под породой в оленеводстве можно понимать целостную группу домашних оленей общего происхождения, отличающуюся комплексом особенностей, включающим прежде всего: территориально-этническую общность, характерные морфофизиологические признаки и биолого-хозяйственные качества, хозяйственно-полезную приспособленность к определенным природным и экономическим условиям, наследственность и способность изменяться в направлении отбора и условий существования.

История развития оленеводства, факторы пороодообразования, материалы зоотехнического обследования и различных исследовательских работ, а также личные наблюдения заставляют признать наиболее правильной классификацию, отражающую географические изменения пород оленей в зависимости от этнического состава населения. Это обусловлено географической изолированностью отдельных народностей, у которых олени формировались в тесной связи с окружающей природнохозяйственной средой. Подобная классификация полно отражает различие пород по морфофизиологическим, биологическим и продуктивным признакам.

Анализ промерно-весовых и экстерьерных данных, биологических, зоотехнических и экономических показателей, учет природнохозяйственных условий, национальных (этнических) особенностей оленеводства, происхождения, современного состояния и перспектив его развития позволяют среди оленей СССР выделить отдельные породы, из которых теперь официально утверждены чукотская, ненецкая, эвенская и эвенкийская породы.

Названные породы хорошо приспособлены к местным условиям, имеют свои экстерьерные и хозяйственные отличия, представлены достаточным числом особей, обеспечивающим их самостоятельное разведение, состоят из отдельных типов, отродий, линий, семейств. Олени всех четырех апробированных популяций стойко передают потомству продуктивные и экстерьерные признаки.

Здесь нет возможности показать все, даже основные различия пород. Подробное описание пород см. в книге С.Б.Помишина "Проблема породы и ее совершенствования в оленеводстве" (Якутск, 1981).

На основе вышеизложенного мы должны признать, что породы оленей созданы человеком, они – продукт труда человека, полученный в различных природно-климатических и хозяйственных условиях. Для наглядности проследим это на чукотской породе оленей, являющейся исторически самой молодой, хозяйственно целенаправленной (чисто мясной формы) и главное не имеющей аналогов среди диких оленей.

Основное поголовье чукотских оленей сосредоточено в Чукотском автономном округе, где наблюдается крайняя бедность ягельниками пастбищ к востоку от Чаунской губы, побережья Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей, Чукотского полуострова. К тому же большие площади пастбищ здесь ежегодно подвергаются снежным заоям и гололедице. Все это затрудняет существование оленей в зимний период.

Особенностью, имевшей влияние на формирование чукотских оленей, является то, что чукчи никогда не использовали своих оленей под верховую езду, слабо использовали их и в упряжке. Отсутствие транспортных животных сказало на технике выпаса оленей. Чукчи ведут окарауливание стад пешком, без собак. В этом заключается основная этническая особенность чукотского оленеводства. Такой метод содержания выработал у чукотских оленей спокойный темперамент, медленное передвижение по пастбищу, способность на большее поедание кормов и лучшее использование относительно меньшей кормовой площади. На темперамент оленей, на поведение стада и приемы использования пастбищ оказала влияние и сравнительно редкая перекочевка лагеря пастухов с одного места на другое.

Чукчи разводили оленей в основном для получения мяса и шкуры, стремились к всемерному увеличению поголовья. В зависимости от своей веры и убежденности, от хозяйственных целей они вели соответствующий отбор животных. Отбирались особи наиболее выносливые, крепкие, приспособленные к местным суровым условиям жизни и длительным передвижениям, имеющие выраженные мясные формы, способные быстро и хорошо откармливаться летом, откладывать большие запасы жира под кожей и выдерживать невзгоды продолжительной зимы.

Характерной особенностью чукотских оленей является их способность существовать зимой без ягельных кормов. Надо заметить, что дикие олени подобной способностью не обладают. На зиму они уходят в места, богатые ягельным кормом. Значит, содержание оленей на безъягельных пастбищах, человек заставлял их питаться ветошью и обходиться без привычного лишайникового корма. При этом отбирались животные, которые вели себя на пастбище более спокойно и могли поедать большое количество кормов. Такие животные быстрее восстанавливают хорошую упитанность и в неблагоприятной обстановке медленнее теряют ее. О ведущей роли человека в формировании способности оленей к существованию без ягеля говорит тот факт, что оленеводы, например Чукотского района, при выборе зимних пастбищ для оленей исходят не из наличия ягелей, а доступности кормов, главным образом зимне-зеленых растений. Содержание на безъягельных пастбищах выработало у оленей свойство к еще большему жиросложению в организме. Так, чукотские олени на протяжении короткого лета могут откладывать на крупе значительный слой жира, достигающий к концу августа 6-7 см.

Относительно скрещивания чукотских оленей с соседними эвенскими следует заметить, что обе эти породы исторически разводились в чистоте. Эвены и чукчи взаимно недооценивали оленей друг у друга и старались, особенно чукчи, не допускать их скрещивания. Чукчи иногда обменивали своих оленей на эвенских рабочих быков, но никогда не брали у эвенов хоров. В обмен эвены выбирали самых жирных чукотских оленей на мясо и тоже никогда не содержали чукотских хоров в стадах своих оленей.

Чукчи не обращали внимания на отбор и размножение наиболее крупных животных, не держали крупных и старых хоров-производителей. Стремясь иметь как можно больше оленей, в случку допускали молодых и наиболее энергичных производителей не старше четырех лет. По хозяйственным соображениям чукчи старались иметь крупные стада, в которых животные ведут себя спокойнее и их легче выпасать, у оленей вырабатывается сильный инстинкт

стадности, меньше бывает отколов и потерь животных. Зимой в крупных стадах животным сообщать легче добывать подснежный корм, они полнее осваивают пастбища, мало передвигаются.

Чукотские олени не только слабые грузовые, но и никудашные беговые животные, особенно на дальние расстояния. Они не отличаются резвостью и быстро задыхаются, урсливы и упрямы. По общему мнению оленеводов, чукотские олени не пригодны ни для упряжной, ни тем более для верховой езды.

Наконец, следует отметить, что чукотские олени в отличие от оленей других пород имеют в основном темную, почти черную масть, которая, очевидно, является следствием искусственного отбора. Таким образом, совместное действие различных экологических и хозяйственных (этнических) факторов привело к формированию чукотской породы оленей, резко отличающейся от эвенской, разводящейся по соседству, и особенно местных диких оленей. Диких оленей, похожих на чукотских, нет вообще. Это само по себе говорит о выведении чукотской породы оленей человеком.

Сравнительное отличие мясной продукции диких, чукотских и эвенских оленей мы уже показывали. Подобные результаты параллельно были получены в Магаданской обл. И интересно заметить, что чукотские олени, разводящиеся в Якутии и Магаданской обл., отличаясь от местных эвенских оленей, показали идентичное качество мясной продукции. Одинаковым оказался морфологический и химический состав мяса и у эвенских оленей Якутии и Магаданской обл., несмотря на столь отдаленные и разные экологические условия их разведения. Значит, качество мясной продукции оленей имеет породные особенности, т.е. на мясную продуктивность оленей и на качество оленьины существенное влияние, как и у других домашних животных, оказывают генетические факторы.

Подобные данные можно привести и по всем другим породам оленей, показывающие место и методы выведения их, т.е. отвечающие на исконный вопрос - где, как, каким образом возникла та или иная порода оленей. Теперь еще остается уточнить время происхождения каждой породы. Можно полагать, что формирование пород оленей у ненцев, эвенов и чукчей началось со времени восприятия ими оленеводства и культивирования этой отрасли. При этом одни приспособляли новую культуру к укладу своего хозяйства, т.е. по возможности трансформировали ее, а другие, наоборот, приспособлялись - воспринимали культуру целиком. Так, у чукчей порода оленей начала складываться после XVII в. Возникновение оленеводства у чукчей именно в этот период исторически обоснованно. Несколько раньше оленеводство воспринято эвенами. К древним породам относятся эвенкийские и ненецкие олени. Самыми древними, т.е. прародителями всех других пород оленей, являются саянские олени.

Таким образом, примеры чукотской породы оленей наглядно убеждают в том, что местные дикие олени не являются родоначальниками домашних оленей. Имевшие место эпизодические случаи прилития крови диких оленей существенных влияний на формирование свойств и признаков домашних оленей оказать не могли. Это опять-таки подтверждает вывод о разных прародителях домашних и диких оленей и исключает происхождение различных пород оленей от ныне существующих популяций диких оленей. Все это в итоге го-

ворит только в пользу монофилетического происхождения оленеводства.

Дальнейшая разработка проблем породообразования в оленеводстве может расширить освещение вопросов domestikации северного оленя, определить родоначальника, уточнить более вероятное его место и время существования, уточнить отличительные черты дикого оленя от домашнего. Это интересно не только со стороны рассматриваемого нами культурно-исторического аспекта, но не менее важно и с точки зрения проблем селекционной работы, теоретических и практических основ совершенствования существующих и выведения новых пород в оленеводстве.

Скращивания оленей и их результаты. Подход к данному вопросу со стороны рассматриваемой нами проблемы заставляет выделить следующие моменты. Гетерозис (сравнительная повышенность жизнестойкости, продуктивности, скороспелости и т.д.), получаемый при скращивании особей разных видов и пород, наблюдается только у животных генетически отдаленных друг от друга, т.е. в зависимости от временного, пространственного и селекционного (породного) соотношения их. Причем, чем больше временная (историческая) отдаленность генотипов, тем выше проявление гетерозисного явления. Например, особи (гибриды), получаемые при скращивании животных разных видов, дают полный гетерозис. В этом случае полученные гибридные животные по своим параметрам обычно превосходят обе исходные родительские формы. Сюда относятся мулы (от осла и кобылы), хайнаки (от яка и коровы) и др.

Сравнительно менее проявляется гетерозис при скращивании животных одного вида, но отдаленных территориально (экологически) или различающихся по породным особенностям, т.е. у животных относительно менее отдаленных друг от друга во временном (историческом) понятии.

Если на этом фоне сделать анализ имеющегося материала по скращиванию дикого и домашнего оленя, то можно обнаружить, что скращивание тофаларских оленей из Саян с эвенскими оленями в Якутии дает очень высокий эффект гетерозиса (полуторалетние бычки были тяжелее местных эвенских аналогов на 12-16 кг.) Исследование автора 1963-1984 гг.). Скорее всего оказались результаты (4-6 кг) скращивания чукотских оленей харгин с эвенскими оленями, разводящимися в одних и тех же экологических условиях. Наконец, следующий наш эксперимент по завозу и скращиванию оленей эвенской породы из различных, намного экологически отдаленных районов Якутии (Горный и Томпонский) ожидаемых результатов не показал (живая масса полученных бычков увеличилась лишь на 1-2 кг.). Наши опыты с одинаковым результатом повторены в различных регионах севера страны.

Здесь возможна следующая интерпретация. Пространственно (экологически) отдаленные, но генетически близкие олени исторически молодой эвенской породы при спаривании не проявляют гетерозисного эффекта. А скращивание также пространственно (территориально) отдаленных тофаларских и эвенских оленей показало очень сильное проявление гетерозиса. Это можно объяснить, очевидно, выраженной генетической (временной) отдаленностью тофаларских оленей, явно свидетельствующей об исторической давности их происхождения и допускающей, следовательно, существование оленеводства древности в Саяно-Алтайской области.

Что же касается скращивания одноэкологических чукотских и эвенских оленей, то эффект скращивания их объясняется породной причинностью.

Издавна наблюдались случаи скращивания домашних и диких оленей. О значении их в литературе существуют различные мнения. В основном они рассматривают практическую сторону вопроса. Относительно же получения при этом гетерозисного эффекта можно привести следующие данные Г.А.Аграната и В.Ф.Пузановой: "Ставились опыты скращивания самцов-карибу с важенками - домашними оленями. Гибрид превысил в весе на 20-25 кг домашнего оленя, качество мяса при этом не ухудшилось. Прирост молодняка достиг в целом 50-60%, в отдельных стадах - до 70-80%. Среднегодовой прирост стада составил 29%" (З, с.156).

Подобный материал зоотехнического обследования 37 оленей-гибридов в Ухтинском р-не Коми АССР (1941-1947), Нижне-Амурской обл. (1935) и Баунтовском р-не Бурятской АССР (1953) приводит С.М.Друри (1978, с.28-34). Она подчеркивает, что помеси от домашних и диких оленей отличаются крупным ростом, хорошим экстерьером и заметной скороспелостью. Это же отмечали Н.П.Сокольников (1927), Н.П.Наумов (1833), В.К.Кудрин и Д.Мурусидзе (1961), Б.Водошнянов (1969), М.М.Геллер (1869) и др.

Таким образом, ярко выраженный гетерозис, наблюдаемый при скращивании домашних и диких оленей даже одного экологического региона, свидетельствует об исторически давно сложившейся генетической отдаленности их. Это подтверждает самостоятельную эволюцию домашних и диких оленей, которая исключает версию о происхождении домашних оленей от ныне существующих их диких сородичей.

Заметим, что межпопуляционное скращивание диких и домашних оленей, а также межпородные скращивания последних могут пролить свет на историю и давность происхождения той или иной породы в оленеводстве. Требуется дальнейшее всестороннее изучение, исследование и научная интерпретация темы.

Краниологические отличия - породные свойства оленей. Сравнительно-анатомическое изучение черепа животных помогает установить степень систематического родства между отдельными группами животных, уточнить пути их эволюции и изменчивости, определить происхождение. Выяснением краниологических особенностей домашних и диких оленей занимались А.Якоби (1931), К.К.Флеров (1932, 1952), И.И.Соколов и Ф.Б.Чернявский (1962), Л.Н.Мичурин (1964), О.В.Егоров (1965), Б.Н.Барадиев (1966), Б.Г.Водошнянов (1970) и др. Среди диких оленей выделены подвиды: шпицбергенский, новоземельский, сибирский тундровой, сибирский лесной, баргузинский и охотский. При этом И.И.Соколов (1937) считает, что домашние олени не повторяют формы популяций диких. Отличие домашних оленей от диких показывают и все остальные авторы. А.Д.Мухачев на основе замеров черепа домашних и диких северных оленей Таймыра пишет: "Анализ полученных данных показывает, что самцы домашних оленей с достоверной разностью превосходят самцов диких оленей по таким замерам черепа, как анатомическая мозговая ось, орбитно-мозговая длина, наименьшая ширина лба, наибольшее расстояние между наружными краями затылочных мыщелков, высота затылочной плоскости, ширина мозговой части черепа. По основной длине черепа, ширине черепа в скуловых дугах, ширине затылочной плоскости, наименьшей ширине носовых костей черепа самцы домашних оленей хотя и превос-

ходят диких, однако разница недостоверна. По остальным промерам они уступают самцам диких северных оленей" (1975, с. 28).

Далее подчеркивается, что особенности в строении черепа у домашних и диких оленей и их различия проявляются более четко при рассмотрении индексов. Так, индекс 15/1 показывает, что череп более широк у домашних оленей. Соотношение лицевой и мозговой частей черепа подчеркивает меньшую вытянутость морды домашних оленей. Для черепа домашних оленей характерна относительно высокая морда и более узкая наибольшая ширина носовых костей. Черепа домашних оленей характеризуются лучшим развитием лобных костей в ширину. Остальные индексы также подчеркивают лучшее развитие в ширину черепной коробки у домашних оленей. Для них характерно и несколько лучшее развитие затылочных мыщелков. У черепа домашних оленей менее развиты надушные бугры.

А.П.Качан (1975) проведены исследования по изучению краниологических особенностей оленей чукотской (харгин) и эвенской пород. Собраны черепа от 60 оленей в возрасте 5,5 лет и старше. Измерение черепов проведено по единой методике И.И.Соколова (1937). Всего взято 18 промеров. На основании средних арифметических определено 11 индексов, имеющих наибольшее таксономическое значение.

Выяснено, что по абсолютным величинам промеров между черепами чукотских и эвенских оленей имеются значительные различия. Так, череп чукотских оленей характеризуется большей величиной следующих промеров: анатомическая мозговая ось, наибольшая ширина черепа, ширина черепа на уровне задних концов верхних отростков межчелюстных костей, ширина черепа между наружными выступами наружных бугров, расстояние между наружными краями затылочных мыщелков. Но по таким промерам, как наибольшая и основная длина черепа, орбитно-лицевая и орбитно-мозговая длина, ширина затылочной плоскости, наибольшая и наименьшая ширина носовых костей, чукотские олени уступают эвенским. По величине остальных промеров между чукотскими и эвенскими оленями наблюдается несколько противоречивая картина: самцы превосходят, самки уступают, или наоборот. Итак, череп чукотских оленей по сравнению с черепом эвенских оленей отличается меньшей длиной, менее вытянутой мордой, большей шириной, лучшим развитием мозговой части черепа.

Сравнение черепов чукотских и эвенских оленей с черепами других тундровых и таежных оленей также показывает различные краниологические особенности.

Таким образом, краниометрические данные, являясь доместикационными признаками, показывают существенное отличие домашних оленей от диких и наличие среди них породных различий.

Иммуногенетика в оленеводстве. Группы крови, полиморфные белки и ферменты, выполняя сложные физиолого-биохимические функции в организме и являясь продуктами деятельности генов, в той или иной мере характеризуют наследственные свойства животных. Генетически детерминированные белковые системы более стабильны, не меняются в течение жизни, не зависят от состояния организма и четко передаются по наследству — они являются устойчивым признаком каждого животного.

Иммуногенетические исследования позволяют изучить генетику видов и пород (популяций) домашних и диких животных, их происхождение, характер генеалогического родства, степень взаимовлияния и т.д. К сожалению, в оленеводстве подобные работы только начинаются.

Впервые типы трансферринов северного оленя Швеции изучали Гане и Рэндель (1961), которые описали три кодоминантных аллеля. Затем Брэнд (1964) у домашних и диких оленей Норвегии обнаружил 27 различных фенотипов, контролируемых 8 аллелями. Надлер и другие (1967) исследовали сыровотку крови 29 северных оленей Аляски.

В нашей стране изучению этого вопроса посвящена работа П.Н.Щубина и других (1969, 1970). Ими у тундрового оленя Коми АССР описано 5 основных аллелей, контролируемых 15 фенотипов. Полиморфизм трансферринов северного оленя Северо-Востока СССР изучали Н.М.Журкевич и Н.М.Фомичева (1975). У 4 пуляций тундрового и 3 популяций горно-таежного северного оленя они обнаружили 8-аллельную систему трансферринового локуса, контролирующую 26 фенотипов 28 возможных. М.К.Слепцов и другие (1977) провели исследования типов трансферрина северного оленя Якутии (Алданский, Верхоянский, Нижнеколымский, Олекминский, Томпонский районы). Им удалось установить 4 аллеля трансферринового локуса.

Сравнительно еще меньше исследований проведено по изучению типов гемоглобина, почти нет их по группам крови и ферментам. Впервые на наличие полиморфизма гемоглобина у северных оленей указали Орбани (1968) и Л.И.Иржак с сотрудниками (1973). В 1971–1975 гг. М.К.Слепцов и другие (1977) исследовали гемоглобин у разных экотипов северного оленя Якутии и возрастную изменчивость этого белка у молодняка. При этом во всех случаях исследований установлен единственный (основной) тип гемоглобина взрослого оленя, отличающийся гомогенностью. По возрастной изменчивости показано, что гемоглобин новорожденных оленят разделяется на две фракции и имеет свои возрастные особенности у молодняка различных пород.

Анализ литературного материала по изучению генетического полиморфизма белков и некоторых гематологических параметров показывает существенное породное различие обследованных оленей. Так, у эвенских оленей Верхоянского р-на Якутии (лесная зона) частота аллеля Т₂В превышает частоту аллеля Т₁С почти в два раза. В противоположность этому в Нижнеколымском районе (тундровая зона) у чукотских оленей частота Т₁С превышает встречаемость аллеля Т₂В в полтора раза. Показательно, что частота аллеля Т-С у чукотских оленей (харгин) намного выше, чем у эвенских, хотя эти животные разводятся в одинаковых экологических условиях Нижнеколымского р-на. Следует также заметить высокий индекс генетического сходства у лесных и тундровых эвенских оленей (Верхоянский и Нижнеколымский р-ны). Как видно, разные популяции оленя по трансферриновому локусу характеризуются широким полиморфизмом, позволяющим судить об их межпопуляционной и эколого-генетической особенности. Считается, что подобный широко распространенный полиморфизм может быть объяснен адаптивной неравноценностью отдельных аллелей к экологическим условиям и разным направлениям естественного и искусственного отбора. Расчет индекса генетического сходства у исследованных популяций оленей подтверждает их породное различие.

Изучение аминокислотного состава гемоглобина исследованных животных Якутии также показало наличие четких структурных отличий этих пигментов у животных разных пород. Выявленные популяционные особенности скорости замещения фетального гемоглобина взрослым типом белка и уровня содержания глутатиона у эвенских и чукотских оленей совхоза "Нижнеколымский" свидетельствуют о том, что эти олени породно дифференцируются на биохимическом уровне. Сравнение чукотских и эвенских оленей показывает, что первые из них имеют достоверно большее количество эритроцитов, но отличаются заметно меньшим содержанием глутатиона в крови, что свидетельствует о более низком уровне обмена веществ у них, чем у эвенских оленей. Подобные отличия наблюдаются и у молодняка этих пород. Так, новорожденные чукотские олени отличаются от эвенских сверстников несколько повышенным содержанием гемоглобина типа HbF и более быстрым замещением его взрослым типом белка, что подтверждает наше мнение о скороспелости чукотских оленей-харгин. Описанные несоответствия изучаемых биохимических признаков отражают глубокие фенотипические (породные) отличия.

Адаптивную и селективную природу полиморфизма трансферрина и гемоглобина у северных оленей показывают и другие исследования. Так, генная концентрация у северных оленей Северо-Востока СССР отличается от таковой у оленей Европейского Севера СССР, Норвегии, Аляски, а также у североамериканского карibu. В то же время частота аллелей трансферринового локуса северного оленя Аляски совпадает с таковой норвежских оленей. Причиной тому, очевидно, служит если не имевший место завоз на Аляску норвежских оленей, то независимый параллелизм (совпадение) генетических признаков адаптивного характера. Сравнение генного полиморфизма трансферринов у оленей североамериканских (Коми АССР) и якутских популяций обнаруживает у последних значительно высокую частоту аллелей T₂D и T₂C и заметно низкую - T₂B.

Показана также высокостойкая разница в генных частотах некоторых аллелей между тундровыми и горно-таежными популяциями. В частности, у оленей этих популяций Якутии обнаружена разница по частоте трансферриновых аллелей T₂C и T₂M, а аллель T₂A вообще отсутствует у оленей тундровых популяций. Такая же картина наблюдается у оленей Северо-Востока СССР.

Указанная частота аллелей у северных оленей весьма отдаленных регионов со своей стороны еще раз подчеркивает значительную генетическую разнородность существующих популяций (пород) домашних оленей.

Наша рабочая гипотеза полагает, что генетический полиморфизм трансферрина и гемоглобина у северных оленей закономерно должен отличаться адаптивной природой у диких и адаптивно-селективной особенностью у домашних оленей. При этом адаптивная характеристика может меняться соответственно экологическим условиям того или иного региона (зоны) или независимо совпадать у разных популяций животных - проявление параллелизма. А селективная - должна отражать направление искусственного отбора, который может привести к увеличению концентрации одних и уменьшению встречаемости других генов в разных географических зонах. На этой основе разница (концентрация, встречаемость) в генных частотах полиморфных

белков адаптивного и селективного происхождения может иметь различную степень.

Генетически детерминированные биохимические признаки позволяют изучать геногеографию и глубоко анализировать происхождение разных пород в оленеводстве, их генеалогическое родство, репродуктивную связь, уровень взаимовлияния и т.д. Начинаясь исследования вселяют надежду, что эти проблемы в ближайшем будущем найдут свое научное освещение.

В заключение заметим, что данные краниологии и иммуногенетики наряду со многими (нам теперь известными) фактами позволяют признать наличие отдельных пород оленей, их самостоятельную многовековую эволюцию, резкое отличие от диких оленей. Тем самым все вернее отрицается версия о множественности центров происхождения оленеводства, о происхождении домашних оленей от ныне существующих диких. В то же время научно шире и глубже обосновывается теория о едином центре происхождения оленеводческой культуры. В конечном счете приведенные факты дополняют и подтверждают общую нашу концепцию о существовании оленеводства древности, о его возникновении и становлении в Саяно-Алтайском центре и постепенном распространении на север Евразии.

ВЫВОДЫ

1. Основное формирование семейства оленей (*Cervidae*) проходило в Евразии, исходя из Центральной Монголии. Некогда, вероятно, существовала общая форма предка, которая под влиянием различных условий обитания впоследствии распалась на отдельные подвиды (типы) оленей.

Современный дикий олень, надо полагать, не прямой предок, а близкий родич домашнего оленя. Евразийский и североамериканский дикие олени одинаково неприручаемы. На основе этого и других факторов теория монофилетического происхождения домашних оленей исключает гипотезу о происхождении домашних от местных форм диких оленей (полифилию). Самый вероятный прародитель домашних оленей – саянский олень. Но прямой его предок пока неизвестен. По-видимому, исходная форма домашних оленей ныне в природе уже не существует.

Достоверных сведений о том, как проходило приручение оленей в далекие от нас времена, наука пока не имеет. Но наблюдения показывают, что привязывание молодых и спутывание взрослых оленей делают животных ручными и покорными. Эти приемы, не раз запечатленные на камнях (петроглифы) и применяемые сейчас саянскими оленеводами, несомненно исходят из глубокой древности.

2. Все следы древнего оленеводства обнаружены в Саяно-Алтайской обл. Современное саянское оленеводство считается остатком обширного монголо-кузнецкого оленеводства древности, а саянские оленеводы – потомками древнейшей культуры, давно отошедшей на север.

Данные археологии, петрографии, фольклора, лингвистики и истории приводят к выводу, что на Алтае (вероятно, и в Семиречье), в верховьях Енисея, к востоку до Селенги и к югу до Шаргиин-Гоби в древности существовала развитая оленеводческая культура. Распад этой культуры, очевидно, начался задолго до III в. до н.э. Главной причиной тому послужили климатические изменения, вызванные динамикой хребтов, разделяющих Сибирь и Монголию. Геологические, гидрографические, ботанические, зоогеографические и другие данные позволяют признать, что изменение климата Западной Монголии носило локальный, резко сухой характер и вызвало передвижение древних оленеводов на северо-запад и северо-восток.

3. Наиболее вероятный путь движения древних оленеводов на северо-запад пролегал в междуречье Оби и Енисея, до водораздела этих рек, и далее – в озерно-болотистую страну Ваха, Пура и Таза. Предки самодийцев, продвигавшиеся этим путем, самые вероятные первые распространители оленеводства по северу Евразии. В X–XI вв. произошло смешение самодийских оленеводов с северными аборигенами – оседлыми собаководами. Это подтверждает предположение об исторически весьма раннем начале передвижения оленеводов из Саян на север.

В северо-восточном направлении путь оленеводов в I тысячелетии н.э. проходил через Забайкалье, которое представляется нам не центром первоначального возникновения оленеводства, а первичным районом начавшегося распространения оленеводства на север из единого центра, находящегося в Саяно-Алтайской обл. Отсюда, пройдя по отрогам Яблонового хребта, одни из них через Патомское нагорье вышли (до XII в. н.э.) на Витимо-Олекминское плоскогорье, а затем, вероятно, к верховьям Оленека и Анабары. Другие распространились по Становому, а потом Верхоянскому хребтам и продвинулись до самого северного побережья, к востоку же вышли на Сахалин и Камчатку. Третьи через Прибайкалье вошли в бассейн Лены и Енисея – (в начале XIX в.). Продвижение это было начато звенками (тунгусами), сравнимыми таким путем оленеводство в северном и северо-восточном направлениях Азии. На крайнем севере тунгусское оленеводство появилось к XUI в.

4. Южное происхождение оленеводства подтверждается и другими научно-практическими материалами. Так, на севере, т.е. в местах ныне развитого оленеводства, нигде не обнаружены следы древнего оленеводства. Раскопки и разведки последних лет, произведенные советскими и зарубежными археологами как на древних, так и относительно поздних обиталищах Севера, ничего нового в этом отношении не дали. Их и не может быть, ибо в историческом прошлом здесь было развито ездовое собаководство, связанное с оседлой формой хозяйства. Оно существовало вдоль всего северного побережья и повсеместно предшествовало оленеводству. В низовьях Оби ездовые собаки использовались еще в IV в. до н.э. В X–XIII вв. упряжное собаководство оставалось единственным видом транспорта в Приуралье и Приобье. Лишь в XV в. здесь стали ездить на собаках и оленях, а в XV–XIX вв. – только на оленях. Подобная картина наблюдается и на Северо-Востоке. История и настоящее развитие северного ездового собаководства показывают, что оно несовместимо с кочевым бытом и, когда существует развитое оленеводство, быстро деградирует.

Историко-этнографический факт не одновременного возникновения оленеводства у народов Севера – также один из основных подтверждающих признаков. Чем дальше от Саян на северо-запад и северо-восток, тем оленеводство оказывается исторически более поздним и молодым. Так, хронологически молодыми оленеводами являются ханты и манси (XIII–XV вв.), коми (XVI в.), затем северные эвены, юкагиры и чуванцы, коряки и чукчи, якуты и долганы (XVII в.), наконец, карелы (XVIII в.). И совсем недавно стали заниматься оленеводством эскимосы (XIX в.). Поступательное историческое движение оленеводства с юга на северо-запад и северо-восток продолжается и в настоящее время.

Наконец, южное происхождение оленеводства ныне подтверждается и данными биологических наук. Только высокая приспособляемость оленей к экстремальным условиям окружающей среды (в отличие от других домашних животных) способствовала широкой их интродукции и акклиматизации, позволила распространить оленеводство как культуру на север Евразии и далее. В настоящее время установлено принципиальное отличие домашних оленей от диких. Поэтому считать домашнего оленя до сих пор диким животным на основании того, что он якобы неотличимо похож на своего дикого собрата (глав-

ный довод сторонников полифилетического происхождения оленеводства), выглядит совершенно несостоятельным. Приручение, одомашнение оленей и выведение самостоятельных пород (наличие которых доказано и официально утверждено) – это, особенно в условиях эмпирии и народной селекции, продолжительный (многовековой) эволюционный процесс, свидетельствующий не только о древности оленеводства, но и о монофилетическом его происхождении.

5. Существуют различные теории о происхождении оленеводства (Саяно-Алтайский, Лопаро-Германский, полигонный, Саянский и Тунгусский центры). Наиболее острый спор ведется между сторонниками множественности центров и единого Саяно-Алтайского центра происхождения оленеводства. Гипотеза о возникновении оленеводства в разных местах, независимо друг от друга и в разное время, оказывается слабообоснованной, теоретически несостоятельной и не выдерживает критики. Противоположная ей старая теория о Саяно-Алтайском центре происхождения оленеводства сейчас значительно подкреплена, подтверждается новыми историко-этнографическими и впервые приведенными в настоящей монографии биологическими данными, стала более вероятной и близкой к достоверной научной теории.

6. Рассмотренная нами проблема представляет большой теоретический и практический интерес. Однако она остается слабо исследованной. Необходимо дальнейшая научно обоснованная разработка. При этом особое внимание следует обратить на достижения биологии, генетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранат Г.А. Зарубежный Север. М., 1957.
2. Агранат Г.А. Положение коренного населения американского севера // Ин-форм. бюл. по зарубежному северу. М., 1958. № 2 (4).
3. Агранат Г.А. и Пузанова В.Ф. Энергетика, сельское и промышленное хозяйство американского севера. М., 1962.
4. Александрова В.Д. Оленеводство на Новой Земле и перспективы его развития // Проблемы Арктики. 1973. № 2.
5. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
6. Алымов В.К. Современное состояние оленеводства на Колымском полуострове // Северная Азия. 1928. № 4.
7. Амальрик А.С. и Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966.
8. Андрианов В.С. Памятники древнего поселения // Сов. Арктика. 1936, № 8.
9. Анисимов А.Ф. В.Г. Богораз-Тан (1865–1936) // Сов. Арктика. 1936. № 7.
10. Антропова В.В. Коряки // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
11. Антропова В.В. Ительмены // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
12. Антропова В.В. и Кузнецова В.Г. Чукчи // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
13. Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
14. Башарин Г.П. История животноводства в Якутии второй половины XIX – начала XX в. Якутск, 1962.
15. Беляева А.В. Освоение территории Магаданской области в XVIII – начале XX в. // Магаданский оленевод. 1962. 7.
16. Беляева А.В. Форум ученых мира // Зап. Магаданского краевед. музея. Магадан, 1965. Вып. 5.
17. Берг Л.С. Алтайские и Саянские тюрки // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Л., 1950. Вып. 6.
18. Березкин И.Г. Ленские равнины Эркэни, Туймада и Энгсели // Сб. науч. ст. якут. респ. краевед. музея им. Е.Ярославского. Якутск, 1966. Вып. 4.
19. Богданов Е.А. Происхождение домашних животных. М., 1937.
20. Боголюбовский С.Н. Проблема происхождения домашних животных // Тр. лаб. генетики АН СССР. Л., 1933.
21. Боголюбовский С.Н. Происхождение и эволюция домашних животных. М., 1940.
22. Боголюбовский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
23. Богораз В.Г. К вопросу о приросте северосибирских туземных племен // Северная Азия. 1925. № 4.
24. Богораз В.Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке // Сб. музея антроп. и этногр. АН СССР. 1927. Т. 6.
25. Богораз-Тан В.Г. Новые данные по этнографии малых народностей Севера // Северная Азия. 1928. № 3.

26. Богораз-Тан В.Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Сов. Север. 1930. № 6.
27. Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926-1927 гг. // Сов. этнография. 1932. № 4.
28. Богораз-Тан В.Г. Оленеводство: Возникновение, развитие, перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933. Вып. I.
29. Богораз-Тан В.Г., Н.Я.Марр. О происхождении американского человека // Сов. этнография. 1935. № 1.
30. Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1934. Ч.I; Л., 1939. Ч.II.
31. Борисенко Е.Я. Разведение сельскохозяйственных животных. М., 1952, 1957, 1967.
32. Браунер А.А. К вопросу о естественноисторическом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей // Тр. лаб. генетики АН СССР. Л., 1933. Вып.1.
33. Будовниц И. Оленеводческие колхозы Кольского полуострова. М.; Л., 1931.
34. Бураков А. Из жизни и быта охотника-туземца Тобольского севера // Охотник. 1926. № 6.
35. Вавилов Н.И. Социалистическая реконструкция. М. 1931.
36. Вавилов Н.И. Азия - источник видов // Наука и жизнь. 1968. № 17.
37. Вайнштейн С.И. Род и кочевая община у восточных тувинцев XIX - начало XX в. // Сов. этнография. 1959. № 6.
38. Вайнштейн С.И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновения // Кр. сообщ. ин-та этнографии. М., 1960, № 34. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // Сов. этнография. 1970. № 6.
39. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
40. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Сов. Север. 1931. № 10.
41. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Сов. этнография. 1946. № 4.
42. Василевич Г.М. Эвенки // Народы Сибири. М.; Л. 1956.
43. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в ХУП-ХУШ вв. // Учен. зап. ин-та языка, лит-ры и истории ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1958. Вып.5.
44. Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов. М., 1964.
45. Василевич Г.М. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972.
46. Василевич Г.М. и Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Сов. этнография. 1951. № 1.
47. Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЗ. М., 1962. Вып.37.
48. Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов // Этнографическое обозрение. М. 1910. № 1-2.
49. Васильев К.А. Собаки в фольклоре и культе северных народов // Сов. Арктика. 1935. № 5.
50. Васильевский Р.С. Археологические материалы поселения Атарган // Зап. Магадан. краевед. музея. Магадан, 1960. Вып.3.
51. Васильевский Р.С. Из истории оленеводства // Магаданский оленевод. 1962. № 8.
52. Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
53. Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
54. Вдовин И.С. Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов северо-востока Сибири // Социальная история народов Азии. М., 1975.
55. Вербов Г.Д. Лесные нанцы // Сов. этнография. 1936. № 2.
56. Виноградов М.П. Обзор иностранной литературы по оленеводству // Информ. бюлл. М. 1958. № 2 (4).
57. В-ков П. Северный олень как источник питания североамериканских соподчиненных штатов // Сов. Север. 1930. № 1.
58. Вислобокова И.А. Ископаемые олени Монголии. М., 1983.
59. Гааке Вильгельм. Происхождение животного мира СПб., 1896.
60. Гагина Т.Н. Структура орнитофауны Прибайкалья и вопросы ее происхождения // Тр. Баргузин. гос. заповедника. Улан-Удэ, 1960. Вып.2.
61. Гейденрейх Л. Канинские самоседы // Сов. Север. 1930. № 4.
62. Гемуев И.Н., Палих Г.И. Селькупские оленеводство. Сов. этнография. 1974. № 3.
63. Гештер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. М., 1961.
64. Гилев А. Записки о Баунтовском районе // Сов. Север. 1934. № 4.
65. Головачев Ф.А. Отчет о поездке по Восточному Саяну в истоках рек Ии, Уды и Тубы летом 1932 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1934. Т.66.
66. Голымстен В.В. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933. Вып.1.
67. Горбовский А. Загадки древней истории // Байкал. 1962. № 4.
68. Гришина Л. К неведомым горам. М., 1971.
69. Громов В.И. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова горы II // Тр. комис. по изучению четвертичного периода. 1932.
70. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1914. Т.1; 1924. Т.2; 1926. Т.3.
71. Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. РГО. 1933. Вып.5.
72. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1889. Т.2.
73. Гринер С.А. Доместикация карибу - дикого северного оленя Америки // Охотник. 1931. № 3.
74. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
75. Гульчаков Ф.Я. Северное оленеводство. М., 1954.
76. Гумилев Л.Н. Климат и история // Знание - сила. 1968. № 4.
77. Гурвич И.С. Оленеводство и анабарские якуты: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.
78. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
79. Давидова А.В. Раскопки Иволгинского городища в 1955 г. // Зап. Б-М. НИИ культуры. Улан-Удэ, 1965. Вып. XIII.
80. Давидова А.В. Иволгинское городище // Сов. археология. 1956. Т.XXV.
81. Давидова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гунинов // ВПИ. 1953. № 2.
82. Данилова А.А. Заметки о кличках оленей у эвенов // Вопр. языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980.
83. Дарлингтон Ф. Зоогеография. М., 1966.
84. Дебеп Г. Антропологическое изучение Советского Севера // Сов. Север. 1934. № 6.
85. Диков Н.Н. Новые данные по археологии Северо-Востока Сибири. М., 1964.
86. Диков Н.Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. Баку, 1965.

87. Диков Н.Н. По Чукотке - к предкам эскимосов // Зап. Магадан. краевед. музея. 1965. Вып.5.
88. Диков Н.Н. О задачах исторических исследований на Севере Дальнего Востока СССР // Тр. СВКНИИ СО АН СССР. М., 1967.
89. Диков Н.Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // Тр. СВКНИИ СО АН СССР. М., 1967. Вып.17.
90. Диков Н.Н. Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краевед. зап. Петропавловск-Камчатский, 1974.
91. Диков Н.Н. На остров Врангеля - к древним эскимосам // Знание - сила. 1976. № 10.
92. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
93. Добровольский И.М. Зоотехническая характеристика оленеводства острова Колгуева // Тр. ИПЗ. Л., 1938. Вып.2.
94. Долгих Б.О. О родоплеменном составе и расселении энцев // Сов. этнография. 1946. № 4.
95. Долгих Б.О. Происхождение нганасанов // Тр. Ин-та этнографии. 1952. Т.18.
96. Долгих Б.О. Энцы // Народы Сибири. М.; Л. 1956.
97. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. Ин-та этнографии. 1960. Т.55.
98. Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны // Тр. Ин-та этнографии. 1960. Т.56.
99. Друри И.В. Оленеводство. М.; Л., 1955.
100. Евтихова Л.А. Развалины дворца в земле Хягас // КС ИММК. М.; Л., 1947. Т.21.
101. Егунов Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Улан-Удэ, 1984.
102. Ермолаев А.П. Тоджа // Изв. Краснояр. отд-ние Рус. геогр. о-ва. Вып.1.
103. Есипов В.К. Акклиматизация животных в Антарктике // Животный мир Антарктики. Архангельск, 1938.
104. Жидяевский М.А. Камчадальский диалект // Сов. Север. 1930. № 2.
105. Залесский Н.В. К этнографии и антропологии карагасов // Тр. антропологического о-ва при Военно-мед. академии. СПб., 1898. Т.8.
106. Залкинд Е.М. Древние народы китайских хроник и эвенки Хун-ну, Дун-ху, Сян-би, Ши-вэй // Сов. этнография. 1937. № 1.
107. Залкинд Е.М. Из истории баргузинских эвенков конца XVIII века // Зап. Бур-Монг. гос. н.-и. ин-та языка, литературы и истории. Улан-Удэ, 1941. Вып.5-6.
108. Золотарев М.Е., Холукин Я.Н. Карагасия. Иркутск, 1926.
109. Золотарев А.М., Левин М.Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940.
110. Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В. Негидальцы, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, ороки, нивхи // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
111. Иезуитов В.М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл, 1956.
112. Инстранцев К. Хунну и гунны. Л., 1926.
113. КСИЭ. М., 1962. Вып. XXXVII.
114. Исхельсон В.И. По рекам Ясачной и Конкордону. СПб., 1898.
115. История и культура народов Севера и Дальнего Востока // Тр. СВКНИИ. М., 1967. Вып.17.
116. Кагаров Е. Общие труды по истории культуры и по этнографии Севера // Сов. Север. 1931. № 9.
117. Кагаров Е.В. Ревизия этнографии народов Советского Союза на Западе и ее классовая подоплека // Сов. Север. 1931. № 11-12.
118. Кагаров Е. Северный олень // Сов. Север. 1933. № 2.
119. Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов) // Сов. Север. 1930. № 6.
120. Карев Г.И. Возникновение и развитие северного оленеводства // Магаданский оленевод. 1963. 11.
121. Каррутерс Д. Неведомая Монголия. СПб., 1914. Т.1.
122. Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849) // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т.6.
123. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. СПб., 1891.
124. Кириллов В.Н. Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову // Изв. Рус. геогр. об-ва. СПб., 1912. Т.48.
125. Кириллов В.Н. Полуодомашненные изюры в Верхнеудинском округе // Изв. ВСОРГО. 1889. 4. Т.20.
126. Кирпичников А.А. На полуострове Южная Георгия // Природа. 1953. № 7.
127. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
128. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.
129. Козлов П.К. Ноин-улинские памятники. Л., 1925.
130. Корш Ф. Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение. 1910. № 1-2.
131. Крутлов А. Карагасия и ее хозяйство // Сов. Север. 1930. № 9-12.
132. Крупник И.И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства. М., 1975.
133. Крупник И.И. Становление крупнотасунного оленеводства у тундровых ненцев // Сов. этнография. 1976. № 2.
134. Кузнецов В.А. Тектоника Западной Тувы на стыке с горным Алтаем // ИАН. Сер. геолог. 1948. Вып.1.
135. Куфтин Б.А. Малкие народности и этнокультурные взаимоотношения на северо-востоке Сибири // Северная Азия. 1925. № 1-2.
136. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. М., 1983.
137. Кызласов Л.Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. Сов. этнография. 1951. № 1.
138. Лазовский А.А. Происхождение романовских овец // Животноводство. 1983. № 8.
139. Ламакин В.В. Неотектоника байкальской впадины // Новосибирск, 1969.
140. Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968.
141. Левин М.Г. Эвенки Северного Прибайкалья // Сов. этнография. 1936. № 2.
142. Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // Сов. этнография. 1946. № 4.
143. Левин М.Г. К антропологии Южной Сибири // КСИЭ. 1954. Т.20.
144. Левин М.Г. Антропологические типы Сибири // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
145. Левин М.Г. Эвенки // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
146. Лус Я.Я. Сарлнки и хайнаки // Тр. Монгол. комис. АН СССР. М., 1936. Вып.22.
147. Максимов А.Н. Происхождение оленеводства // Учен. зап. РАНИОН. М., 1928. Т.6.
148. Макушина В.П. Оленеводство на Лабрадорском полуострове // Сов. Север. 1932. № 3.

149. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
150. Марр Н.Я. Одомашнение собак // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933. Вып.1.
151. Материалы Приполярной переписи 1926-1927 гг. в Сибирском крае. Красноярск; Новосибирск, 1928-1929. Вып.1-3.
152. Машковцев А.А. Саянский дикий реликтовый северный олень. ДАН СССР. 1940. Т.27.
153. Мельников В.И. К вопросу о помощи бродячим и кочевым народностям // Северная Азия. 1925. № 5-6.
154. Меновщиков Г.А. Эскимосы // Народы Сибири. М.; Л. 1956.
155. Мещанинов И.И. Верхний палеолит // ИГАИМК. 1931. Т.П, вып.1.
156. Миддендорф А.В. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1869.
157. Михайловский. Шаманство. СПб., 1892.
158. Могильников В.А. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа в Среднем Приобье // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
159. Могильников В.А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып.7.
160. Могильников В.А. К проблеме туркизации населения Притомыя // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
161. Молчанов А. Восточный Саян: Очерки по геологии Сибири. М., 1934.
162. Мочанов Ю.А. Палеолит Алдана // Сб. науч. ст. якут. краевед. музея им. Е.Ярославского. Якутск, 1966. Вып.4.
163. Мочанов Ю.А. Нимяхтахская позднелевосточная культура // Любите и охраняйте природу Якутии. Якутск, 1967.
164. Мотинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М., 1953. Вып.35.
165. Нефедьев Е. Окинские сойоты // Сов. Север. 1930. № 3.
166. Нечаев П.А. Сибирские олени - родоначальники оленеводства Аляски // Магаданский оленевод. 1968. 19-20.
167. Николаев Р.В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера // КСИЭ. 1960. Вып.34.
168. Новгородова Э. Искусство, рожденное в пути // Вокруг света. 1972. № 6.
169. Новгородова Э. Чулуут, долина петроглифов // Вокруг света. 1979. № 8.
170. Новиков Г.А. Промыслово-охотничья фауна северо-западного Забайкалья // Тр. М-МКЗ. М.; Л., 1937.
171. Новиков Е.А. Как создаются и совершенствуются породы домашних животных. М., 1941.
172. Огнев В.В., Цыпанов Д.М. Оленеводство в районах Крайнего Севера Коми АССР // Социалистическое животноводство. 1951. № 1.
173. Окладников А.П. Следы палеолита в долине р.Лены // МИА. 1953. Вып.39.
174. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. СССР. М., 1955. Вып.43.
175. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т.1.
176. Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура. // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
177. Окладников А.П. Палеолит Забайкалья // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. № 1.
178. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
179. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.
180. Орлов Ю.А. В мире древних животных. М., 1968.
181. Орлова Е.П. Коряки полуострова Камчатки // Сев. Азия. 1929. № 3.
182. Основы этнографии // Под ред. С.А.Токарева. М., 1968.
183. Островских П. Оленные тувинцы // Сев. Азия. 1927. № 5-6.
184. Островских П.Е. К вопросу "О населении таймырского полуострова" (по поводу статьи Б.О.Долгих) // Северная Азия. 1929. № 2.
185. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974.
186. Павлова М.В. Описание ископаемых остатков млекопитающих Троицко-савско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. рус. геогр. о-ва. СПб., 1910. Т.ХУП.
187. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773-1788.
188. Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895. Т.1.
189. Парникова А.С. О расселении якутов 30-х - начала 40-х годов ХУП века // Тр. ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1960. Вып.2 (7).
190. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911.
191. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд. статистики. СПб., 1912. Т.П.
192. Первухин И. Среди малых северных народностей Сибирского края // Сов. Север. 1930. № 5.
193. Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте Песчаная на Байкале // Сб. тр. проф. и преподав. гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1921. Отдел I. Вып.2.
194. Петри Б.Э. Сибирский палеолит. Иркутск, 1926.
195. Петри Б.Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927.
196. Петри Б.Э. Этнографические исследования малых народов в Восточных Саянах. Иркутск, 1927.
197. Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тунгусских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930.
198. Плотноков М. Северное и пантовое оленеводство в Дальневосточном крае. Хабаровск, 1933.
199. Плотноков М. Олени острова Сахалина // Сов. Север. 1935. № 1.
200. Плотноков М. Об оленеводстве острова Сахалин // Магаданский оленевод. 1964. 13.
201. Полторацкая П.Г. Тункинские сойоты // Жизнь Бурятии. 1929. № 1-2.
202. Помишин С.Б. К вопросу об одомашненности северного оленя // Тр. ЯНИИХ. Якутск, 1966. Вып.8.
203. Помишин С.Б. Влияние одомашнения на северных оленей // Тр. ЯНИИХ. Якутск, Вып.8.
204. Помишин С.Б. О транспортном использовании оленя тофаларами // Сов. этнография. 1971. № 5.
205. Помишин С.Б. К проблеме происхождения оленеводства // Сельскохозяйственная наука к 50-летию Якутской АССР. Якутск, 1972.
206. Помишин С.Б. (соавтор Давыдов Н.Н.). О происхождении брутцеллеза у северных оленей // Сельскохозяйственная наука к 50-летию Якутской АССР. Якутск, 1972.
207. Помишин С.Б. Из истории оленеводства // Тр. ЯНИИХ. Якутск, 1975. Вып. XIV.
208. Помишин С.Б. О возникновении оленеводства в Якутской АССР // Пути повышения эффективности оленеводства Якутии. 1980. Вып.1-2.
209. Помишин С.Б. Проблема породы и ее совершенствования в оленеводстве. Якутск, 1981.
210. Помишин С.Б., Атутов А.А. Оленеводство Бурятии: Проблемы и пути развития. Улан-Удэ, 1983.

211. Попов А.А. Оленеводство у долган // Сов. этнография. 1935. № 4-5.
212. Попов А.А. Нганасаны. Кеты. Долганы // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
213. Поповский Марк. Пекло творения // Знание - сила. 1966. № 12.
214. Поппе Н.Н. К вопросу о происхождении скотоводства у монголов // Тр. Монгол. комис. АН СССР. М., 1936. Вып.22.
215. Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // Сов. этнография. 1945. № 4-5.
216. Потапов Л.П. Алтайцы. Хакасы. Тувинцы. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
217. Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
218. Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2.
219. Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. 1929. Т.2.
220. Прокофьева Е.Д. Древние жилища на р.Тим и Неть // Сов. этнография. 1947. № 2.
221. Прокофьева Е.Д. Ханты и манси // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
222. Прокофьева Е.Д. Ненцы. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
223. Равдоникас В.И. Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе // Вопр. истории доклассового общества. М.; Л., 1936.
224. Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1879.
225. Рождественский А.К. Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии. М., 1953.
226. Румынцев Б.Ф., Войтацкий Б.П. Лошади Монголии // Тр. Монгольской комиссии. М.; Л., 1936. Вып.22.
227. Сегаль А.Н. История северного оленя и оленеводства в Карелии // Северный олень в Карельской АССР. М.; Л., 1962.
228. Сегаль А.Н. Северный олень и оленеводство в Карелии. Петрозаводск, 1959.
229. Сергеев М.А. Тофалары сегодня // Сов. этнография. 1940. № 4.
230. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955.
231. Сергеев М.А. Тофалары // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
232. Сергеев М.А. Малые народы Севера. Магадан, 1957.
233. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
234. Скалон В.Н. К материалам о древнем скотоводстве Западного Забайкалья // Изв. Иркут. с.-х. ин-та. Иркутск, 1954. Вып.6.
235. Скалон В.Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства // Сов. археология. 1956. Т.25.
236. Скалон В.Н. Охраняйте природу. Иркутск, 1957.
237. Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Изв. Иркут. с.-х. ин-та. Иркутск, 1960. Вып.18.
238. Сосновский Г.П. К истории скотоводства Сибири // Проблема происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. 1940. Т.1.
239. Степанова М.В., Гурвич И.В. Юкагиры // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
240. Студзицкая С.В. Комментарий наскальных рисунков Забайкалья // Вокруг света. 1969. № 2.
241. Талько-Гринцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ Забайкальских. Верхнеудинск, 1928.
242. Теплоухов О.А. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула // Кр. отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии АН СССР. М., 1945.
243. Терлецкий П.Е. Северное оленеводство // Сб. по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике. М., 1932.
244. Токарев С.А. Гурвич И.С. Якуты // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
245. Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.
246. Тутарин А.Я. Последние калмаки // Северная Азия. 1926. № 1.
247. Устинов В.И. Оленеводство Магаданской области. Магадан, 1969.
248. Финдейзен Ганс. Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927-1928 гг // Северная Азия. 1929. № 2.
249. Флеров К.К. Очерк классификации и географического распространения северных оленей Старого Света // Тр. Совета по изучению производ. сил. Сер. якут. Л., 1932. Вып.4.
250. Флеров К.К. Северный олень из палеолита Сибири // Изв. гос. ин-та ист. мат. культ. М., 1935.
251. Флеров К.К. Морфология и экология оленеобразных в процессе их эволюции // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950.
252. Флеров К.К. Кабарги и олени // Фауна СССР. М.; Л., 1952. Т.1.
253. Харузин Н. Русские лопари. М., 1890.
254. Хелимский Е. Детективная лингвистика // Знание - сила. 1975. № 2.
255. Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966.
256. Хомич Л.В. Проблемы онтогенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
257. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Сов. этнография. 1945. № 4-5.
258. Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // Кр. сообщ. ин-та ист. матер. культуры. М., 1941. Вып.9.
259. Черский Н.В. В глубины прошлого Якутии. Якутск, 1962.
260. Чиндина Л.А. Некоторые особенности погребений с конем в могильниках Релка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
261. Чудинов В. Историко-этнографический очерк Иркутской губернии // Зап. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1865. Кн.8.
262. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства: (Культурно-историческая проблема). М., 1980.
263. Шухов И.Н. Последние следы утасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сибирск. ветеринарного ин-та. 1927. Т.8.
264. Этнография как источник реконструкции первобытной истории. М., 1979.
265. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
266. Ядринцев Н.М. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае // Сб. тр. Орхонской экспедиции. СПб., 1892.
267. Якутия в XVII веке. Якутск, 1953.
268. Янович Д.Т. По поводу наблюдений В.А. Варсонофьевой над вогулами // Северная Азия, 1929. № 5-6.
269. Яхонтов А.А. Происхождение домашних животных. М., 1937.
270. Бадамхатан С. Ховсголийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Ш.У.А.Х. Улаанбаатар, 1962.
271. Банзрагч Ч. Ховсгол аймак, Морон, 1961.
272. Zeuner F. A history of domesticated animals. L., 1963.
273. Lantis M. The reindeer industry in Alaska. Arctic. V.3. April. 1950.
274. Donner K. Uber das Alter der ostjarischen und wogulischen Rentierzucht // Finnisch-ungarische Forschungen. 1927. Bd. XVII.
275. Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884. Bd. 1-11.
276. Jngold T. The Scolt Lapps Today. Cambridge, 1976.
277. Kodolanyi J. Rentierzucht in Nordeurasien // Congressus Quartus Internationalis. Fenno-Ugristarum. Tezisek. Budapest, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ	4
1. Значение проблемы	4
2. Изученность проблемы	6
3. Задачи и методы изучения	7
Глава II. ВОПРОСЫ ДОМСТИКАЦИИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ	11
1. Предки и родичи домашнего оленя	11
2. О приручении и одомашнении северного оленя	19
Глава III. О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА	28
1. Следы существования оленеводства древности	28
2. Распространение упряжного собаководства как предшествен- ника оленеводства	36
3. Основные теории о происхождении оленеводства	39
Глава IV. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА	45
1. Климат и история оленеводства	45
2. Из этнической истории Центральной Азии	53
3. Народы Севера, их история и оленеводство	61
4. Современное поступательное движение оленеводства	101
Глава V. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОЛЕНЕВОДСТВА (некоторые биологические аспекты)	106
ВЫВОДЫ	128
ЛИТЕРАТУРА	131

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	- Вестник древней истории
ВСОРГО	- Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ДАН	- Доклады Академии наук СССР
Зап.Б.-М.НИИ культуры	- Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательско-го института культуры
ИГАИМК	- Известия государственной Академии истории мате-риальной культуры
Изв.РГО	- Известия Русского географического общества
ИАН	- Императорская Академия наук
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии
МИА	- Материалы и исследования по археологии
РАНИИОН	- Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СВКНИИ СО АН СССР	- Северо-Восточный комплексный научно-исследователь-ский институт Сибирского отделения Академии наук СССР
Тр. ИПЗ	- Труды Института полярного земледелия
Тр. Б.-МКЭ	- Труды Бурят-Монгольской комплексной экспедиции
Тр. ЯНИИСХ	- Труды Якутского научно-исследовательского институ-та сельского хозяйства
Тр. ЯФ СО АН СССР	- Труды Якутского филиала Сибирского отделения Ака-демии наук СССР

ПОМИШИН Семен Бартанович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА И ДОМЕСТИКАЦИЯ
СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

Утверждено к печати Бурятским научным центром
Сибирское отделение АН СССР

Редактор издательства Л.С. Кручинина
Художественный редактор Н.Н. Михайлова
Технический редактор Н.В. Вишневская

ИБ № 46207

Подписано к печати 14.12.89. Формат 60х90/16

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. печ. л. 9,0. Усл. кр.-отт. 9,1. Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2267. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
1177864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства
"Наука" 199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

В 1990г. выйдет в свет

Семейный быт народов СССР

50л. 4р.

По последней переписи в СССР насчитывается 66,3 млн. семей. Размер семьи, количество детей, внутрисемейные отношения, брачный возраст — эти и другие вопросы широко освещаются в книге. На основе большого этнографического и статистического материала авторы сравнивают семьи различных народов нашей страны, показывают, как меняется семья в зависимости от традиций, а также, что нового появилось в современных семьях, их обычаях, обрядах, ритуалах, ценностных ориентациях и т.д.

Для этнографов, демографов, социологов, философов и широкого круга читателей.